217514

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА И ИНДІИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1878.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго м., д. № 93.

НА ЦЕЙЛОНѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

> «It is well said, in every sense, that a man's religion is the chief fact with regard to him. A man's or a nation of men's».
>
> *Carlyle.*

Авторъ настоящей книги провелъ въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ около двухъ лѣтъ, объѣхалъ почти весь островъ и значительную часть сѣверной Индіи, отъ Калькутты до Лагора. Онъ побывалъ въ Бихарѣ, Непалѣ, Камаонѣ, въ части Пенджаба и Ражпутаны, и закончилъ свое индійское путешествіе въ Бомбеѣ. Часть собранныхъ во время путешествія замѣтокъ уже была напечатана въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и вошла въ настоящую книгу въ нѣсколько переработанномъ видѣ; нѣкоторыя же главы являются здѣсь впервые.

Озаглавивъ свою книгу „Очерками Цейлона и Индіи“, авторъ полагаетъ, что этимъ самымъ онъ уже достаточно выяснилъ, какъ слѣдуетъ относиться къ его книгѣ, иными словами опредѣлилъ, чего не слѣдуетъ искать въ ней. Настоящая книга не есть изложеніе долговременнаго путешествія, а потому далека отъ притязанія представить

читателю полное описаніе Цейлона и Индіи. Авторъ имѣлъ въ виду пересказать только о томъ изъ видѣннаго имъ, къ уразумѣнію чего, онъ считалъ себя наиболѣе подготовленнымъ. Предпринявъ путешествіе въ Индію съ специальною научною цѣлью, авторъ по роду своихъ занятій и въ слѣдствіи кратковременнаго пребыванія въ странѣ, не могъ обратить должнаго вниманія на многое изъ того, что безъ сомнѣнія заинтересовало бы читателя болѣе нежели содержаніе настоящихъ очерковъ. Несмотря однакоже на отрывочность собранныхъ въ книгѣ свѣдѣній, на нѣкоторую односторонность настоящихъ очерковъ, авторъ, глубоко убѣжденный, что въ Россіи всестороннее изученіе древней и новой Индіи есть одна изъ настоятельныхъ необходимостей, позволяетъ себѣ думать, что появленіе его книги очерковъ, хотя и касающихся главнымъ образомъ одной стороны индійской жизни, именно религіозной, не совершенно безполезно.

Большинству читателей, конечно, хорошо извѣстно то сильное вліяніе, какое оказали на современную Европу начавшіяся въ XIX ст. изслѣдованія древне-индійской литературы и языка; непосредственнымъ слѣдствіемъ розысканій въ этихъ областяхъ было появленіе новыхъ отраслей научнаго знанія. Открытія въ такой скромной и для громаднаго большинства у насъ такой скучной и безплодной области научныхъ изслѣдованій, какъ сравнительная грамматика, не только расширили предѣлы нашихъ свѣдѣній о человѣкѣ, отодвинули начало нашей исторіи въ глубь вѣковъ, но они же дали результаты непосредственной важности для практической дѣятельности. Идеи пле-

меннаго родства, такъ настойчиво и такъ ясно доказанныя сравнительною миѳологіею и сравнительною грамматикою, переставъ быть отвлеченными истинами, перешли въ жизнь, и въ сильной зависимости отъ изученія древняго слова, миѳа и стародавняго права развился національный принципъ современной политики.

Но какъ не важны были по своимъ результатамъ эти отрасли нашего вѣдѣнія, какъ не плодотворно было для современной Европы знакомство съ древне-индійской литературою и съ санскритомъ, всестороннее знаніе Индіи далеко не исчерпывается однимъ таковымъ только изученіемъ. Столь-же полно высокаго научнаго интереса изученіе современной Индіи, той Индіи которая не нашла себѣ выраженія въ древней литературѣ или той которая все болѣе и болѣе отрывается отъ своего прошлого роднаго, и не уяснивъ себѣ вполнѣ новыхъ задачъ, какъ бы находится въ тревожномъ недоумѣніи. Индія, прежде всего, страна обширная, полная разнообразія и оригинальности; тамъ рядомъ съ явленіями первобытной культуры есть слои общества, зараженные болѣзнями другой болѣе прогрессивной ступени развитія: на одной и той же почвѣ процвѣтаетъ суевѣрный служитель фетиша, и ростутъ и зрѣютъ юные скептики, все отрицающіе, ни во что невѣрующіе и во всемъ сомнѣвающіеся. По различнымъ закоулкамъ Индіи до сихъ поръ наблюдатель можетъ еще найти вполнѣ сохранившимся старо-давній строй жизни; на его глазахъ могутъ нарождаться новыя общественныя групы, трибы и кланы, люди амальгамироваться въ еще болѣе крупныя общественныя групы, подъ

вліяніемъ новой религіи, и онъ во очію узритъ такія общественныя движенія и такое душевное настроеніе отдѣльной личности, словомъ все то, съ чѣмъ современному европейцу приходится знакомиться лишь на страницахъ старо-давнихъ хроникъ или изъ полупонятныхъ легендъ. Въ большихъ городахъ Индіи передъ тѣмъ же наблюдателемъ предстаетъ совершенно иная по своему характеру жизнь: въ той же Индіи, онъ увидитъ новую эпоху, почуетъ вѣяніе новаго времени съ его вопросами и сомнѣніями. И если отъ первыхъ наблюденій несомнѣнно должна выиграть наука сравнительнаго правовѣдѣнія и ихъ результаты должны привести къ правильнымъ выводамъ о генезисѣ и развитіи намъ близкаго и родного общества, то изученіе явленій второго рода имѣютъ непосредственную важность для „злобы дня“.

Кто видѣлъ на мѣстѣ въ Индіи англійское управленіе и, не увлекаясь ложнопонятымъ патріотизмомъ, не закрывалъ глаза на все добро, сдѣланное англичанами тамъ, тотъ конечно будетъ далекъ отъ всякой мысли о возможности новой иноземной гегемоніи надъ индійцами. Стимуломъ къ изученію Индіи въ Россіи должны быть не антипатріотическіе, мечтательные планы грандіозныхъ завоеваній. Намъ нужно знать богатѣйшія и первенствующія владѣнія Англіи, уже потому, что Англія въ Азіи наша сосѣдка и всюду соперница. Въ сильной зависимости отъ знанія британскихъ порядковъ дома, въ Англіи и въ заморскихъ ея колоніяхъ и владѣніяхъ находится успѣшный исходъ нашего соперничества; чѣмъ лучше, всестороннѣе и безпристрастнѣе мы оцѣнимъ созданное ею, тѣмъ вѣрнѣе нашъ собственный успѣхъ.

Не нужно думать, однакоже, чтобы возможно было изученіе англійскихъ порядковъ въ Индіи безъ знанія древней Индіи или Индіи, не зараженной еще западною цивилизаціею; правильная оцѣнка созданнаго англичанами возможна только при знакомствѣ съ національной, чисто-индійской точкою зрѣнія: для этого же, необходимо знаніе старой Индіи, ключемъ къ уразумѣнію которой должна быть и ея странная и разнообразная религія.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ интересъ связанный съ изученіемъ Индіи, авторъ спѣшитъ предувѣдомить читателя и повторить уже вышесказанное, что въ его книгѣ очерковъ Индія, какъ старая такъ и новая, является лишь въ блѣдныхъ и не полныхъ контурахъ; для болѣе широкой задачи онъ чувствуетъ себя неподготовленнымъ и почтетъ для себя высшею наградою, если его книга пробудитъ въ русскомъ читателѣ интересъ къ предмету и желаніе узнать страну древней міровой цивилизаціи.

И. Минаевъ

НА ЦЕЙЛОНѢ.

I.

Отъ Галле до Гамбантоты.

Цейлонъ въ переводѣ значитъ „Львиный“, но на „Львиномъ островѣ“ львовъ нѣтъ; онъ славится слонами, на немъ водятся леопарды, медвѣди, шакалы, обезьяны, крокодилы и много другихъ звѣрей и птицъ; но львовъ нѣтъ, и врядъ-ли они были когда-либо здѣсь. А между тѣмъ туземцы называютъ свой островъ Синхала-двипа, т. е. островъ или страна львовъ; арабы передѣлали это имя въ Серендибъ, португальцы въ Zeilan, голландцы въ Ceilan, англичане въ Ceylon, откуда и наше—Цейлонъ. Если вы обратитесь за объясненіемъ имени къ туземцу, или станете искать его въ туземныхъ книгахъ, и тамъ, и тутъ найдете одно и то же объясненіе; и вѣрующій туземецъ буддистъ и мѣстныя хроники разскажутъ одно и то же: первый царь Цейлона Вижая былъ львинаго роду и прибылъ на островъ изъ Индіи; его отецъ звался Сихабаху (Львинорукій), а дѣдъ былъ левъ, потому и самъ онъ прозывался „львинымъ“. Изгнанный отцемъ за непослушаніе, царевичь львинаго роду послѣ долгаго плаванія съ толпою бродягъ присталъ къ острову, въ то время населенному демонами; здѣсь какъ Улиссъ онъ попалъ въ руки Цирцеи; но

цейлонская волшебница, прекрасная и разряженная какъ подруга Мары (демона), не выпустила изъ своихъ рукъ пришлеца. Вижая, первый арieцъ изъ Индiи, плѣненный красавицею, женился на ней и остался жить на островѣ; покоривъ туземное, вѣроятно, не-арiйское населенie, онъ воцарился на островѣ; въ продолженiи многихъ лѣтъ, его потомки мирно владѣли островомъ, въ честь его получившимъ названie также львинаго. Очевидно, что легенда нисколько не объясняетъ происхожденiя названiя; она имѣетъ всѣ признаки народной этимологiи, и конечно обязана своимъ происхожденieмъ имени страны, сдѣлавшемуся непонятнымъ задолго до созданiя легенды. Вопросъ о томъ, почему островъ, на которомъ нѣтъ львовъ, зовется львинымъ, занималъ также умы туземцевъ. Но не только островъ звался львинымъ, царствовавшая династiя, по старому индiйскому обычаю, могла также именоваться — львиною, т. е. „сингхала" въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначало царя, въ другихъ подвластную ему страну. Первобытный умъ, настроенный видѣть всюду чудесное и усматривать въ имени или описанiи сущности предмета, или исторiю его происхожденiя, ухватился за имя царя, а наивная вѣра во все чудесное помогла созданiю легенды. Явилось объясненie очевидной странности, и никому оно не казалось невѣроятнымъ: не царь звался именемъ страны, а страна приняла царское имя, а царь звался львинымъ, потому что происходилъ отъ льва.

Возможно и другое объясненie этого имени; оно не приходило въ умы туземцевъ, и, конечно, какъ не согласное съ тѣмъ, что гласятъ ихъ книги, будетъ ими отвергнуто. Весьма рано островъ былъ обращенъ въ буддизмъ; его цари и народъ были ревностные чтители ученiя „вѣщаго". Существующiя развалины на островѣ свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ усердieмъ воздвигались здѣсь монастыри, храмы и т. д., и въ

каждомъ храмѣ непремѣнно найдешь изображеніе льва. Не звался-ли „Вѣщій“ львомъ изъ роду Сакьевъ? Не въ память-ли его на громадныхъ гранитныхъ столбахъ до сихъ поръ стоятъ фигуры львовъ? Отъ этихъ не сгинувшихъ львовъ и ведетъ свое начало названіе острова: оно явилось по водвореніи буддизма, и въ названіи острова „львинымъ“ есть прямое указаніе на то, что ученіе льва изъ рода Сакьевъ пустило на островѣ глубокіе корни и имѣло тысячи поклонниковъ. Островъ имѣлъ и другія названія: онъ звался по цвѣту своей почвы „мѣдно-краснымъ“: изъ этого туземнаго имени греки сдѣлали Тапробане.

Слава о благодатномъ роскошномъ островѣ давно гремитъ на Западѣ. Въ глубокой древности сюда являлись западные люди въ своихъ поискахъ за восточною роскошью. Быть можетъ, уже купцы Тира, эти „славные князи земли“, посылали свои большія суда на Цейлонъ за драгоцѣнными камнями и слоновою костью, и отсюда Соломону привозили тѣ восточные товары, которые въ библіи названы индійскими именами. Но въ Европу извѣстія о Тапробане дошли гораздо позднѣе; здѣсь первыя подробности объ островѣ получены были за восемнадцать столѣтій до водворенія на немъ новыхъ европейцевъ: отъ полководцевъ Македонскаго завоевателя европейцы услышали разсказы о слонахъ, слоновой кости, о драгоцѣнныхъ камняхъ и водяныхъ чудовищахъ острова. По покореніи Египта Августомъ и вслѣдъ за открытіемъ муссоновъ, торговля съ Востокомъ получила значительное развитіе; по свидѣтельству Плинія Римъ покупалъ индійскихъ товаровъ на пятьсотъ пятьдесятъ милліоновъ сестерцій: изъ Индіи и съ Цейлона везлись брилліанты, жемчугъ, пряности, шелкъ, — предметы роскоши и необходимые для богослуженія, для сжиганія мертвыхъ тѣлъ и для изысканныхъ нарядовъ богатыхъ римскихъ матронъ. Чѣмъ сильнѣе развивалась на Западѣ по-

требность въ этихъ предметахъ, тѣмъ болѣе возростаетъ торговое значеніе Цейлона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣнія о немъ дѣлаются болѣе точными. Плиній зналъ, сколько городовъ и сколько жителей на островѣ. Ему извѣстны были рѣки и минеральныя богатства острова. Свѣдѣнія Птолемея объ островѣ еще болѣе опредѣленны и полны. Отъ купцовъ, отъ случайныхъ посольствъ въ Римъ, на Западѣ узнавали кое-что о внутреннемъ бытѣ страны; напримѣръ Бардезанъ описалъ съ внѣшней стороны буддійскихъ монаховъ совершенно такими же, какими они по нынѣ представляются глазамъ путешественника. Тотъ, кто разсказывалъ ему о трапезахъ срамановъ (подвижниковъ) долженъ былъ самъ слышать и этотъ призывный колоколъ и своими глазами видѣть, какъ собирались монахи за общій столъ, и какъ они возносили предобѣденныя моленія. Множество другихъ мелочныхъ подробностей, сообщаемыхъ древними писателями, могутъ быть въ настоящее время подтверждены очевидцемъ. Но индійскіе товары и извѣстія о странѣ доходили на Западъ не однимъ этимъ путемъ. Въ слѣдъ за разрушеніемъ Парѳянскаго могущества персы стали принимать дѣятельное участіе въ міровой торговлѣ. Чрезъ ихъ посредство доставлялись въ Византію дорогія произведенія Индіи и добытыя на Цейлонѣ китайскія шелковыя матеріи. Съ VI по XI ст. по Р. Х., вмѣстѣ съ персами, арабы овладѣли совершенно торговлею съ Цейлономъ; послѣ того какъ торговое значеніе Багдада и Бассоры возросло на счетъ значенія Александріи, ихъ суда встрѣчались въ Галле (Point-de-Galle) съ судами китайцевъ. Къ этому времени относится извѣстіе о христіанахъ манехеяхъ и евреяхъ на островѣ Цейлонѣ. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ отъ Косьмы Индикоплевста и арабскаго путешественника Абу-Зенда. Цейлонъ, лежащій на половинѣ пути между Аравіей и Китаемъ, долженъ былъ сдѣлаться значительнымъ мѣстомъ склада. Здѣсь былъ центръ

міровой торговли, и купцы отдаленнѣйшихъ странъ встрѣчались на Цейлонѣ. Сюда приходили китайцы съ своими шелками. Отсюда арабы вывозили тѣ предметы восточной роскоши, на которые и старая и новая Европа такъ падка. Такое положеніе дѣлъ продолжалось долгое время, и только во времена новѣйшія, вслѣдъ за торговлею венеціанцевъ, мирныя отношенія запада къ востоку смѣнились враждебными. Въ 1517 г., на Цейлонѣ услышали первый выстрѣлъ. Въ обмѣнъ за естественныя богатства португальцы принесли туземцамъ „ученіе мира“ и мечъ. Они владѣли частью острова полтораста лѣтъ, и во все это время война не прекращалась. Съ фанатизмомъ истребляя старую вѣру и безуспѣшно водворяя христіанство, португальцы оставили на островѣ кровавый слѣдъ. Вовлеченные въ громадныя издержки, они принуждены были наконецъ оставить островъ. Ихъ смѣнили голландцы, и въ концѣ прошлаго столѣтія англичане. Разсматривая развитіе нашихъ свѣдѣній о Цейлонѣ, убѣждаемся, что съ этимъ именемъ связаны самыя фантастическія представленія о Востокѣ; распространенію этихъ свѣдѣній во многомъ способствовало пресловутое путешествіе Синдбада, усердно читавшееся въ Европѣ въ средніе вѣка, и вообще арабскіе писатели, для которыхъ Цейлонъ, кромѣ торговаго значенія, имѣлъ и религіозное. Сюда, на поклоненіе Адамовой горѣ и слѣду, начиная съ X ст. по Р. X., стекались благочестивые странники. Съ этой горой мусульмане связали поэтическое преданіе о падшемъ прародителѣ. Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая и низверженъ съ седьмого неба, съ этой горы бросилъ онъ послѣдній взоръ на потерянный рай; здѣсь, въ слезахъ и полный раскаянія, онъ искупалъ свой грѣхъ подвижничествомъ; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ простоялъ на одной ногѣ. Его слѣдъ видимъ до сихъ поръ. Этотъ quasi слѣдъ буддисты называютъ слѣдомъ вѣщаго, христіане — св. Ѳомы. Словомъ,

на островѣ Цейлонѣ, начиная съ древнихъ временъ, сталкивался востокъ съ западомъ. Разсказы о тропической роскоши его природы, о минеральныхъ богатствахъ, воспламеняли фантазію восточныхъ и западныхъ авантюристовъ. За богатствомъ сюда плыли китайцы съ востока, съ запада греки, затѣмъ персы, арабы, венеціанцы и т. д., кончая англичанами.

Суда „Peninsular & Oriental Steam Navigation Company“ обыкновенно пристаютъ къ Point-de-Galle, на зарѣ, рано утромъ, и предъ глазами путешественника предстаетъ островъ во всей своей роскошной красѣ. Самый путь, которымъ идутъ эти суда, способствуетъ усиленію перваго впечатлѣнія. Они идутъ путемъ англійскимъ, тѣмъ путемъ, на которомъ англичане построили ворота въ Индію, и ключи отъ этихъ воротъ они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ. Въ Гибралтарѣ путешественникъ видитъ послѣднюю картину европейской природы. Затѣмъ пароходъ останавливается въ Мальтѣ, Александріи и, наконецъ, въ Аденѣ. Печальнѣе Адена или острова Сокотора (у котораго пароходъ не останавливается) нельзя ничего себѣ представить: голыя скалы, казармы, укрѣпленія и невыносимый зной. Лѣтомъ, въ іюнѣ, переѣздъ отъ Александріи до Индіи едва-ли можетъ считаться нетягостнымъ. Жара въ Красномъ морѣ, муссоны въ океанѣ утомляютъ большинство путешественниковъ. И врядъ-ли путешественникамъ, томимымъ жарою въ Красномъ морѣ, среди современныхъ удобствъ и при современной скорости передвиженія, когда-либо приходится вспоминать о томъ, какъ въ древности везлись товары изъ Индіи по Красному морю. Какъ медленно они плыли по морю, и какъ еще медленнѣе двигались въ песчаной степи навьюченные ими верблюды, сколько ночей проводили караваны въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь желѣзная дорога

отъ Александріи къ Суэцу въ одну ночь переноситъ отъ береговъ Средиземнаго моря къ пристани на Красномъ. Но, Александрія сохранила свой характеръ: здѣсь нѣтъ, конечно, теперь христіанскихъ сектантовъ, греческихъ философовъ, египетскихъ жрецовъ и восточныхъ волхвовъ, никто не интересуется здѣсь теософіей, но по прежнему городъ стоитъ на перепутьи между Европою и Азіею, и весьма естественно остался полувосточнымъ полузападнымъ. И вотъ, наконецъ, послѣ восьмидневнаго переѣзда отъ Адена до Point-de-Galle, пароходъ останавливается у Цейлона. Пестрая картина, развернувшаяся передъ вашими глазами, отчасти уже знакома вамъ по описаніямъ различныхъ путешествій: двойныя лодки сингалезцевъ, торгаши мавры съ драгоцѣнными каменьями, эти потомки арабовъ или персовъ, когда-то торговавшихъ въ Цейлонѣ; сингалезцы съ чудными длинными волосами, распущенными совершенно также по-женски, какъ это описалъ Птолемей, ихъ простой и нельзя сказать, чтобы удобный костюмъ, описанный китайцами въ VII вѣкѣ по Р. Х., — всѣ эти мелочи и детали сообщены и изображены въ любомъ путешествіи по Цейлону. Едва пароходъ успѣлъ стать на якорь, какъ со всѣхъ сторонъ на него налетѣли лодки, лодочки; на палубѣ показались разнообразныя народности, населяющія Галле; все это двигалось, кричало, шумѣло, а кругомъ —

....цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слёзъ!

Я вышелъ на берегъ однимъ изъ первыхъ, переѣхавъ съ парохода въ просторной лодкѣ плута мавра. Въ узенькую, двойную лодку сингалезцевъ, хотя описанную уже классическими авторами, я не хотѣлъ садиться; со мною былъ багажъ, да къ тому же лодка не внушала къ себѣ довѣрія. Я сторговался съ мавромъ за двѣ рупи (4 шил.); но, когда мы при-

стали къ берегу, я увидѣлъ, что не отдѣлаюсь двумя руп. По словамъ мавра, каждый джентльменъ прибавляетъ что-либо на гребцовъ; а гребцовъ было четверо. Поспѣшивъ отдѣлаться отъ гребцовъ и мавра, я прошелъ крытою галлереею въ таможню, гдѣ моего чемодана и не раскрывали даже. Въ отелѣ (Oriental Hôtel), куда я отправился затѣмъ, мнѣ отвели просторную комнату во второмъ этажѣ, съ окнами, выходящими на морѣ. Галле — полу-европейскій городъ, и представляетъ мало примѣчательнаго. Но для новичка на Востокѣ и здѣсь найдется кое-что любопытное.

Какъ только приходитъ пароходъ и пассажиры соберутся въ отелѣ, кто въ ожиданіи парохода, отправляющагося въ Европу, либо въ Китай, или Австралію, кто посидѣть только нѣсколько часовъ на сушѣ и затѣмъ плыть дальше, въ Мадрасъ, Калькутту, словомъ, какъ только на просторной, крытой террасѣ отеля завидятся пріѣзжіе, чутьемъ почуютъ это мѣстные торгаши и набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, каждый съ своимъ товаромъ. Опять мавры съ драгоцѣнными каменьями, или часто со стекломъ и мѣдью вмѣсто перла и золота. Мнѣ разсказывали анекдотъ объ одномъ мѣстномъ высокопоставленномъ лицѣ. Особа, пользующаяся большою популярностью между туземнымъ населеніемъ, и особенно между буддійскимъ духовенствомъ, имѣетъ нѣкоторую слабость къ драгоцѣннымъ камнямъ и считаетъ себя знатокомъ. Случилось разъ особѣ ѣхать на пароходѣ изъ Галле въ Коломбо. На томъ же пароходѣ ѣхалъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, изукрашенный перстнями, запонками и т. п. различными драгоцѣнностями. Особенно выдавался одинъ перстень, бросавшійся прямо въ глаза любителю драгоцѣнныхъ каменьевъ. Владѣлецъ перстня снялъ его и обязательно предложилъ осмотрѣть; зная, что особа считаетъ себя и считается знатокомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, онъ при этомъ лукаво попросилъ оцѣнить камень.

— Я заплатилъ за камень меньшей величины сто фунтовъ — отвѣчалъ знатокъ: — вашъ больше и, конечно, стоитъ дороже.

— Ваше высокопр—ство ошибается—отвѣчалъ владѣлецъ перстня, —я заплатилъ за него всего рупи (2 шил.); когда же по пріѣздѣ въ Лондонъ показалъ камень знакомому ювелиру, онъ сказалъ мнѣ, что я передалъ шиллингъ.

Но большинству пріѣзжихъ и проѣзжихъ этотъ случай, конечно, неизвѣстенъ, и мавры бойко торгуютъ на террасѣ. Правда, приходится слышать, какъ, вмѣсто трехъ фунтовъ, покупщикъ предлагаетъ три рупи. Мавръ саркастически улыбается, отходитъ на время, возвращается сызнова, и называя себя № first, т. е. я лучшій, первый ювелиръ, предлагаетъ вновь поторговаться. За маврами идутъ другія національности: сингалезцы съ палками изъ различныхъ мѣстныхъ деревъ, съ фигурами слоновъ изъ слоновой кости; персы изъ Бомбея съ произведеніями Кашемира. Внезапно, среди глухого говора на террасѣ, доносится съ улицы какой-то пискливый визгъ. То очарователь змѣй: и онъ явился заработать деньгу. Я видѣлъ пляску змѣй въ первый же день своего пріѣзда въ Галле. Потомъ въ Коломбо я видѣлъ двухъ мальчиковъ, очарователей змѣй. Одному изъ нихъ было не болѣе десяти лѣтъ. Оба были совершенно голы, съ препоясанными чреслами, и обращались съ змѣею очень безцеремонно; обвязывали змѣею шею, таскали ее въ рукахъ. А змѣй былъ Corba de Capello. Змѣю, одну или нѣсколькихъ, сохраняютъ въ круглой плетенкѣ. Волшебникъ садится на корточки передъ плетенкою и, наигрывая свою свирѣль, слегка шевелитъ и подталкиваетъ плетенку. Тихо и какъ будто не охотно поднимаетъ голову змѣя; мало-по-малу она раздражается, поднимается вертикально и быстро, съ шипѣніемъ протягиваетъ голову къ голой колѣнкѣ очарователя, который также быстро

отстраняетъ свою колѣнку. И въ этомъ состоитъ обыкновенно пляска змѣй.

Отель въ Галле, хотя выстроенный и принадлежащій европейской компаніи, представляетъ нѣкоторыя любопытныя, мѣстныя черты. Онъ считается по справедливости однимъ изъ лучшихъ во всей Азіи. Комнаты просторны, прохладны и содержатся въ чистотѣ; двери и окна плотно притворяются; прислуга, вся изъ мѣстнаго населенія, внимательна и расторопна; большинство слугъ сингалезцы, и всѣ безъ исключенія въ своемъ національномъ костюмѣ: босоноги и, вмѣсто панталонъ, ноги плотно обвиваются юбкою; но сверху надѣвается или коротенькая куртка, или жакетка англійскаго покроя: длинные волосы заплетены въ пучокъ на затылкѣ. Каждаго европейца слуга зоветъ „master", что почти равносильно нашему „баринъ", какъ звался въ Россіи всякій въ нѣмецкомъ одѣяніи. Туземецъ очень услужливъ, но лѣнивъ, трусливъ, подобострастенъ и страшно любопытенъ. Сдѣлайте только видъ, что не прочь отвѣчать на его вопросы, и слуга, принесшій утромъ чашку чаю, закидаетъ васъ вопросами. Ему какъ будто необходимо знать все, что до васъ касается; онъ не прочь освѣдомиться, любите-ли и часто-ли ѣдите, и уже, конечно, спроситъ васъ, когда вы ѣдете, куда ѣдете и откуда пріѣхали. Оставьте книги на столѣ, и будьте увѣрены — ваши книги, особенно если то туземныя, восточныя, подвергнутся тщательному осмотру; но слуга не ограничится однимъ этимъ: при первомъ удобномъ случаѣ, мягко улыбаясь, онъ начнетъ васъ допрашивать, зачѣмъ вамъ, европейцамъ, такія книги, ваше-ли дѣло читать ихъ? Звонковъ въ отелѣ нѣтъ; нѣтъ ихъ и въ частныхъ домахъ. Слугу зовутъ, или хлопая въ ладони, или же, всего чаще, покрикивая „boy!" Утромъ, въ отелѣ, вы услышите протяжные крики: „boy!" раздающіеся изъ разныхъ комнатъ. И какъ, бывало, на Руси на кличъ: „малый",

отзывался сѣдовласый, сгорбленный старецъ, такъ и здѣсь: крикните „boy“, и въ вашу дверь просунется сѣдая, беззубая голова. Слово „boy“ испорченное индустанское бхаи (братъ); но, въ настоящее время, въ устахъ англичанъ, оно значитъ не болѣе какъ французское „garçon“ и, крича „boy“, никто не думаетъ о происхожденіи слова и не соединяетъ съ нимъ другого значенія. Хотя въ вашей комнатѣ вывѣшено объявленіе, что слугамъ не слѣдуетъ давать денегъ, что плата за всякую услугу будетъ прописана въ вашемъ счетѣ, и объявленіе, конечно, извѣстно слугамъ, но тѣмъ не менѣе получить „подарочекъ“, видѣть „ваше вниманіе къ себѣ“, слуга не прочь, и не прочь въ нѣкоторыхъ случаяхъ заявить о томъ, конечно весьма робко, выражая слабую надежду на такое благополучіе. Дадите достаточно или много, онъ приложитъ руку ко лбу, въ знакъ благодарности, дадите мало — онъ все-таки приметъ вашу монету, въ обѣ руки, но благодарности при этомъ не увидите, руки ко лбу онъ не приложитъ. Въ мѣстахъ, какъ Галле, гдѣ бываетъ наплывъ всякаго рода иностранцевъ, эта привычка „видѣть къ себѣ вниманіе“ развита довольно сильно.

На другой день моего пребыванія въ Галле, рано утромъ, часовъ въ шесть я вышелъ прогуляться. Въ этотъ часъ, въ воздухѣ, около моря чувствуется освѣжительная прохлада; съ моря несется пріятный вѣтерокъ. Миновавъ фортъ и солнцемъ спаленный, огромный лугъ, лежащій между тою частью города, гдѣ живутъ европейцы, и предмѣстьями, я углубился въ одну изъ улицъ. Я шелъ по ровному какъ полъ шоссе, подъ тѣнью громадныхъ кокосовъ и банановъ. Красно-мѣдный цвѣтъ дороги (откуда ведетъ начало греческое названіе острова), тропическая растительность кругомъ и издали ясно слышимый шумъ волнъ, ударяющихъ о берегъ, вся эта обстановка, для непривычнаго глаза сѣверянина, имѣла видъ театральности:

не вѣрилось, что все это дѣйствительность, что это природа, а не дѣла рукъ человѣческихъ, не громадная оранжерея или зимній садъ съ таинственнымъ каскадомъ. Туземный городъ просыпался: я могъ видѣть и еще лучше обонять это; всюду чувствовался невыносимый запахъ кокосоваго масла. Кое-гдѣ, праздно сидя у пороговъ своихъ мазанокъ, на меня глядѣли сингалезцы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я могъ видѣть, какъ свершался женскій туалетъ, или вѣрнѣе, наблюдать охоту за чужеядными звѣрями, гнѣздящимися въ дебряхъ, на благородной части человѣческаго тѣла — занятіе, любимое въ Италіи и не безъизвѣстное на Руси. На встрѣчу мнѣ попадались совершенно голые кулй (рабочіе), двуколески, тащимыя быкомъ или парою быковъ; все это двигалось, съ провизіею, въ европейскій городъ. Попадались монахи, молча стоявшіе около какой-либо лавочки: въ знакъ того, что святой отецъ желаетъ получить подаяніе; просить объ этомъ ему запрещалъ канонъ. Мимо меня проходили благочестивые сингалезки съ завтракомъ на банановыхъ листахъ: они спѣшили въ монастыри кормить отцовъ. Кое-гдѣ нѣжная мать, захвативъ въ грязную горсть грязную воду, терла черное личико совершенно голаго мальчика. Наблюдая эти мелочи окружавшей меня картины, я незамѣтно прошелъ около трехъ миль, и уже хотѣлъ возвращаться домой, какъ вдругъ за моей спиной раздался дѣтскій голосъ: Sir! bud temple! Мальчишка, лѣтъ двѣнадцати, вызывался показать буддійскій храмъ. Онъ затвердилъ эти три англійскія слова, зналъ въ придачу „three pence", и былъ мѣстнымъ гидомъ. Отъ нечего дѣлать я пошелъ за нимъ. Мы свернули въ сторону, въ чащу, и стали подниматься по узенькой тропинкѣ, въ гору. Растительность, не стѣсняемая мазанками, вытянувшимися въ одну линію, вдоль дороги, была здѣсь еще роскошнѣе и разнообразнѣе. Хотя уже было около восьми часовъ, но въ тѣни чувствовалась пріятная прохлада.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ въ гору, какъ увидалъ, что за мною тянется цѣлая стая голыхъ, грязныхъ, въ полномъ смыслѣ слова, черномазыхъ ребятъ. Одинъ мальчуганъ тащилъ громадный кокосъ и, макая грязные пальцы въ прорѣзанное отверстіе, предлагалъ мнѣ попить соку. Я отказался. „Sir! no three pence coco-nut“, т. е. вѣдь это даромъ! упрашивалъ меня мой гидъ. На вершинѣ холма я нашелъ маленькій храмъ и рядомъ побольше келью. Храмъ не представлялъ ничего любопытнаго. Незатѣйливая архитектура, деревянныя статуи Будды, цвѣты передъ статуями и т. д., все, что потомъ мнѣ случалось видѣть во множествѣ другихъ новыхъ храмахъ. На фронтонѣ, прямо надъ дверью, намалеваны были корона и англійскій гербъ; подъ этимъ украшеніемъ были прописаны латинскою азбукою годъ построенія, имя монастыря и главнаго монаха; послѣдній титуловалъ себя Rev^{d}. Осмотрѣвъ храмъ, я повернулся къ выходу и хотѣлъ уходить, но увидалъ, что у выхода стоитъ послушникъ, лѣтъ четырнадцати, и протягивая ко мнѣ блюдо, выказываетъ намѣреніе не пропустить меня къ выходу; очевидно, онъ сбиралъ деньги за посмотръ. Я зналъ, что такой поборъ противенъ буддійскимъ уложеніямъ. Двѣ тысячи лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ, подобный поступокъ подалъ поводъ къ расколу въ буддійской общинѣ. Въ сѣверной Индіи, въ городѣ Вайшали, монахи вздумали по окончаніи утреннихъ молитвъ сбирать деньги съ мірянъ. Они выставили по срединѣ храма блюдо, и приглашали благочестивыхъ дѣлать вклады. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась между буддистами; произошелъ скандалъ, и на соборѣ, вскорѣ послѣ того созванномъ, еретики были отлучены отъ буддійской общины. Но то было давно. Тогда на храмахъ не рисовались короны и англійскій государственный гербъ, англичане не ѣзжали осматривать храмовъ, и монахи не называли себя „реверендами“. Несмотря на всѣ эти

смягчающія вину обстоятельства, я отказался сдѣлать вкладъ. Монахи приняли мой отказъ очень добродушно: извѣстили о моей скупости тотчасъ же главнаго старца, и это не помѣшало установиться добрымъ отношеніямъ между мною и старѣйшимъ монахомъ, плутоватымъ старикомъ. Я осмотрѣлъ его книги, получилъ на другой день полный списокъ заглавій его рукописей. Мы разстались добрыми пріятелями. Когда я достигъ опять улицы и, прощаясь съ моимъ путеводителемъ, далъ ему мелочь, я увидалъ, что на мою благодарность предъявляетъ право вся моя непрошенная и незванная свита. Десятки рукъ протягивались ко мнѣ, со словами: Sir! give! Sir! give! Sir! three pence! и т. д. Я оставался глухъ къ жалобнымъ просьбамъ; а толпа между тѣмъ прибывала. Просили и тѣ, которые не знали даже, гдѣ я былъ, и за какую услугу просятъ другіе; но сорвать что бы то ни было съ сэра такое любезное дѣло, какъ не позаняться имъ! Разогнать толпу было однакоже очень легко, и я очень скоро отдѣлался отъ ребятъ. Взрослые молча смотрѣли на эту потѣху, и при другомъ случаѣ охотно попытались бы тѣмъ же способомъ поживиться европейскимъ карманомъ.

Я вернулся въ отель къ завтраку. Ѣдятъ на Цейлонѣ много и часто. Англичане ѣдятъ по-европейски, и свою кухню завели также въ здѣшнихъ отеляхъ, принявъ отчасти нѣкоторыя мелкія подробности изъ мѣстной обстановки: такъ, фрукты всѣ мѣстные: ананасы, манго, платаны, апельсины и т. д., все это не привозное. Совершенно мѣстное блюдо также карри: сингалезцы ѣли его до Р. Х.; объ этомъ говорится въ ихъ хроникахъ. Карри приготовляется изъ рису съ различными горячительными приправами; кромѣ того, къ нему подаютъ рыбу, цыплятъ, говядину, какіе-то фрукты, какую-то икру. Все это смѣшивается и сначала кажется вкуснымъ; но очень скоро карри надоѣдаетъ: его подаютъ еже-

дневно, за завтракомъ, полдникомъ и обѣдомъ. Все остальное — привозное изъ Европы или Австраліи: говядина изъ Австраліи; пиво изъ Англіи; вина изъ Европы и Австраліи; даже сливочное масло и соль часто привозныя изъ Европы. А соли на Цейлонѣ много: это давно извѣстно и вскорѣ, послѣ моего прибытія сюда, я могъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами. Но не даромъ англійскіе военные оркестры такъ часто разыгрываютъ на чужбинѣ: „There is no place like home". Бродя по всему свѣту, англичанинъ нигдѣ не можетъ забыть милой родины, которую онъ такъ поэтически назвалъ: „home". Какъ воздухъ, ему необходимы различныя мелочи, составляющія англійскій комфортъ и напоминающія любезную сердцу родину. Есть и другая причина, почему всюду, гдѣ заведутся англичане, тамъ является большой спросъ на всякія англійскія вещи. Мнѣ случилось разъ говорить объ охотѣ въ Индіи, съ англичаниномъ, долго тамъ жившимъ и очень образованнымъ человѣкомъ; мой собесѣдникъ, страшный спортсменъ, жаловался на то, что англійскія собаки не выносятъ здѣшняго климата. На мой вопросъ, нельзя ли ихъ замѣнить туземными, онъ отвѣчалъ, что хотя туземныя собаки вообще очень плохи, однакоже между ними попадаются иногда очень хорошіе экземпляры; но, прибавилъ онъ, не принято находить что-либо туземное хорошимъ или равнымъ по достоинству съ англійскимъ. Такой отзывъ мнѣ показался характернымъ. Мой англичанинъ проговорился, и ненарокомъ высказалъ много правды. Мнѣ случалось сообщать этотъ отзывъ другимъ англичанамъ; нѣкоторые смѣялись, другіе положительно отрицали справедливость словъ охотника; въ его словахъ, однакоже, есть правда; быть можетъ, онъ преувеличилъ, и рѣзко выразилъ то, что дѣйствительно существуетъ, хотя и въ не столь значительной степени, и въ чемъ можно убѣдиться каждый день, на каждомъ шагу, садясь за обѣдъ,

входя въ домъ англичанина, прислушиваясь къ его отзыву о туземцахъ, не-англичанахъ.

Въ Галле я прожилъ нѣсколько дней. Развезя рекомендательныя письма и поѣздивъ по городу, я поспѣшилъ отправиться на востокъ, по южному берегу острова. Мой путь лежалъ чрезъ Матара, Тангалле — въ Гамбантота. Ежедневно, кромѣ воскресенья, изъ Галле въ Матара отправляется крытая коляска. Европеецъ платитъ за мѣсто шесть рупи; бюргеры, т. е. лица смѣшаннаго происхожденія, мудаліары (чиновники-туземцы) половину; остальные туземцы платятъ еще меньше. Европеецъ платитъ больше, но для него устроена коляска, и онъ полный господинъ въ ней. Если онъ является позднѣе, когда переднее мѣсто уже занято, туземецъ или туземка, бюргеръ или бюргерша должны уступить ему свое мѣсто. Для европейца всегда есть мѣсто, онъ имѣетъ право согнать съ мѣста туземца или бюргера, заставить ихъ дожидаться слѣдующей коляски. Такія преимущества оплачиваются двойною цѣною. Наканунѣ моего отъѣзда, мнѣ сказали въ отелѣ, что коляска заѣдетъ за мною. Я всталъ задолго до шести часовъ, позавтракалъ и сталъ ожидать пріѣзда коляски. Пробило семь, а коляски не было; мною овладѣло безпокойство, не уѣхала ли коляска безъ меня, и я обратился за разъясненіемъ къ управляющему отелемъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что хотя коляска должна выѣзжать въ 6½, но обыкновенно отъѣздъ замедляется, и обязательно послалъ слугу узнать, когда наконецъ выѣдетъ коляска. Слуга вернулся съ извѣстіемъ, что коляска выѣдетъ черезъ десять минутъ, но заѣхать въ отель не можетъ, такъ какъ лошади молодыя и останавливать ихъ трудно. Я отправился въ Office и, придя туда, къ удивленію моему, нашелъ, что лошадей не запрягали. Пассажиры были въ сборѣ. Двѣ бюргерши занимали переднія мѣста и, при моемъ приходѣ, стали видимо недоумѣ-

вать о томъ, что имъ дѣлать: уступить ли мѣсто добровольно, или ждать заявленія правъ европейца. Какой-то служитель оффиса предложилъ мнѣ очистить переднее мѣсто. Наконецъ, въ восемь лошади тронулись и борзо понеслись вскачь, несмотря на то, что въ коляскѣ сидѣло человѣкъ восемь. Я сидѣлъ на козлахъ, и могъ отлично видѣть все кругомъ. Мы ѣхали берегомъ моря, во всю дорогу подъ тѣнью кокосовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волны прибивали не болѣе какъ саженяхъ въ трехъ отъ дороги. Шоссе отъ Галле до Матары великолѣпное, но стóитъ оно громадныхъ издержекъ, и плата, взимаемая съ проѣзжихъ, также очень высока. Птолемей называетъ всю страну около Матары, къ востоку и западу, страною слоновъ; слоны водились здѣсь еще въ началѣ настоящаго столѣтія, теперь ихъ нѣтъ здѣсь, они встрѣчаются далѣе къ востоку, около Гамбантоты. Чрезъ каждыя пять миль мѣнялись лошади въ нашей коляскѣ; мы ѣхали быстро, среди довольно оживленнаго движенія. Приходилось обгонять множество пилигримовъ, отправлявшихся или въ Катрагамъ, или въ Потараганга; нѣкоторые шли пѣшкомъ, другіе ѣхали въ двуколкахъ, запряженныхъ однимъ быкомъ. Кое-гдѣ, по дорогѣ, въ деревняхъ стояли разукрашенныя колесницы, имѣвшія также отправиться въ Катрагамъ, гдѣ въ 20-хъ числахъ іюля должно было быть великое празднество. Пассажиры мѣнялись на каждой станціи. Иногда, не доѣзжая станціи, кто-нибудь выходилъ или садился; хотя внутреннихъ мѣстъ было всего четыре, но по временамъ въ полдень сидѣло человѣкъ пять или шесть. Въ Беллегамѣ, на половинѣ дороги, мы простояли около часу; я успѣлъ осмотрѣть здѣсь одну достопримѣчательность: Беллегамъ — мѣстечко рыбачье; кругомъ лѣсъ кокосовъ, хлѣбныхъ деревъ, ареки, яка и многихъ другихъ деревъ; страна очень плодородна и изобилуетъ воздѣланными полями. Не доѣзжая полмили до мѣстечка, въ сторонѣ отъ

дороги и въ кущѣ кокосовыхъ деревъ стоитъ громадная гранитная скала; въ ней вдѣлана, или можетъ быть высѣчена изъ самой скалы гигантская фигура въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи. Въ народѣ фигура зовется „прокаженнымъ царемъ“: объ этомъ царѣ разсказывается такая легенда. Ни на южномъ берегу, ни въ Коломбо, никто не могъ указать мнѣ литературный источникъ легенды. Всѣ, къ кому я обращался, повторяли одно и то же. Въ глубокой древности, въ центральной части острова, былъ нѣкій благочестивый царь; внезапно онъ былъ пораженъ сильнѣйшею проказою. Опечаленный и огорченный народъ сталъ молиться демонамъ и приносить жертвы. Не принимая участія ни въ томъ, ни въ другомъ, царь, почтивъ „вѣщаго“ приношеніемъ цвѣтовъ и поручивъ себя его защитѣ, впалъ въ глубокое забытье, продолжавшееся очень долго. И было царю видѣніе: великое водное пространство открылось передъ нимъ: оно было зелено вблизи и голубаго цвѣта издали. Попробовалъ царь воду; она была горька и непріятна на вкусъ. По берегамъ воднаго пространства высились деревья; такихъ деревъ не видывалъ царь на яву; высоки, стройны, безъ сучьевъ и вѣтвей, съ обиліемъ перовидныхъ листьевъ на верхушкѣ. Проснулся царь и недоумѣвалъ, что значитъ этотъ сонъ; свершилъ опять приношенія и молился усерднѣе прежняго. Было ему другое знаменіе. Огромный змѣй (Cobra de capello) предсталъ передъ нимъ. И поднявъ голову, змѣй упорно смотрѣлъ на царя. Затѣмъ, трижды поклонившись царю, змѣй испилъ воды изъ сосуда, стоявшаго передъ царемъ, и удалился. Потрясенный видѣніемъ и появленіемъ змѣя, царь отправился подъ тѣнь священнаго дерева (ficus religiosa), гдѣ и заснулъ. Опять предстало ему то же видѣніе, и видитъ онъ: подъ тѣнью громаднаго дерева стоитъ Суддходана, отецъ „Вѣщаго“, и указывая на югъ, говоритъ: „иди на югъ: тамъ увидишь такія же деревья, на яву; ихъ

плодъ исцѣлитъ тебя; воспламени дерево, и плодъ упадетъ на землю. За грѣхъ въ первомъ перерожденіи ты пораженъ проказою. Но змѣй, испивъ отъ твоей воды, искупилъ твой грѣхъ". Проснулся царь, созвалъ свою свиту и отправился на югъ, который въ то время былъ не заселенъ. Здѣсь увидалъ царь безбрежное водное пространство и кокосовыя пальмы. Видятъ царь и его спутники высокія деревья съ перовидными листьями и громадными плодами, и не знаютъ, какъ достать плодъ; взобраться на дерево имъ казалось невозможнымъ. Тутъ царь вспомнилъ завѣтъ Суддходаны, и приказалъ поджечь дерево. Съ трескомъ повалился великанъ. Три мѣсяца питался царь кокосами, и по истеченіи этого времени исцѣлился совершенно. Въ память своего избавленія царь воздвигъ въ скалѣ свою статую.

Отсюда до Матары одиннадцать миль; мы перемѣнили еще разъ лошадей, и въ 12 часовъ я былъ въ Матарѣ въ Rest-haus. Rest-haus — постоялый дворъ, устроенный правительствомъ. Въ Матарѣ постоялый дворъ прекрасно устроенъ и прекрасно содержится. Всюду чистота и опрятность. Домъ состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ на планъ; срединная — пріемная, по бокамъ двѣ спальни. Полъ каменный, покрытъ цыновками. Въ спальняхъ покойныя постели и умывальники. Передній фасадъ окруженъ верандою. Изъ срединной комнаты крытый ходъ ведетъ въ столовую, откуда открывается видъ на море. Въ Rest-haus можно имѣть завтракъ, обѣдъ и даже нѣкоторые предметы роскоши: сливочное масло изъ Европы и французскія вина. Обѣдъ и завтракъ, впрочемъ, болѣе длинны, нежели вкусны. Матара, какъ всѣ почти города Цейлона любопытенъ только своими окрестностями. Отсюда на востокъ начиналось древнее царство *Рогуна;* здѣсь процвѣталъ буддизмъ въ началѣ нашей эры, и въ послѣднее время между буддистами южнаго берега стало замѣтно осо-

бенное развитіе благочестивыхъ стремленій: монастыри возобновляются, книги собираются, и въ этомъ отношеніи югъ перещеголялъ центръ и сѣверъ острова, гдѣ, напротивъ, упадокъ вѣры очевиденъ. Черезъ часъ по пріѣздѣ въ Матару я вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы начать осмотръ того, что меня интересовало здѣсь. На улицѣ я недолго оставался въ недоумѣніи, съ чего начать и куда идти. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ въ сильно поношенномъ европейскомъ костюмѣ; типъ лица его былъ восточный, хотя цвѣтъ кожи и не такъ теменъ, какъ у кровнаго сингалезца. На довольно правильномъ англійскомъ языкѣ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги. Тогда я очень удивился его произношенію и знанію англійскаго языка; но, побывавъ впослѣдствіи въ разныхъ мѣстахъ, и видѣвъ въ Коломбо даже буддійскихъ монаховъ, говорившихъ по-англійски, я привыкъ къ этому распространенію англійской рѣчи на островѣ. Всюду говорятъ по-англійски, т. е. въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ вы можете найти одного или нѣсколькихъ человѣкъ, говорящихъ бойко по-англійски. Языкъ правителей распространяется помимо вліянія или требованія самого правительства. Правительство какъ будто совершенно не добивается распространенія англійскаго языка. Въ Коломбо, напримѣръ, я видѣлъ полицейскихъ служителей, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, ни слова не знавшихъ по-англійски. Правительство отпускаетъ деньги одинаково на школы англійскія и на Government Vernacular Schools, т. е. на школы, въ которыхъ не учатъ англійскому языку. И въ послѣднемъ отчетѣ о народномъ образованіи стоятъ такія цифры: въ 1869 г. число Vernacular Schools было 69, въ 1872 оно возросло до 152; въ 1869 въ нихъ было 2661 ученикъ, въ 1872 г. 6344. Въ томъ же отчетѣ я нахожу слѣдующее: The number of the English and Anglo-vernacular schools has been almost stationary; be-

cause, as the English-speaking population increased, missionary and private enterprise helped to supply the educational wants of the communities at large station. Англійскій языкъ распространяется отчасти чрезъ школы миссіонеровъ. Въ эти школы идутъ дѣти и христіанъ, и буддистовъ. Буддисты читаютъ здѣсь Евангеліе и библію, и если не всегда выходятъ христіанами, то всегда пріобрѣтаютъ знаніе англійскаго языка. Одинъ очень свѣдущій чиновникъ, англичанинъ, на южномъ берегу, сообщилъ мнѣ, что при повышеніи или при выборѣ лицъ довѣренныхъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на знаніе англійскаго языка, и всегда предпочитаетъ лицъ, пользующихся уваженіемъ между своими; лица, отрекшіяся отъ своей національности, въ большей части случаевъ не заслуживаютъ никакого довѣрія. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ сообщили, что англичане въ послѣднее время стали даже тяготиться распространеніемъ своего языка. Туземецъ, выучившись языку своихъ правителей, стремится выдти изъ своей среды, хлопочетъ объ оффиціальномъ положеніи, хочетъ быть чѣмъ-нибудь въ администраціи. И масса предложенія превышаетъ спросъ. Не навязывая свой языкъ чрезъ школы, англичане съумѣли добиться его распространенія. Англичанинъ, какъ бы онъ хорошо ни говорилъ по-сингалезски, въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, письменно или *устно*, знаетъ одну рѣчь, англійскую и, вслѣдствіе этого, сила вещей такова, что англійскій языкъ, англійскіе нравы сильно распространяются здѣсь, и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ распространяться еще долго. Вліяніе англійской культуры сказывается въ великихъ и малыхъ вещахъ. Оно замѣтно даже въ современномъ буддизмѣ. Въ Коломбо я имѣлъ честь принимать у себя одного буддійскаго монаха; онъ явился съ визитомъ, точно какой-нибудь епископъ, и этотъ столпъ буддизма оставилъ мнѣ карточку, на которой значилось: Revd H. Sumangala. High Priest of

Adam's Peak. Онъ говорилъ, по-санскритски и по-пâли, и охотно бесѣдовалъ по-англійски, не гнушался пожатія руки невѣрнаго и при прощаніи, *кивая головою*, произносилъ: good bye! А кланяться мірянину запрещалъ законъ! Сингалезцы англичанятся безсознательно; многіе, сохраняя свою юбку, вмѣсто панталонъ, думаютъ, что остаются вѣрны своей національности.

Мой гидъ оказался бюргеромъ, и за 1 шил. въ день согласился показать все примѣчательное въ Матарѣ. Но, кромѣ буддійскихъ храмовъ, здѣсь ничего не было примѣчательнаго; а потому мы и начали съ храмовъ. Но въ первомъ же храмѣ мы встрѣтили совершенно нелюбезный пріемъ. Я пожелалъ осмотрѣть храмъ. Монахи заупрямились и потребовали денегъ за посмотръ; получивъ, конечно, отказъ, отцы поставили мнѣ другое условіе: я долженъ былъ разуться при входѣ въ храмъ; я на это не согласился. Тогда, испытавъ всѣ эти средства, монахи покончили тѣмъ, что пустили меня въ храмъ безъ всякихъ условій. Множество храмовъ осмотрѣлъ я около Матары; много любопытнаго видѣлъ въ нихъ, но еще болѣе курьёзнаго.

Самый замѣчательный храмъ расположенъ въ трехъ миляхъ отъ Матары; онъ любопытенъ по немногимъ остаткамъ древности и по историческимъ воспоминаніямъ. Храмъ Дондера, о которомъ я говорю, въ глазахъ буддистовъ былъ когда-то также священенъ, какъ Адамова гора или развалины Анурадхапуры. Разрушенный въ XVI столѣтіи португальцами, въ настоящее время онъ представляетъ не много любопытнаго: кое-гдѣ виднѣются старые столбы, да главныя ворота; вотъ и все, что осталось отъ древности, даже столбы съ средневѣковыми надписями вывезены отсюда въ послѣднее время англичанами. И о быломъ величіи, когда многочисленныя колонны спускались почти къ самому морю, едва можно соста-

вить приблизительно вѣрное представленіе, смотря на кое-гдѣ разбросанныя колонны и обломки колоннъ. Настоящее зданіе храма ничѣмъ незамѣчательно; совершенно подобныхъ храмовъ много на островѣ; но въ самомъ храмѣ, внутри необыкновенно много живописи: исторія Будды, исторія его перерожденій наглядно разсказаны по стѣнамъ, и рядомъ съ буддійскою святынею встрѣчаешь здѣсь статую индійскихъ боговъ; Васудева изображенъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ему посвящена небольшая часовня. Отъ Матары до храма Дондера, не болѣе трехъ миль; во всю дорогу ѣдешь тѣнистою рощей, а послѣднею милю берегомъ моря. Ни храмъ, ни остатки древностей, очень, впрочемъ, малочисленныя, не видны издали. Храмъ существовалъ во всемъ блескѣ до XVI ст., когда онъ былъ разрушенъ португальцами. Неизвѣстно когда и кто выстроилъ его впервые; но несомнѣнно, что Деванувера или Дондера (т. е. городъ боговъ), мѣсто древнее и пользовалось большею извѣстностью. Уже Птолемей называетъ это мѣсто (Dagana), а португальцы описывая разрушеніе храма, говорятъ, что онъ былъ такъ великъ, что съ моря казался цѣлымъ городомъ. Громадная добыча досталась португальцамъ по взятіи храма; они забрали множество золота и всякихъ драгоцѣнностей; частью разрушили, частью сожгли храмъ. И съ тѣхъ поръ храмъ не оправился; и въ настоящее время въ немъ, мало по малу, исчезаютъ остатки древностей.

...Осмотрѣвъ храмъ Дондера, я выѣхалъ изъ Матары въ Тангалле. Тангалле, какъ Матара, и далѣе Гамбантота, самъ по себѣ не представляетъ никакого интереса. Здѣсь былъ нѣкогда голландскій фортъ: въ настоящее время тамъ тюрьма. Тутъ голландцы ожесточенно воевали съ туземцами изъ-за соли. Но въ десяти миляхъ отъ Тангалле, къ сѣверу, стоитъ знаменитый храмъ Мулагири-галле; на него ѣздятъ смотрѣть даже тѣ, кого буддизмъ совершенно не интересуетъ. Моя по-

ѣздка туда была довольно оригинальна; я ѣхалъ въ сопровожденіи мудліара. Около семи миль дорога торная, большая; затѣмъ, мы вышли изъ кабріолета и должны были идти около трехъ миль тропинкою, среди частью оставленныхъ рисовыхъ полей и очень дикаго пейзажа. Кругомъ была необыкновенная тишина, и нашъ небольшой караванъ двигался среди совершенно пустынной мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ, какъ въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди огромная Cobra переполза намъ черезъ дорогу; нѣсколько дальше тропинка терялась въ болотѣ; два здоровыхъ кули, составлявшихъ нашу свиту, скрестивъ руки, изобразили стулъ, и на немъ перетащили насъ черезъ болото. По дорогѣ мудліаръ разставилъ своихъ кули; чрезъ каждую милю мы находили подъ тѣнистыми пальмами: стулья для отдохновенія, прислугу съ водою (очень грязною), молодыми кокосами, виномъ и какою-нибудь закускою. Пройти три мили можно было весьма легко, не утомившись. Въ монастырѣ насъ ожидали; въ Дхармасала т. е. зданіи, гдѣ произносится проповѣдь, накрытъ былъ столъ и готовъ былъ завтракъ. На террасѣ стояли стулья, покрытые бѣлымъ. Этимъ выражалось особое уваженіе къ гостямъ. Въ самомъ зданіи, прямо передъ нашимъ столомъ, стояли два громадныхъ сундука съ книгами. Посидѣвъ нѣсколько и обмѣнявшись привѣтствіями съ монахами, мы пошли осматривать горные храмы. Они выстроены въ скалѣ, имѣющей видъ куба; съ двухъ сторонъ скала совершенно перпендикулярна. На вершину ведутъ ступени (545), высѣченныя изъ твердаго камня. Поднявшись ступень пятьдесятъ, входишь на первую террасу; здѣсь въ скалѣ сдѣланы два храма; въ одномъ изъ нихъ, правомъ, множество фресковъ, и нѣкоторые очень древни. Тутъ же, въ скалѣ, на довольно значительной высотѣ, вырѣзана надпись древнѣйшею азбукою. Въ храмѣ налѣво особенно любопытны изображенія на наружной стѣнѣ: фигуры

птицъ и львовъ. Поднявшись еще сто ступеней, входишь на вторую террассу; здѣсь опять два храма и передъ ними резервуаръ чистой воды, окруженный каменною оградою. На третьей террассѣ, еще выше, стоитъ священное древо Ficus religiosa. Подъ его тѣнью выстроенъ небольшой храмъ. Мы поднимались при страшномъ солнопекѣ, по раскаленнымъ ступенямъ. Нигдѣ не было тѣни. Около двадцати ступеней, высѣченныхъ въ перпендикулярной стѣнѣ, вели на самую вершину. По бокамъ висѣли желѣзныя цѣпи. Цѣпляясь за нихъ, мы взобрались на вершину. Видъ отсюда дѣйствительно грандіозенъ. На югъ виднѣется море; въ кущѣ деревъ показываются съ одной стороны Тангалле, съ другой — Матара и даже Беллигамъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда мы начали спускаться. Нестерпимая жара стояла въ воздухѣ и не легко было сходить по раскаленнымъ ступенямъ...

Преданіе говоритъ, что монастырь выстроенъ въ 83 г. до Р. Х., царемъ Валагамбагу. Конечно, отъ того времени осталось немного, развѣ та надпись, о которой я упомянулъ, да каменныя ступени. Фигуры Будды (18 ф. длины) принесены были сюда въ III в. по Р. Х. Къ этому же времени относится сооруженіе резервуаровъ. Въ XVI в. португальцы разрушили храмы и разогнали монаховъ, въ XVIII в. храмы и монастырь были возобновлены кандійскимъ царемъ Киртисри.

Изъ Тангалле, черезъ Хамбантотту, я отправился къ замѣчательнымъ развалинамъ Тиссамахараммы. Лошадей или даже лошадь въ Тангалле достать невозможно; нужно было нанять быковъ и ѣхать въ мѣстной, крытой двуколкѣ. Дорога не отличается красотою или удобствомъ; она смѣло можетъ быть уподоблена нашимъ проселочнымъ, и будетъ памятна даже ѣзжавшему по нимъ. Кругомъ разстилается мелкій лѣсъ, всюду видъ запустѣнія. Днемъ, въ томительную жару, быки, подгоняемые нестройными выкрикиваніями погонщика, едва

передвигаютъ ноги. Безпрестанные толчки мѣшаютъ заснуть и не позволяютъ также читать; а кругомъ смотрѣть не на что. Какъ только переѣдешь рѣку Велаве, то исчезаютъ послѣднія рисовыя поля и кокосы. Начинается страна песку и мелколѣсья; нѣтъ ничего печальнѣе этой страны: точно, какъ будто жившіе здѣсь когда-то люди бѣжали выгнанные нездоровымъ климатомъ.

До Хамбантоты (26 м.) я ѣхалъ цѣлые сутки.

Тиссамахарама или великій монастырь царя Тиссы, дорога оттуда въ Киринде, и самое мѣстечко Киринде, все мѣста святыя и хорошо памятныя сингалезцамъ. Здѣсь нужно искать Махагаму (Maagrammon metropolis), древнюю столицу цѣлой области или южно-цейлонскаго царства; народная героическая эпопея пріурочена къ этимъ мѣстамъ. Старинныя предапія, отчасти сохранившіяся въ мѣстныхъ хроникахъ, рисуютъ намъ всю эту страну цвѣтущей въ древности, но не таковою является она теперь передъ глазами путешественника. Постоянный недостатокъ дождя мѣшаетъ успѣшному воздѣлыванію риса; не болѣе 30-ти дюймовъ выпадаетъ дождя въ этихъ мѣстахъ; песчаные холмы приближаются съ востока къ самому городу Хамбантоту; въ 1872 году у подошвы этихъ холмовъ былъ водруженъ столбъ и чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ найдено, что уровень песку поднялся на 1 футъ и $10^{1}/_{2}$ дюймовъ. Среди такихъ естественныхъ условій и при отсутствіи искусственной ирригаціи страна не можетъ процвѣтать и дѣйствительно она производитъ томительное впечатлѣніе забытаго, запущеннаго мѣста. А между тѣмъ округъ доставляетъ изрядный доходъ съ соли; въ 1872 г., по оффиціальному отчету онъ восходилъ до осьмнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Самый городъ Хамбантота лежитъ на берегу моря; два три англійскихъ чиновника постоянно живутъ здѣсь; между

туземнымъ населеніемъ очень много масульманъ и въ городѣ кромѣ двухъ мечетей нѣтъ ни индускихъ, ни буддійскихъ храмовъ.

Стояла такая томящая жара, что продолжать путешествіе днемъ было весьма затруднительно; нужно было выѣзжать ночью, для того, чтобы хоть часть пути сдѣлать холодкомъ и не слишкомъ утомлять быковъ. Привычный къ жарѣ и трусливый по природѣ сингалезецъ не охотно соглашается на поѣздки въ этотъ неурочный для него часъ. Сопровождавшій меня слуга, услыхавъ о часѣ отъѣзда, очень много толковалъ о леопардахъ и слонахъ, во множествѣ водящихся въ здѣшнемъ мелколѣсьѣ (жангалѣ).

Но мы все-таки выѣхали изъ Хамбантота къ вечеру и на разсвѣтѣ благополучно добрались до Magilagastota. Здѣсь имѣлъ временное пребываніе англійскій инженеръ, наблюдавшій за построеніемъ канала между р. Магамъ и древнимъ прудомъ около Тиссамахарамы.

Мѣсто глухое, нездоровое и очень печальное. Хозяина, радостно пріютившаго меня подъ кровъ своей небогатой хаты, била лихорадка. Онъ жилъ здѣсь самымъ незатѣйливымъ образомъ: его домъ походилъ скорѣе на шалашъ, нежели на всякую другую постройку; въ окнахъ не было стеколъ и они, также какъ и двери, притворялись соломенными плетенками. Кругомъ въ лѣсу обиліе всякой дичи, особенно же много леопардовъ; а въ самомъ домѣ по столу, въ углахъ его кишали и суетились бѣлые и черные муравьи, а по стѣнамъ ползали ящерицы.

Худой, измученный лихорадкою слуга подалъ намъ къ завтраку курицу и въ одно мгновеніе она покрылась муравьями; они плавали въ нашихъ чашкахъ съ чаемъ и бойко бѣгали по тарелкамъ.

Ко всѣмъ этимъ мелкимъ неудобствамъ съ осьми часовъ

присоединился тропическій зной: какая-то мелкая мошкара стала наполнять комнату, ерзать по лицу и лѣзть въ ротъ и носъ. Дальнѣйшее пребываніе на берегахъ исторической рѣки Магамъ становилось излишнимъ и далеко непріятнымъ.

Путь отсюда къ развалинамъ также мало привлекателенъ: та же глушь, песокъ и мелколѣсье тянутся вплоть до Тиссамахарамы; дорога усѣянная камнями очень утомляетъ быковъ; они еле-еле передвигали ноги и безпрестанно останавливались. Четыре мили мы ѣхали болѣе двухъ часовъ.

Тиссамахарама, нѣкогда обширный и многолюдный монастырь, былъ выстроенъ еще до Р. Х.; въ настоящее время, послѣ долгаго запустѣнія, продолжавшагося столѣтія, онъ возобновляется. Въ немъ есть нѣсколько обрушившихся ступъ, кое-какія остатки древностей, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ великолѣпіи въ старые годы, временныя, очень не хитростныя помѣщенія для богомольцевъ и монаховъ; послѣднихъ здѣсь немного; я видѣлъ только одного монаха; онъ явился мнѣ на встрѣчу, какъ только я подъѣхалъ къ развалинамъ и преподнесъ зеленый апельсинъ.

Эти запустѣлыя мѣста, полуразвалившіяся ступы имѣютъ свою блестящую исторію и когда-то пользовались извѣстностью далеко за предѣлами острова. Въ пристань Магамъ (т. е. Махагама или „великое селеніе“) захаживали европейскіе корабли и весьма вѣроятно европейскіе купцы посѣщали и самый великій монастырь царя Тиссы. Въ эти отдаленныя времена Рохуна процвѣтала и была густо заселена: и тамъ, гдѣ теперь тянется мелколѣсье было столько жилья, что, говорятъ, бѣлка, перепрыгивая съ крыши на крышу, могла, не ступая на землю, добраться отъ Махагамы до Анурадхапуры.

Туземцы увѣряютъ также, что расчистивъ развалины, разрывъ и откопавъ ихъ, найдешь полное подтвержденіе этимъ сказаніямъ о далекомъ прошломъ; и что ихъ повѣствованія

о роскоши и блескѣ въ далекомъ прошломъ не покажутся тогда преувеличенными; но даже смотря на то немногое, что теперь открыто у развалинъ „великаго монастыря“, нельзя усумниться въ справедливости сказанія о роскошной жизни древнихъ цейлонскихъ царей и ихъ щедротахъ монахамъ. Эти громадныя постройки могли воздвигаться только въ обществѣ сильно вѣрующемъ, тогда, когда дѣйствительно въ „великомъ монастырѣ“ жили сотни монаховъ, и тысячи богомольцевъ являлись сюда, когда по цѣлымъ днямъ передъ ступами воспѣвались гимны, возжигались куренія и раздавалась разнообразная музыка.

Въ цейлонскихъ хроникахъ Махагама упоминается въ первый разъ въ III ст. до Р. Х., когда сюда выселилась боковая отрасль царскаго дома въ Анарудхапурѣ. Построеніе же монастырей и ступъ началось нѣсколько позднѣе, при его третьемъ преемникѣ Какаванна-Тиссѣ. При сынѣ послѣдняго Гамини-Абхаѣ, изгнавшимъ дамильцевъ изъ Анурадхапуры и бывшимъ единодержавнымъ владыкою Цейлона, великій монастырь особенно процвѣталъ.

Разсказы о подвигахъ этого царя, о его храбрости и объ его щедротахъ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ мѣстной хроники. Нѣтъ сомнѣнія, въ этихъ разсказахъ мы имѣемъ отрывки національнаго эпоса объ излюбленномъ народномъ царѣ и его сподвижникахъ въ дѣлѣ освобожденія народа отъ владычества иноземнаго, дамильскаго. Но авторъ или авторы хроники, буддійскіе монахи, съумѣли придать своему разсказу особенный монашескій характеръ; по ихъ пересказу война съ дамильцами была предпринята во славу ученія Будды и говоря о царѣ, они съ особенною подробностью повѣствуютъ объ его щедротахъ монахамъ и о стараніяхъ внѣшнимъ образомъ возвеличить правое ученіе Будды.

Когда по истребленіи и изгнаніи дамильцевъ, царя стало

мучить раскаяніе и сожалѣніе о множествѣ избіенныхъ и погибшихъ людяхъ, услужливые монахи увѣрили его, что погибли не люди, а *скоты*, т. е. грѣшники, послѣдователи лжеученія, а потому грѣхъ его не великъ и можетъ быть искупленъ милостынею. Руководствуясь этимъ совѣтомъ, царь сталъ обстраивать монастыри, воздвигать ступы; во время празднества кругомъ ступъ, на его счетъ возжигались тысячи свѣтильниковъ; монахи не забывались также при этомъ: они получали угощенія, одѣянія (чивары); къ больнымъ посылались врачи и цѣлебная пища; но его особенными милостынями пользовались проповѣдники; заботясь о духовномъ просвѣщеніи народа, царь награждалъ ихъ предпочтительно предъ другими. Они получали угощенія и даровъ болѣе нежели другіе монахи.

Всѣ существующія нынѣ развалины относятся ко времени этого царя: не онъ заложилъ основанія этимъ ступамъ и самому монастырю; но онъ строилъ ихъ и украсилъ. При немъ они процвѣтали и намъ неизвѣстно, когда они стали разрушаться и пришли въ настоящее положеніе.

Въ этихъ развалинахъ главный интересъ невольно сосредоточивается на ступахъ; ихъ четыре здѣсь и всѣ четыре развалились. Ступа или чаитья (четія на языкѣ Пали) есть могильный памятникъ, воздвигнутый надъ зарытымъ пепломъ отъ сожженнаго тѣла Будды, святаго (архана) или міродержавнаго царя. Таково было первоначальное назначеніе ступы; въ современномъ буддизмѣ ступа есть предметъ культа, воздвигается кромѣ того надъ всякими святыми, т. е. надъ вещами, принадлежавшими Буддѣ или его святымъ, или въ мѣстахъ освященныхъ ихъ пребываніемъ. Ступы бываютъ различной величины и различной формы; основной типъ, изъ котораго развились эти формы всегда почти ясенъ: ступа была первоначально могильною насыпью, обложенною кирпичами.

Не смотря на то, что въ Тиссамахарамѣ всѣ четыре ступы разрушены и изъ нихъ одна только возобновляется, видъ ихъ и особенно „великой ступы", нынѣ возобновляющейся, даетъ хорошее понятіе о томъ, что такое ступа и въ какихъ размѣрахъ они воздвигались въ древности.

Представьте себѣ громадный куполъ, имѣющій въ окружности болѣе тысячи футовъ и 104 футовъ въ вышину поставленъ на землю и предъ вашими глазами будетъ великая ступа Тиссамахарамы. Ступа выстроена изъ кирпичу и первоначально была еще выше, ибо вершина ея обвалилась и всѣ верхнія украшенія исчезли, такъ же какъ всѣ внѣшнія украшенія и пристройки.

Кругомъ почва вымощена гранитными плитами и первоначально ступу окружали ряды гранитныхъ столбовъ; изъ нихъ очень не многіе остались на мѣстѣ, въ настоящее время; большинство исчезло и замѣнено новыми деревянными; на нѣкоторыхъ изъ нихъ висятъ бумажные фонари китайской работы. Съ четырехъ сторонъ ступы примыкаютъ четыре алтаря новой работы. Кругомъ ступы въ безпорядкѣ лежали упавшія гранитныя ея украшенія: головы слоновъ, статуи, плита съ надписью, гранитное громадное корыто (16 ф. въ длину, $1^1/_2$ въ ширину и 1 ф. въ глубину) и т. п.

Остальныя ступы „великаго монастыря" носятъ слѣдующія названія: Сандхагири, Ята-ала и Мани; онѣ не одинаковой высоты и всѣ безъ исключенія на столько обрушились, что взбираться на ихъ вершину не представляетъ никакой трудности; въ ступѣ Ята-алѣ прорытъ даже ходъ внутрь, туда гдѣ хранились мощи. Самая значительная ступа изъ трехъ послѣднихъ Сандхагири имѣетъ 75 футовъ въ вышину и 450 футовъ въ окружности; за ней слѣдуетъ Ята-ала 60 ф. въ вышину и 420 ф. въ окружности; самая маленькая Мани возвышается только на 40 ф. имѣетъ 220 ф. въ окружности.

Въ недалекомъ разстояніи, между двумя ступами: Ята-ала и Мани находятся развалины царскаго дворца: семьдесять столбовъ расположены въ десять рядовъ. Столбы эти, тридцати футовъ въ вышину и осми футовъ въ окружности, образовали въ древности открытый „залъ“ м. б. суда; на перекинутыхъ черезъ ихъ вершины массивныхъ перекладинахъ покоился верхній этажъ дворца. Тутъ же въ недалекомъ разстояніи находится гранитный столбъ въ 12 ф. въ вышину и 8 ф. въ окружности. Преданіе говоритъ, что къ нему привязывался царскій слонъ. О множествѣ другихъ остатковъ древности я не буду говорить; они состоятъ главнымъ образомъ изъ различныхъ по рисунку и выполненію и по размѣрамъ столбовъ; изъ статуй я видѣлъ только двѣ; обѣ изображаютъ Будду и очень изуродованы, т. е. головы, руки и ноги отколоты и затеряны. У „великой ступы“ находятся очень древніе алтари или квадратные столы (4 ф. × 4 ф.) изъ бѣлаго камня съ рѣзьбою; на одномъ таковомъ алтарѣ, находящемся у ступы Ята-алы вырѣзаны два слѣда Будды. На алтаряхъ этихъ благочестивые богомольцы раскладываютъ цвѣты, приношеніе ступѣ.

Въ настоящее время „великая ступа“ возобновляется; когда я былъ тамъ, уже были воздвигнуты новые столбы и четыре алтаря; самая ступа была обложена новыми кирпичами по крайней мѣрѣ на сто футовъ въ вышину. Монахъ увѣрялъ меня, что на возобновленіе было затрачено около девяти тысячь фунтовъ стерлинговъ. Деньги эти собирались въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, частью по подпискѣ, частью съ богомольцевъ.

Дорога отсюда въ Киринде лежитъ чрезъ песчаную мѣстность; въ полутора миляхъ отъ Кирннди, около Дуравы проѣзжаешь мимо фантастическихъ скалъ; онѣ громоздятся другъ на другѣ и видны далеко изъ дали, какъ грозная баррикада

титановъ. Переправившись въ бродъ черезъ болото, образуемое морскимъ приливомъ, мы достигли Кириндн. Въ Кириндѣ и въ Махагамѣ нѣтъ ничего любопытнаго; отсюда дорога въ Хамбантотъ идетъ вдоль морского берега: она не такъ утомительна, ибо въ близости моря даже среди дня не чувствуется зной, но видъ окружной мѣстности безконечно скученъ и однообразенъ. По дорогѣ хотя и есть Rest-haus'ы, но въ нихъ нѣтъ никакой мебели и нельзя ничего достать. Въ Кириндѣ даже не было чистой воды; но въ замѣнъ этого какой-то school boy, явившийся ко мнѣ въ Rest-haus, разсказалъ мнѣ мѣстную легенду, впрочемъ давно извѣстную изъ мѣстныхъ хроникъ, и имъ вычитанную въ какомъ нибудь англійскомъ путешествіи. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, около теперешняго Коломбо царствовалъ царь Кальяна Тисса; младшій братъ царя, по имени Утія полюбилъ его жену. Узналъ объ этомъ царь и приказалъ его казнить, но Утія во время убѣжалъ. Живя вдали отъ любимой царицы, и тоскуя по ней, Утія вздумалъ написать ей письмо: выискался молодой монахъ, который взялся передать письмо царицѣ.

У царя Кальяна Тиссы былъ обычай кормить ежедневно всѣхъ монаховъ; на этотъ обѣдъ и явился посланникъ съ любовнымъ письмомъ; но письмо не достигло своего назначенія и было перехвачено самимъ царемъ. И заподозрилъ царь въ написаніи этаго письма одного стараго святаго монаха. Въ неудержимомъ гнѣвѣ онъ отдалъ приказъ изжарить въ маслѣ святаго. Приказъ былъ исполненъ, старецъ былъ казненъ.

Разгнѣвались боги и, метя за невиннаго, грозились затопить всю страну: море хлынуло на землю и стало уже приступать ко дворцу царскому. Тогда царь рѣшился принести въ жертву гнѣвному океану свою собственную дочь.

Нарядили, разукрасили молодую царевну и посадили въ

ладью; положили туда же золотой листъ съ надписью: „дочь такого-то царя!„ и пустили ладью въ море.

Смирились волны и отошли отъ берега. Ладья же, обогнувъ Цейлонъ, пристала къ мѣсту, нынѣ называемому Киринда. Здѣсь царевну нашелъ и женился на ней царь Какаванна Тисса, отецъ царя Гамини-абхая, обстроившаго „великій монастырь“ и изгнавшаго Дамильцевъ изъ Анурадхапуры.

II.

Коломбо и буддійскіе монахи.

1.

Изъ Гамбонтоты я вернулся въ Галле, но прожилъ тамъ не долго; дня черезъ два я взялъ мѣсто въ общественной коляскѣ и отправился въ Коломбо.

Коломбо административный центръ острова; новая, англійская столица; здѣсь живетъ губернаторъ, всѣ высшіе чиновники и кромѣ того очень много англичанъ купцевъ.

Дорога изъ Галле въ Коломбо извивается по берегу моря и очень похожа на дорогу по южному берегу острова, отъ Галле до Тангалле. На протяженіи семидесяти слишкомъ миль тянется тѣнистая аллея громадныхъ кокосовъ. Деревни и городки очень часты и очень похожи другъ на друга. Близость моря и роскошь растительнаго царства придаетъ окружному пейзажу необыкновенную прелесть; нѣкоторое однообразіе въ смѣняющихся картинахъ не ослабляетъ перваго впечатлѣнія: совершенно напротивъ, чѣмъ дальше ѣдешь, и чѣмъ больше смотришь на дива тропическаго міра, тѣмъ сильнѣе растетъ восторгъ.

Движеніе по дорогѣ между двумя торговыми пунктами, Галле и Коломбо очень сильное. Мы обгоняли безпрестанно банди, запряженныя однимъ или парою воловъ; банди съ кладью и банди съ путешественниками. Пѣшеходовъ во всю

дорогу было множество, и еще болѣе нищихъ, попрошаекъ; при каждой стоянкѣ, при каждой перемѣнѣ лошадей, толпы грязныхъ, болѣзнью изуродованныхъ нищихъ осаждали нашу коляску.

Былъ день будничный, но большинство туземцевъ сидѣло совершенно праздно, на корточкахъ у пороговъ своихъ небольшихъ не очень чистыхъ хатъ; у каждой лавочки стояли толпы праздныхъ зѣвакъ. Кое-гдѣ только рыболовы были заняты починкою своихъ старыхъ сѣтей или вязаньемъ новыхъ, да въ школахъ раздавалось жужжаніе молодыхъ голосовъ. Почти въ каждой деревнѣ есть школа; ученики посѣщаютъ ихъ прилежно и твердятъ уроки такъ громко, что, не входя въ школу, на большой дорогѣ можно узнать предметъ урока.

Въ Бентотѣ мы остановились завтракать и чрезъ часъ пустились опять въ дорогу. Становилось жарче и движеніе по дорогѣ какъ будто нѣсколько пріутихло, хотя далеко не прекратилось, намъ попадались даже банди, разукрашенныя флагами, т. е. со свадебнымъ поѣздомъ.

Наконецъ около шести часовъ вечера сильный запахъ кокосоваго масла далъ знать, что мы приближаемся къ большому жилому мѣсту и скоро дѣйствительно мы въѣхали въ предмѣстье Коломбо, Колпетти. Миновавъ узенькія улицы и переулочки предмѣстья, коляска остановилась у Galle Face Hôtel и были въ центрѣ Коломбо.

На лѣво бурлило и шумѣло море, прямо растилалось на цѣлую милю лишенное всякой растительности и со всѣхъ сторонъ обнаженное пространство. Далѣе виднѣлись фортъ, казармы и ещё кое-какія зданія.

Galle Face Hôtel доживалъ въ мое время послѣдніе дни и представлялъ совершенную противоположность Orientale Hôtel въ Галле. Тамъ чистота, порядокъ, просторъ и тишина; здѣсь все это отсутствовало. Комнаты тѣсны, неудобны, грязны. Ни

одна дверь не притворялась, ни одно окно не затворялось, а между тѣмъ облака песчаной пыли ежеминутно нагонялись въ комнату морскимъ вѣтромъ. Праздная прислуга суетилась видимо безъ всякаго дѣла и безъ всякаго надзора. На призывные вопли путешественниковъ никто не откликался. Не смотря на неряшливость и безобразія всего учрежденія цѣны въ немъ были очень высокія даже на предметы первой потребности, какъ напр. на ванны или ледъ. Все, начиная отъ воды и кончая обломанными тарелками, свидѣтельствовало о запустѣніи и упадкѣ. Таковъ былъ лучшій отель въ Коломбо.

Въ Коломбо, какъ городѣ большомъ, населеніе очень разнообразное: кромѣ англичанъ-европейцевъ и туземцевъ, т. е. Сингалезцевъ, есть еще много бюргеровъ. Бюргеры встрѣчаются всюду на Цейлонѣ, но особенно ихъ много въ Коломбо, гдѣ они занимаютъ всѣ низшія правительственныя мѣста. Англичане живутъ совершенно отдѣльно отъ туземцевъ и сносятся съ ними или оффиціально, или по частнымъ дѣламъ; другаго рода сношенія между двумя населеніями нѣтъ, ибо британская исключительность, сказывающаяся всюду рѣзко, на Цейлонѣ, среди народа мирнаго и пугливаго, достигла крайняго предѣла. Здѣсь англичанинъ не только владыка, но человѣкъ избранной, высшей расы и между нимъ и чернокожимъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. На Цейлонѣ, правда въ старые годы, возможны были между англичанами и туземцами серьезныя и долгія пререканія по поводу чулокъ и башмаковъ: дѣло это происходило давно, въ тѣ времена, когда европейскія моды достигали тропическихъ странъ не такъ-то быстро какъ нынѣ, но хотя и медленно онѣ тѣмъ не менѣе заходили на Цейлонъ и добродушные островитяне не прочь были слѣдовать этимъ модамъ. Какому-то юному Сингалезцу, состоявшему на британской службѣ въ качествѣ переводчика, понравилась очень европейская обувь и вотъ онъ, сохраняя

свою національную прическу, съ пучкомъ и гребнемъ, т. е. не покрывая шляпою голову, но въ чулкахъ и башмакахъ предстаетъ предъ лицемъ своего начальника; начальникъ британскій чиновникъ нашелъ, что *ниггеръ* не имѣетъ никакого права безъ его разрѣшенія носить башмаки и чулки, пользоваться этими европейскими удобствами; словомъ онъ почелъ себя оскорбленнымъ поведеніемъ своего подчиненнаго и позорно выгналъ отъ себя ниггера. По поводу чулокъ и башмаковъ возникалъ очень затруднительный вопросъ: ниггеръ являлся предъ лице начальника и не свидѣтельствовалъ ему внѣшнимъ образомъ своего почтенія: онъ не могъ свидѣтельствовать почтенія по европейски, такъ какъ на головѣ у него не было шляпы и значитъ нечего было и снять съ головы, не могъ онъ быть вѣжливымъ по азіатски, т. е. явиться босымъ, ибо, какъ извѣстно, для снятія чулокъ требуется нѣкоторое время, и процедура вообще не легкая. Между тѣмъ Ниггеръ тоже оскорбился нецеремоннымъ изгнаніемъ изъ присутственнаго мѣста и волновался; онъ настаивалъ, что какъ британскій подданный имѣетъ несомнѣнное право подражать лицамъ европейскаго происхожденія и носить чулки и башмаки. Дѣло дошло до губернатора и его превосходительство предложило юному франту на выборъ: сохранить пучокъ и гребень или отказаться отъ чулокъ и башмаковъ, но *допустить сочетаніе двухъ удобнѣйшихъ частей* европейскаго и туземнаго костюма его превосходительство нашло вполнѣ невозможнымъ. Ниггеръ не покорился таковому рѣшенію власти и вышелъ въ отставку. Это дѣло давно минувшихъ временъ; теперь всѣ достаточные Цейлонцы обуты и въ дома англичанъ вступаютъ въ чулкахъ и башмакахъ. Юное поколѣніе сингалезцевъ даже носитъ перчатки; противъ чего иной англичанинъ способенъ возроптать. Я зналъ одного недавно пріѣхавшаго на островъ англичанина, онъ долженъ

былъ учиться одному изъ мѣстныхъ языковъ и для этой цѣли пригласилъ давать себѣ уроки молодаго Сингалезца. Учителю вздумалось являться на уроки въ желтыхъ перчаткахъ; украшеніе дѣйствительно нѣсколько странное на Цейлонѣ и пожалуй даже излишнее при температурѣ, доходящей до 90° по Ф. Англичанина коробило отъ желтыхъ перчатокъ на черныхъ рукахъ. „The boy is very conseited!“ рѣшилъ онъ и прогналъ учителя. Но прогналъ его безъ скандала, тихо и скромно, даже не намекая на продерзость съ перчатками.

Въ настоящее время наступаютъ новые порядки: англичане остаются тою-же исключительною горделивою расою, но они вынуждены дѣлать уступки. Во время моего пребыванія на островѣ, двухъ туземцевъ пожаловали въ баронеты: одного бюргера и одного томильца, неизвѣстно почему называющаго себя арійцемъ. Пожалованіе перваго въ баронеты принято было довольно равнодушно англійскимъ обществомъ на островѣ; по угламъ кое-кто шипѣлъ злостно на неразумный либерализмъ правительства *дома*, но заслуги бюргера были несомнѣнны и общепризнаны; громко, публично никто не рискнулъ выразить своего неудовольствія или досады на свершившійся фактъ. Въ газетахъ даже была объявлена подписка на балъ новому баронету; и балъ состоялся при участіи и англичанъ, и туземцевъ. Собрались массы гостей: британцы во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, туземцы въ праздничныхъ юбкахъ. Толпа была пестрая и отмѣнно оригинальная. Англичане держались въ сторонѣ и отводили душу зубоскаленіемъ. Одинъ говорилъ во всеуслышаніе: „My goodnen me! Что за общество!“ кричишь: „boy! brandy and soda!“ a boy оказывается гостемъ! Другой подошелъ къ новому баронету, почтенному старику, но, къ сожалѣнію, нѣсколько черноватому и раскачиваясь, и усмѣхаясь, сказалъ ему:—„I say, Sir R.! Не нахо-

дите-ли вы, что дома они стали очень щедры на баронства. Раздаютъ ихъ всѣмъ!"

И скольких джентльменовъ и леди эта плоскость привела въ восторгъ! Объ ней шушукались во весь вечеръ по разнымъ угламъ, и долго спустя надъ ней хихикали во время различныхъ dinning parties. „Слышали вы, что молодой В. сказалъ Сэру Р. на балѣ?" спрашивалось не разъ и не на одномъ обѣдѣ.

Но вдругъ, вскорѣ послѣ этого бала телеграфъ принесъ поразительную новость: М. К. С. черный изъ черныхъ, сынъ продавца кокосоваго масла, въ то время проживавшій въ Лондонѣ, пожалованъ въ баронеты.

— „Да! М. К. С. сталъ теперь сэръ М. Какъ вы думаете, спрашивалъ одинъ туземецъ, станутъ англичане ему пожимать руку! Думаю, что станутъ; говорятъ онъ женился на лэди изъ высокой касты и какъ разбогатѣлъ!!... И англичане начнутъ къ нему теперь ѣздить; будутъ его звать: сэръ М.; а прежде его не принимали!"

Такъ размышлялъ туземецъ, но вѣсть поразила англичанъ. Злоба, накипавшая въ ихъ сердцахъ со времени пожалованія бюргера въ баронеты, теперь разомъ хлынула наружу. Всѣ негодовали, въ газетахъ печатались ругательства, словомъ произошелъ скандалъ. Я увѣренъ, до сихъ поръ на Цейлонѣ многіе англичане не примирились съ мыслью, о томъ, что эта проклятая *черная кожа* пожалована въ баронеты и М. К. С. сталъ сэромъ К., т. е. nobleman'омъ или такимъ существомъ, предъ которымъ всякій англичанинъ не nobleman считаетъ своимъ долгомъ гнуть шею; извѣстно, что передъ не титулованными англичане не преклоняютъ головъ.

2.

У меня были спеціальныя цѣли во время пребыванія въ Коломбо. Въ самомъ городѣ любопытнаго или древняго совер-

шенно нѣтъ; даже знаменитый Cinnamon garden не интересенъ и не красивъ.

Еще менѣе красивъ или любопытенъ старый фортъ, гдѣ находится Queen's-haus жилище губернатора. Гораздо интереснѣе и красивѣе другія части города, преимущественно заселенныя туземцами: въ нѣкоторыхъ мнѣ приходилось бывать часто, такъ какъ я водилъ знакомство со многими монахами и любилъ бывать у нихъ. Отъ нихъ я узналъ многое такое, чего не могъ-бы узнать другимъ путемъ или отъ другихъ лицъ. Да не покажется читателю страннымъ, что громадное большинство англичанъ, живя по долгу на островѣ, не выучиваются языку туземному и конечно не знаютъ о такомъ крупномъ мѣстномъ явленіи какъ буддизмъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Коломбо мнѣ пришлось отыскивать Govenment's Oriental library. Объ этой библіотекѣ мнѣ много толковали въ Лондонѣ; объ ней писалось даже въ европейскихъ газетахъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время библіотека дѣйствительно существуетъ; но о томъ какою она была въ 1874 г., можно судить по слѣдующему факту: эту библіотеку знали въ Лондонѣ и ближе: въ Матарѣ и въ Тангаллѣ, люди небывавшіе въ Коломбо; въ самомъ же Коломбо никто не подозрѣвалъ ея существованія. На вопросы о библіотекѣ давались сбивчивыя указанія; одни положительно отрицали ея существованіе, другіе утверждали, что библіотека будетъ собрана, когда музей отстроится, а музей Богъ вѣсть когда отстроится. Но самый любопытный отвѣтъ дало лицо въ вѣдѣніи котораго состояла библіотека. Почтенный старикъ, проживъ тридцать слишкомъ лѣтъ на островѣ не говорилъ ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ, самъ распоряжался собираніемъ сингалезскихъ рукописей и недоумѣвалъ при вопросѣ о библіотекѣ: — Oriental library?! говорилъ онъ, Well sir! Вы увѣрены что она здѣсь". Позванъ былъ мудліаръ для наведенія справокъ. Онъ оказался состоя-

щимъ въ должности библіотекаря, а самая библіотека помѣщалась въ залѣ рядомъ съ тою, гдѣ мы бесѣдовали. Рукописей въ библіотекѣ было не много: мнѣ показали одинъ шкафъ; онъ былъ запертъ на ключь и самый ключь затерянъ. Его отыскали впрочемъ дня черезъ два. Таковъ просвѣщенный интересъ англичанъ къ туземной литературѣ.

Старикъ, о которомъ сейчасъ упомянуто, человѣкъ очень просвѣщенный и не глупый; но онъ, прежде всего, англичанинъ и этимъ объясняется, почему проживъ тридцать лѣтъ на островѣ и принадлежа къ британской администраціи, учрежденной ко благу администрируемыхъ туземцевъ, онъ кромѣ рутины дѣла не захотѣлъ и не могъ по своимъ воззрѣніямъ узнать ближе туземца. Это не русскій человѣкъ нѣсколько беззаботный на счетъ всякой литературы, беззаботный въ силу того, что учился на мѣдныя гроши; въ равнодушіи къ туземной литературѣ зауряднаго просвѣщеннаго британскаго чиновника сказывается иное: онъ не хочетъ этого знать не потому чтобы не понималъ цѣны и значенія такого знанія, но ему непріятно, его отталкиваетъ все, что, хотя бы отдаленно, напоминаетъ „*черную кожу*“, состоящую въ его опекѣ. Туземцы это чувствуютъ и, конечно, такое отношеніе большинства правителей къ ихъ родинѣ и старинѣ не можетъ возбудить въ нихъ особой симпатіи.

3.

Не только въ Коломбо, но и вообще путешествуя по Цейлону, я часто сходился съ буддійскими монахами. Они очень доступны: не сторонятся отъ европейца, не прячутъ отъ него, ни своихъ святынь, ни своихъ книгъ, очень любезны и услужливы; охотно и даже съ удовольствіемъ и съ нѣкоторою гордостью показываютъ все примѣчательное въ своихъ монастыряхъ. Люди, живщіе по долгу на островѣ, зачастую не

имѣютъ высокаго мнѣнія о нравственности и учености буддійскихъ монаховъ; увѣряютъ, что неженатое, буддійское духовенство порочно и невѣжественно; и дѣйствительно легко убѣдиться, что послѣднее, т. е. невѣжество монаховъ, нисколько не преувеличивается старожилами и не отрицается даже благоразумными туземцами-буддистами. Конечно, между монахами есть ученые, т. е. люди, начитанные въ своей священной литературѣ, владѣющіе языками: Пали и Санскритомъ, но таковыхъ очень немного; большинство отличается крайнею скудостью всякаго рода познаній. Не рѣдко встрѣчаются монахи, едва умѣющіе читать и незнакомые не только съ самыми крупными фактами изъ жизни Будды, но и затрудняющіеся объяснить напр., что такое древо Бо (ficus religiosa), иными словами они ничего не знаютъ о такой святынѣ, которая находится при каждомъ храмѣ и которой они молятся также, какъ и мы, христіане кресту. На югѣ около Матары въ одномъ монастырѣ старикъ монахъ разсказывалъ мнѣ, что ихъ *святое древо* очень древне и вывезено изъ Бенареса.

— Почему-же изъ Бенареса? спросилъ я его.

— Тамъ Будда родился! незадумываясь отвѣчалъ онъ. Еще рѣже встрѣчаются міряне, знающіе свою религію и изучавшіе свою священную литературу. Невѣжество мірянъ бываетъ иногда очень комично. Сингалезицъ-буддистъ, простого званія весьма часто не знаетъ на какомъ языкѣ написаны его молитвы и, читая, конечно весьма рѣдко понимаетъ смыслъ этихъ молитвъ.

Я выѣхалъ на нѣсколько дней изъ Коломбо и жилъ въ мѣстечкѣ Галкисса. Rest-haus здѣсь носитъ поэтическое названіе Mount Lavinia; онъ выстроенъ на мысу; и изъ каждаго окна открывается видъ на безконечное море. Мѣстность кругомъ очаровательна. Въ уединеніи этомъ живется очень

пріятно; въ просторныхъ высокихъ комнатахъ Rest-haus'а всегда необыкновенно прохладно.

Однажды вечеромъ я узналъ, что неподалеку въ одномъ храмѣ, по случаю болѣзней въ сосѣднихъ деревняхъ читается *пиритъ*, т. е. совершается молебствіе.

Былъ девятый часъ, когда въ сопровожденіи одного туземца-будиста отправился слушать *пиритъ*.

Нашъ путь лежалъ чрезъ густую рощу кокосовъ и бянановъ. Широкая дорога ярко освѣщалась луною. Безпрестанно насъ обгоняли богомольцы; нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ рукахъ зажженные факелы. Безобразные звуки *тометома* слышались издали.

На дворѣ храмовъ мы нашли густую толпу, но болѣе богомолокъ, нежели богомольцевъ. Мужья стояли на дворѣ, глухо разговаривая и казалось, непринимая никакого участіа въ томъ, что дѣлалось внутри Дхарма салы, т. е. въ *зданіи вѣры*.

„*Зданіе вѣры*“ возвышалось посреди двора; то была временная постройка, нѣчто въ родѣ открытаго павильона на столбахъ и увѣшаннаго плохими изображеніями англійскихъ лэди.

Высокая каѳедра, оклеенная цвѣтною бумагою была воздвигнута по среди павильона. Кругомъ ея висѣли бумажные фонарики. Два монаха, прикрываясь вѣерами, гнуся и на распѣвъ тянули „*святое слово*“. Читали они лѣниво, съ остановками и безпрестанно озираясь по сторонамъ. А кругомъ почти исключительно сидѣли богомолки, мужскія фигуры виднѣлись кое-гдѣ, въ сторонѣ и въ тѣни. Женщины конечно ни слова не понимали изъ того, что читалось; молча и тупо внимая чтенію, онѣ сидѣли, не спуская глазъ съ бритыхъ головъ святыхъ проповѣдниковъ. Но не только женщины, рѣдкій изъ мужчинъ понималъ, что читалось.

— Что они читаютъ? спросилъ я своего спутника, а читали монахи начало извѣстной молитвы на языкѣ Пали: „иду подъ защиту Будды!“

— Чтутъ Будду! отвѣчалъ онъ мнѣ подумавъ!

— На какомъ языкѣ эта молитва? спросилъ я его опять.

— На старинномъ нашемъ!

Я выразилъ сомнѣніе.

— На языкѣ Санскрита вьякарана (*санскритская грамматика*), поправился мой путеводитель.

Вѣра и знаніе буддистовъ начали оскудѣвать уже давно, гораздо ранѣе прихода европейцевъ, распространенія англійскаго языка и дѣятельности миссіонеровъ. Индифферентизмъ въ вѣрѣ и пониженіе уровня знаній родной литературы начались со временъ малабарскихъ царей. Усиленіе европейскаго элемента на островѣ и попытки миссіонеровъ распространить христіанство вызвали здѣсь совершенно оригинальныя явленія: то и другое расшевелило нѣсколько монаховъ и буддійское общество; нельзя отрицать, что въ послѣдніе годы между монахами пробудилась дѣятельность, конечно, мѣстами, и болѣе тревожная нежели сильная; защищая себя отъ нападковъ миссіонеровъ и слыша, что въ Европѣ ихъ литературу изучаютъ, они взялись за свои книги, стали ихъ собирать, выписывать новыя списки изъ Бирмы и Сіама и коекакъ нѣкоторые, до сихъ поръ незначительное меньшинство, начали изучать св. писаніе. Особенно примѣтно это движеніе и новый разцвѣтъ буддизма на югѣ острова, гдѣ нерѣдко въ монастыряхъ находятся богатыя библіотеки, собранныя въ последніе годы главнымъ образомъ въ Бирмѣ; но и тамъ знающіе монахи попадаются не часто.

Въ Коломбо я имѣлъ случай близко познакомиться съ одной буддійской школой; въ то время эта школа была единственная въ своемъ родѣ; она заведена на пожертвованія

частныхъ лицъ и имѣетъ своею цѣлью распространеніе знаній палійской литературы, какъ между монахами, такъ равно и въ средѣ міряиъ. Школа, нѣчто въ родѣ начинающагося буддійскаго университета, называется „восходъ знанія“ (Видьодая); она не помѣщается при храмѣ, но въ отдѣльномъ домѣ, занимаемомъ монахомъ Сумангала. Сумангала, одинъ изъ ученѣйшихъ сингалезсцевъ въ наше время, устроилъ эту школу; онъ ея главный начальникъ и пока единственный учитель. Учениковъ немного: сорокъ пять монаховъ и двѣнадцать міряиъ. Благодаря его стараніямъ и усердію преподаваніе идетъ успѣшно; конечно, оно ограничивается исключительно изученіемъ св. писанія на языкѣ Пали и чтеніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ на санскритскомъ языкѣ, напримѣръ избранныхъ произведеній поэта Калидасы и грамматики Вопадевы. Учатся по тому же методу, которому слѣдуютъ и въ Индіи: ученикъ затверживаетъ наизусть, что говоритъ учитель и самъ не работаетъ: то, что было объяснено, то ученики знаютъ твердо, но становятся въ тупикъ и совершенно безпомощны какъ скоро вопросъ касается какого либо мѣста, не прочитаннаго вмѣстѣ съ учителемъ, хотя бы такое мѣсто было и очень легко. Письменныхъ работъ ученики не дѣлаютъ: затверживаніе разбираемаго памятника есть главная цѣль ученія. Учитель, прочитавъ нѣсколько строкъ, дѣлаетъ ихъ перифразъ, и переводъ на сингалезскій языкъ, затѣмъ разбираетъ этимологически каждое слово и подбираетъ синонимы; во всемъ этомъ онъ рабски слѣдуетъ древнимъ образцамъ коментаторовъ. Ученики прилежно записываютъ за нимъ и должны выучивать это къ мѣсячнымъ и годичнымъ экзаменамъ. Къ этому времени изготовляется рядъ вопросовъ по предметамъ прочитаннымъ; вопросы главнымъ образомъ относятся или къ грамматикѣ, или къ буддійскому каноническому праву; вопросы могутъ быть задаваемы и лицами посторон-

ними. На одномъ изъ мѣсячныхъ экзаменовъ монахамъ были предложены слѣдующія вопросы по каноническому праву. 1) Отъ нецѣломудрія бываютъ ли проступки. Въ какія впадаютъ?—2) Какія слѣдствія нецѣломудрія? Эти вопросы они должны были разрѣшить цитатами изъ св. писанія.

Въ декабрѣ, по окончаніи годичныхъ экзаменовъ, бываетъ торжественный актъ въ школѣ. Въ декабрѣ 1875 года мнѣ удалось быть на этомъ торжествѣ; въ этомъ году годичный актъ собирались отпраздновать съ особою торжественностью, ибо ожидали посѣщенія губернатора; но оно не состоялось и всѣ приготовленія: арка изъ зелени, и уборка дома зеленью и т. п., почти что пропали даромъ; собралось хотя много публики, но одни сингалезецы; такъ какъ школѣ сочувствуютъ въ туземномъ обществѣ, какъ дѣлу доброму и патріотическому, то на актѣ было много монаховъ; они сидѣли отдѣльно отъ міряпъ, на возвышеніи нарочно для нихъ устроенномъ. На актѣ произносились рѣчи, читались стихи, раздавались награды; все происходило также, какъ на актахъ въ англійскихъ школахъ. По окончаніи акта явился приглашенный фотографъ и снялъ портретную группу со всѣхъ монаховъ. На этомъ собраніи были лучшіе и ученѣйшіе представители цейлонскаго монашества. Но, по ученымъ представителямъ монашества, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, что такое большинство цейлонскихъ монаховъ.

Въ томъ же городѣ Коломбо мнѣ пришлось узнать другаго замѣчательнаго монаха, не ученаго, но практическаго дѣятеля; онъ пользуется большою извѣстностью на островѣ, любимъ народомъ невѣжественнымъ и весьма мало уважаемъ людьми свѣдущими и порядочными. Гунананда, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, живетъ въ монастырѣ выстроенномъ на частныя пожертвованія по его иниціативѣ. Монастырь этотъ находится въ отдаленной части города, въ Ко-

тахенѣ, и по его словамъ построеніе одного храма стоитъ около пяти тысячъ фунтовъ; кромѣ того здѣсь же есть просторное помѣщеніе для монаховъ. Монастырь носитъ названіе „двипадоттама вихара, или монастырь высочайшаго между людьми (т. е. Будды)“. Молва о настоятелѣ богатаго монастыря не красива: говорятъ, что онъ имѣетъ двухъ женъ, множество дѣтей, занимается подъ чужимъ именемъ торговлею, словомъ ведетъ жизнь неприличную для монаха. Но ему нельзя отказать въ природномъ умѣ, а особенно въ смѣлости; благодаря этой смѣлости и дару слова, дѣйствительно необычайному, онъ съумѣлъ составить себѣ репутацію проповѣдника; слушать его сходятся толпы, онъ умѣетъ нравиться народу и увлекать его своимъ словомъ; знаній у него нѣтъ большихъ и то, что онъ знаетъ, то добыто имъ по наслышкѣ отъ другихъ, болѣе ученыхъ; но малыми свѣдѣніями онъ отлично владѣетъ; толкуетъ просто и вразумительно для толпы. Между своими собратами онъ славится также, какъ знатокъ Библіи; Библію, или слѣдуя его произношенію Байбль, онъ дѣйствительно читалъ, но знатъ ее не зналъ, и толковалъ совершенно превратно. Гунананда создалъ цѣлую теорію о происхожденіи евреевъ и разъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

— За три тысячи лѣтъ, говорилъ онъ, на нашемъ островѣ жило племя Хабара (т. е. Ебрью, Евреи). Племя это чтило и молилось яккхамъ. Родился между ними одинъ великій человѣкъ, Адамъ по имени. Этотъ человѣкъ былъ весьма искусенъ, ибо много жертвъ принесъ яккхамъ. Вступилъ онъ въ сожительство съ родною сестрою; это узнали и онъ долженъ былъ оставить родную страну. Оставилъ онъ островъ и переплылъ въ Аравію. Тамъ онъ написалъ книгу (т. е. Библію), взялъ онъ ее и сталъ странствовать; такъ прошло много времени. Родились у него два сына: одного звали Баянбалъ. Дру-

гой же женился на дѣвушкѣ изъ Аравіи, отъ него и произошли всѣ Хебрью.

— Какъ это, Адамъ жилъ на Цейлонѣ?

— А развѣ на Цейлонѣ нѣтъ мѣста Хабарагамъ? развѣ гора Самантакута, гдѣ слѣдъ Господа Будды, не называется Adam's peak? Если бы Адамъ не родился на островѣ, откуда бы взяться этимъ названіямъ?

Грѣхопаденіе онъ также толковалъ своеобразно:

— Сатана, говорилъ онъ, это значитъ желаніе; запретный плодъ—плотскія наслажденія. Вкусить отъ запретнаго плода, не могло ничего другаго значить!

Онъ освѣдомился у меня, женатое ли наше духовенство, и не выразилъ своего одобрѣнія по поводу того, что узналъ. Гунананда, имѣя на сторонѣ двухъ женъ, стоялъ за целибатъ. Своимъ храмомъ, постройка котораго такъ дорого обошлась, онъ любилъ похвастать, ему очень хотѣлось, чтобы губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть на храмъ. Храмъ дѣйствительно былъ украшенъ изрядною живописью. Особенно поразила меня картина надъ входною дверью. Когда англичане, во время войны съ Бирмою, овладѣли Рангуномъ, они взорвали тамъ ступу. Этотъ моментъ воспроизведенъ на картинѣ въ верху, надъ входною дверью. Ступа изображена летящей по воздуху и рука съ неба хватаетъ ее. Внизу подпись по-англійски: „посвящается директорамъ остъ-индской компаніи“.

Когда въ 1872 году, въ августѣ мѣсяцѣ, миссіонеры вызвали буддійскихъ монаховъ на словесное состязаніе и оно дѣйствительно состоялось въ Пантурѣ, Гунананда явился представителемъ со стороны буддистовъ и вышелъ благодаря своей ловкости и смѣлости, побѣдителемъ изъ диспута, который продолжался три дня. Миссіонеры съ своей стороны выставили двухъ ораторовъ; оба они туземцы по происхожденію, и знали

буддійское св. писаніе въ такой же степени, въ какой Библія была извѣстна Гунанандѣ, но ни у того, ни у другаго не было ни ловкости, ни смѣлости буддійскаго апологета; ихъ нападки касались главнымъ образомъ буддійской метафизики, т. е. предмета мало или совсѣмъ недоступнаго толпѣ, и къ тому же первый изъ ораторовъ съ христіанской стороны говорилъ не ясно, пересыпая свою рѣчь цитатами на пали, непонятными народу.

Онъ задалъ буддистамъ вопросъ не легкій для разрѣшенія; но Гунананда, наученный болѣе свѣдущими, съумѣлъ вывернуться изъ неловкаго положенія и съ разу бросить невыгодную тѣнь на знанія своего противника. „Немного нужно проницательности, говорилъ онъ, для того, чтобы сдѣлать правильную оцѣнку рѣчи досточтимаго г-на де-Силва. Никто не понялъ этой безсвязной рѣчи; не понятны были толкованія текстовъ св. писанія. Тотъ, кто хочетъ заняться этимъ вопросомъ, долженъ знать и языкъ св. писанія и самыя книги... Я покажу вамъ, въ какой степени досточтимый господинъ изучалъ то и другое; по счастью, у меня въ рукахъ небольшое изданіе, которое облегчитъ мнѣ значительно, мой трудъ". Сказавъ это, онъ взялъ небольшое изданіе, сдѣланное его противникомъ и сталъ разбирать переводъ на Пали молитвы „Отче нашъ". „Вотъ, говорилъ онъ, слово, котораго не существуетъ въ языкѣ Пали, а вотъ другое, средняго рода сочетается съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ въ мужескомъ родѣ"; всѣ эти и другіе промахи безжалостный критикъ отыскалъ на первыхъ двухъ строкахъ. „Если, продолжалъ онъ, досточтимый г. де-Силва не умѣетъ сочетать двухъ словъ на Пали, согласно съ грамматическими правилами, если въ немногихъ строкахъ онъ надѣлалъ столько промаховъ, то его слушатели могутъ сами теперь судить, по силамъ ли ему объясненіе туманной метафизики великаго Будды".

Пренія открылись, какъ я сказалъ, христіанами; натискъ сдѣланъ былъ сильный; сущность нападковъ состояла въ слѣдующемъ: вы, буддисты, отрицаете существованіе души и въ тоже время учите и вѣруете въ перерожденіе. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что существо дѣйствующее, свершающее добрые и злые дѣла, и пожинающее плоды этихъ дѣлъ не одно и тоже; одно существо грѣшитъ, а за его грѣхи наказуется иное, совершенно не тождественное съ нимъ существо, и наоборотъ, одно существо добродѣтельно, а награда за добродѣтель выпадаетъ на долю существа отличнаго. Если же награда и наказанія выпадаютъ на долю совершенно неповинныхъ въ дѣлахъ, за которыя они награждаются или наказуются, не слѣдуетъ ли изъ этого, что ваше ученіе безнравственно, ваша религія побуждаетъ къ безнравственнымъ поступкамъ, и не предотвращаетъ ихъ. Отчего человѣку не сдѣлаться убійцею, воромъ, любострастнымъ? Зачѣмъ ему заботиться о томъ, что дѣла его грѣшны? Въ слѣдующемъ существованіи развѣ онъ будетъ наказанъ? Наказано будетъ иное, съ нимъ ни чѣмъ не связанное, отъ него безусловно отличное существо?

Задѣтый этимъ враждебнымъ истолкованіемъ святаго слова Будды, Гунананда выступилъ въ бой также стремительно и начавъ личными нападками на оратора противной стороны, осмѣявъ его и погубивъ предъ своими слушателями его ученую репутацію, онъ перешелъ къ самозащитѣ: мы, буддисты, признаемъ пять элементовъ въ живомъ существѣ: органическое тѣло (или форму), ощущеніе, познавательную способность, умственныя движенія и сознаніе. Умираетъ человѣкъ, его *тѣло* кладется въ гробъ, и вмѣстѣ съ этимъ прекращается *ощущеніе*. И такимъ образомъ вы можете быть увѣрены, ни одна изъ этихъ частей никогда не переходила въ тотъ міръ блаженствовать или страдать отъ наказаній. Точно также и

остальныя три части со смертью человѣка переставали существовать; ни одна изъ нихъ не страдала въ послѣдующемъ существованіи отъ дѣлъ, свершенныхъ въ этой жизни; но, однакоже, существо, произведенное одновременно съ уничтоженіемъ пяти *составныхъ частей*, не было инымъ, отличнымъ отъ изчезнувшаго. Для поясненія этого ученія Гунананда обратился къ слѣдующему примѣру: многочтимая Библія христіанъ не есть оригинальная Библія, написанная Моисеемъ и другими и бывшая въ употребленіи между первыми послѣдователями Христа; но мы не можемъ сказать, чтобы то была другая Библія; хотя обѣ книги и не тождественны, но сущность обѣихъ одна и таже. Тоже самое нужно разумѣть объ атма (т. е. о душѣ). Хотя, когда кто-либо умираетъ, всѣ составныя части, образующія человѣка, исчезаютъ здѣсь, ни единая доля ихъ не переносится въ тотъ міръ, но, однако же, существо являющееся какъ слѣдствіе, не есть *иное*, а потому неправильно говорить, что иное существо страдаетъ за добро и зло, свершенное здѣсь, и одинаково неправильно утверждать, что одно и тоже существо такимъ образомъ страдаетъ. Къ этому далѣе онъ нашелъ нужнымъ прибавить: еслибы человѣческая душа въ будущемъ бытіи могла вкушать плодъ дѣлъ, свершенныхъ въ этой жизни, то существа, живущія въ небесахъ, были бы людьми. Человѣческія существа, говорилъ онъ далѣе, подвержены двумъ смертямъ; одна—это ежеминутно свершающееся полное измѣненіе ощущеній, своимъ слѣдствіемъ имѣющее произведеніе новыхъ, другая есть та смерть, которую всякій подразумѣваетъ въ словахъ: идти въ тотъ міръ. Ощущенія, какъ всякій хорошо знаетъ, ежеминутно измѣняются; желанія, сила мышленія, страсти, мнѣнія, измѣняются ежеминутно. Тому же, хотя и незамѣтно, подвергается и тѣло, состоящее по мнѣнію буддистовъ изъ тридцати двухъ частей; напримѣръ волосы, одна изъ этихъ тридцати двухъ

составныхъ частей, растутъ ежедневно и если ихъ не стричь, то достиженіе ими необыкновенной длины предотвращается только случайнымъ отпаденіемъ ихъ концовъ; такимъ образомъ волосы, что у насъ теперь на головѣ, не тѣ же самые которые были у насъ въ дѣтствѣ. Это измѣненіе не ограничивается только волосами; остальныя составныя части тѣла раздѣляютъ ту же участь; онѣ ежеминутно производятся и исчезаютъ. И кромѣ того различныя части органическаго тѣла (т. е. внѣшнія формы) подвержены той моментальной смерти, о которой говорилось выше.

Перейдя затѣмъ къ описанію второй смерти, Гунананда пояснилъ то, что связываетъ существо умершее съ новонародившимся: умираетъ человѣкъ, и одновременно происходитъ измѣненіе существованія: и новому существу явившемуся въ слѣдствіе этой причины переносится сущность (квинтъ эссенція) вожделѣній умершаго человѣка. Не новое существо появилось, ибо вожделѣніе, произведшее это существо не есть новое, но только результатъ предшествовавшихъ вожделѣній. Начало одно у этихъ вожделѣній, и между ними есть непрерывность; сущность ихъ облекалась въ форму при смерти. Христіане принимаютъ, что душа отправляется въ *тотъ міръ* и есть безсмертна; буддисты же утверждаютъ, что есть только *привязанность къ существованію*. Ихъ ученіе объ этомъ выражается въ формулѣ *na ca so, na ca anno*, т. е. существо являющееся одновременно со смертью и не тождественно съ умершимъ (na ca so) и не отлично отъ него (na ca anno).

Сорвите, говорилъ онъ далѣе, пальмовый листъ и положите его на солнце, и вотъ мало-по-малу, постепенно исчезаетъ зеленый цвѣтъ и листъ становится бѣлымъ, такъ и существо, умирая, мало-по-малу утрачиваетъ свои чувства; въ мукахъ смерти оно лишается зрѣнія и слуха, но къ сердцу остаются привязанными ощущенія, пониманіе и чувство жи-

зни: первое помогаетъ воспринимать предметы, прикасающіеся къ тѣлу, второе различать предметы и третье чувство жизни есть безсмертное бытіе. И когда наступитъ часъ смерти, существо, имѣя въ сердцѣ ощущеніе, пониманіе и чувство жизни, видитъ какъ бы во снѣ, что оно передѣлываетъ всѣ дѣла, грѣшныя или добрыя, которымъ предавался въ жизни. Напримѣръ, если человѣкъ былъ убійцею или свершалъ въ своей жизни другія ненавистныя преступленія, въ послѣднее мгновенье жизни онъ какъ бы чувствуетъ, что съизнова повторяетъ ихъ. Но, если его жизнь на землѣ была добродѣтельна, если онъ свершалъ добрыя дѣла, раздавалъ милостыню, соблюдалъ заповѣди, умирая, онъ какъ бы прозрѣваетъ, что начинаетъ переживать ту же святую жизнь; и если въ послѣднія мгновенія смерти человѣку представится такая картина, его будущее бытіе несомнѣнно должно быть блаженнымъ. Одинаково несомнѣнно, что существо, воображающее себя при смерти свершающимъ безнравственныя дѣла переродится въ юдоли печали. Это предчувствіе будущей жизни похоже на сонъ; человѣкъ какъ бы во снѣ видитъ то состояніе, въ которое онъ долженъ переродиться. Такъ какъ это состояніе, блаженное или горестное, всегда является человѣку въ чарующемъ видѣ, онъ полный вожделѣнія привязывается къ нему и вслѣдствіе этого одновременно со смертью происходитъ зарожденіе въ томъ состояніи, которое человѣкъ предчувствовалъ.

Такимъ образомъ очевидно, что смерть и зарожденіе въ иномъ бытіи одновременны. Словомъ, здѣшнія дѣйствія и здѣшнія желанія человѣка обусловливаютъ его будущую судьбу, и эта привязанность къ существованію (во что вѣруютъ буддисты), совершенно сообразна съ тѣми вожделѣніями, кои человѣкъ имѣетъ во время своего существованія на землѣ. Ни одна часть человѣка не отправляется въ тотъ міръ съ

тѣмъ, чтобы съизнова родиться, но сообразно съ тѣми же вожделѣніями, которыя существовали у него, является при смерти привязанность къ существованію; а потому безразсудно утверждать, что иное существо страдаетъ за дѣла, свершенные въ этомъ мірѣ. Буддійскій апологетъ пошелъ еще дальше: онъ сталъ утверждать, что въ сущности буддійское ученіе не противорѣчитъ христіанамъ. Буддизмъ учитъ, что человѣкъ безначаленъ и безконеченъ, и воззрѣніе это подкрѣпляется христіанскою библіею. Въ книгѣ Бытія II, 7, читаемъ: „и вдуну въ лице его дыханіе жизни". По этому разсказу не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что *дыханіе* полученное Адамомъ было частью *дыханія* Бога превѣчнаго; такимъ образомъ Адамъ сталъ вѣчнымъ; но если справедливо, что Адамъ праотецъ всѣхъ людей, то и всѣ люди вѣчны, а именно это и есть ученіе буддистовъ, т. е. что человѣкъ безначаленъ и безконеченъ. Выдти изъ этого превѣчнаго существованія можно только вступивъ въ *Нирвану*. Выходъ этотъ исключительный, потому что общее правило: существовать вѣчно, вращаться въ нерожденномъ безконечномъ мірѣ перерожденія; спасется, т. е. перестанетъ перерождаться только тотъ, кто приметъ на себя тяжелый подвигъ идти по путямъ святости, предписаннымъ Буддою.

Христіанами былъ поднятъ еще одинъ важный вопросъ; потерпѣвъ нѣкоторую неудачу съ однимъ ораторомъ, миссіонеры выставили другаго, не ученаго, но мастера толково говорить и человѣка смѣлаго. Въ первое же свое выступленіе онъ поставилъ такой вопросъ: буддисты молятся, ищутъ защиты или убѣжища у Будды, закона (дхарма) и собранія духовныхъ (сангха). Но зачѣмъ они ищутъ убѣжища въ одномъ изъ этихъ трехъ? И какую защиту они могутъ получить отъ нихъ? Нѣтъ тамъ солнечнаго свѣта гдѣ нѣтъ солнца, такъ и нѣтъ защиты отъ лица не существующаго. Будда вступилъ

въ Нирвану, достигъ уничтоженія, какое же убѣжище можно найти у него или какую защиту? Такимъ образомъ первая защита не имѣетъ никакого значенія. Не лучше вторая защита отъ закона, или отъ книгъ проповѣди. И какъ можетъ человѣкъ искать убѣжища или защиты у книгъ? Не вѣрнѣе ли предполагать, что человѣкъ долженъ заботиться о книгахъ и оберегать ихъ. Не ясно ли что и вторая защита не имѣетъ никакого значенія. Не много можно сказать о третьей защитѣ или о собраніи духовныхъ. Извѣстно, что на Цейлонѣ двѣ секты: амарапурская и сіамская, и каждая изъ этихъ сектъ утверждаетъ о другой, что она не имѣетъ надлежащаго *посвященія* или правилъ нравственности, что ея члены не суть монахи. А потому прежде, нежели искать защиты у *собранія духовныхъ*, нужно рѣшить, гдѣ эти духовные? И если бы даже вопросъ объ этомъ былъ рѣшенъ, къ чему это послужило бы? Безнравственность монаховъ достаточно извѣстна: не увидали ли бы мы какъ слѣпецъ слѣпца ведетъ? Буддійскимъ ли монахамъ, людямъ исполненнымъ страсти, зависти, невѣжества руководить народомъ?

И на это отвѣчалъ Гунананда и по своему совершенно разбилъ противника: если бы, началъ онъ, мой противникъ понималъ написанное, то не сталъ бы говорить такихъ несообразностей. Написано, что смерть Будды имѣла три фазиса: 1) смерть страстей, когда Гаутама сталъ Буддою, сидя въ Гаѣ, подъ древомъ Бодхи (ficus religiosa); 2) смерть составныхъ элементовъ его существа, въ Кусинарѣ, и третья смерть: 3) смерть его мощей; она настанетъ чрезъ пять тысячъ лѣтъ послѣ второй или чрезъ двѣ тысячи пять сотъ лѣтъ, считая отъ нашего времени. Тогда всѣ мощи соберутся около святаго древа въ Гаѣ, примутъ форму живого Будды и послѣ краткой проповѣди богамъ перестанутъ существовать. До этихъ поръ достиженіе Буддою Нирваны не полное, и съ вѣрою

молиться мощамъ или дѣлать имъ приношенія, такое же святое дѣло, какъ молитва или приношеніе живому Буддѣ. А потому въ высшей степени несправедливо утверждать, что вліяніе Будды не существуетъ въ настоящее время. Защита отъ закона не значитъ исканіе убѣжища въ книгахъ проповѣди, но и въ ихъ ученіи; кто правильно увѣровалъ въ это, тотъ будетъ спасенъ. Что касается до третьей защиты, то, конечно, при этомъ рѣчь идетъ не о грѣшныхъ монахахъ, а о тѣхъ, которые безгрѣшны и безстрастны. Относительно споровъ между двумя сектами, Гунананда замѣтилъ, что достойные монахи не принимаютъ въ нихъ участія.

Этимъ вопросомъ покончился диспутъ между христіанами и буддистами. Обѣ стороны разошлись, не убѣдивъ другъ друга и взаимно питая большую противъ прежняго ненависть.

Отчетъ объ этомъ диспутѣ напечатанъ на сингалезскомъ и англійскомъ языкахъ, изъ него можно видѣть, съ какою изворотливостью Гунананда выходилъ изъ затруднительныхъ положеній; онъ не старался убѣдить своихъ противниковъ, или разъяснить истину, ему нужно было подорвать въ народѣ довѣріе къ миссіонерамъ и этого онъ достигъ вполнѣ. Нападая на своихъ противниковъ, онъ перестроилъ по своему все ихъ ученіе и выдвинулъ цѣлый рядъ дикихъ вопросовъ, которые, вслѣдствіе своей нелѣпости, поставляли миссіонеровъ въ затрудненіе. И чего только онъ не говорилъ по поводу библейской исторіи?! Онъ утверждалъ напримѣръ, что христіане всюду стараются обмануть тотъ народъ, которому они проповѣдуютъ. Они, придя куда либо, и начавъ проповѣдь, даютъ своему богу то имя, которое уже передъ тѣмъ чтилось народомъ.

Такъ, въ Калькуттѣ, они называютъ своего бога именемъ Исвара, на Цейлонѣ именемъ Девіянвахансе. И это дѣлается не по необходимости, а съ цѣлью обмануть народъ. Весьма

часто христіане выпускають отдѣльныя части Библіи, такъ напримѣръ въ послѣднемъ сингалезскомъ изданіи выпущенъ стихъ Лев. XVII. 6. „Христіане, вѣроятно, устыдились того, что станетъ извѣстно, какъ они приносили жертвы чертямъ и вотъ они выпускаютъ это мѣсто изъ новаго изданія... Впрочемъ, прибавилъ онъ затѣмъ, таковыя выпуски или прибавки дѣлаютъ только протестанты, католики не дѣлаютъ этого и потому заслуживаютъ великихъ похвалъ". Ему замѣчали, что стихъ, о которомъ онъ говорилъ, не выпущенъ, а переставленъ, и въ новомъ изданіи онъ также находится. Но, Гунананда не унимался и перешелъ къ толкованію стиха Бытія VI. 6. Кто свершаетъ, спрашивалъ онъ, такія дѣла, раскаиваться въ которыхъ есть основаніе?... Если вашъ Богъ всевѣдущъ, онъ долженъ былъ предвидѣть послѣдствія своего творчества"... Разбитый и на этомъ пунктѣ, онъ не останавливался, отыскивалъ новыя нападки, придирался къ словамъ, разбиралъ легенды, не понимая ни духа богодухновенной книги, ни высокой нравственности Евангелія. Въ послѣдней своей рѣчи, защищая буддійскую космологію, онъ усумнился въ теоріи Ньютона, обозвалъ ее скороспѣлою. Такого оратора выставили буддисты и онъ имѣлъ успѣхъ.

Гунананда очень дѣятеленъ, онъ постоянно путешествуетъ и проповѣдуетъ народу. Къ европейцамъ онъ не чувствуетъ никакой ненависти, но не такъ къ миссіонерамъ. Въ 1874 г. явился случай выступить ему публично, съ новымъ блескомъ; въ этомъ году на Цейлонѣ началась агитація о секуляризаціи храмовыхъ земель. На Цейлонѣ, почти въ каждомъ монастырѣ, кромѣ буддійскаго храма, есть непремѣнно храмъ, посвященный какому либо индусскому богу; къ большинству этихъ послѣднихъ храмовъ приписаны значительныя земли, сданныя въ арендное содержаніе различнымъ лицамъ; нѣкоторые изъ арендаторовъ имѣютъ земли въ потомственномъ арен-

дованіи, другіе только срочные арендаторы. Среди этихъ лицъ и началась агитація; о ближайшей причинѣ къ тому между буддистами ходило много различныхъ слуховъ. Какъ бы то ни было, въ августѣ 1874 года губернатору и законодательному совѣту была подана слѣдующая записка: „Memorial to the governor and legislative Council of the Demon Temple Tenats of Sabaragamuwa“. Въ этой запискѣ потомственные арендаторы говорятъ между прочимъ, что они буддисты по вѣроисповѣданію и не считаютъ себя обязанными отправлять службу для храмовъ индусскихъ боговъ, ибо это противорѣчитъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Затѣмъ они указываютъ, что, не смотря на большіе доходы, храмы въ упадкѣ, частью потому, что деньги присвоиваются управителями храмовыхъ имуществъ, главнымъ же образомъ потому, что буддисты не заботятся объ индусскихъ храмахъ, не считаютъ ихъ мѣстами молитвы, а увеселительными учрежденіями. Требуя своей эмансипаціи, они предложили правительству доходы съ храмовыхъ земель обратить на учрежденія высшей школы.

Исторію свою въ поданной правительству запискѣ они излагаютъ такимъ образомъ: Малабарскіе цари Кандіи были только номинально буддисты, на самомъ же дѣлѣ они держались хиндуизма, строили въ буддійскихъ монастыряхъ храмы своимъ любимымъ богамъ, дарили храмамъ богатыя, обширныя и населенныя земли. Населеніе этихъ земель обязано было отправлять службы, свершать обряды и церемоніи, большею частью не согласные съ принципами Буддизма.

Ежегодно Кандійскій царь избиралъ и назначалъ къ каждому храму Баснаяка-ниламе т. е. главнаго свѣтскаго чиновника храма; онъ былъ однакоже не безконтрольный управитель храмовыхъ земель; для того чтобы ограничить его скупость и самоуправство, и съ цѣлью наблюденія за правиль-

нымъ употребленіемъ доходовъ областнымъ начальникомъ назначался къ каждому храму Мохоттала; сей послѣдній чиновникъ выбирался между населеніемъ приписанныхъ къ храму земель и былъ также какъ и первый подчиненъ областному начальнику.

Когда англичане овладѣли островомъ, эта система наблюденія за храмовымъ имуществомъ была ими только частью принята. Правительство назначало только Баснаяка-ниламе, и при томъ не на одинъ годъ, а сдѣлало это назначеніе пожизненнымъ и самую должность не подчинило вѣдѣнію своихъ goverment agent'овъ. Такой порядокъ продолжался до 1852 г. Въ этомъ году миссіонеры подняли крикъ противъ правительства; ихъ оскорбляло то, что христіанское правительство заботится объ языческихъ храмахъ. Агитація вызвала новое законоположеніе; правительство отказалось назначать управителей храмовыми землями, предоставило самому населенію выбирать Баснаяка-ниламе. Но выборная должность осталась по прежнему пожизненною; законоположеніе не предусмотрѣло очень возможныхъ случаевъ: Баснаяка могъ оказаться человѣкомъ корыстнымъ или нерадивымъ, и не было возможности законно смѣнить его. Неполнота и не достаточность закона оказались очень скоро: Баснаяка-ниламе всюду пеклись только о своемъ карманѣ, предоставляя самимъ богамъ заботиться о своихъ нуждахъ; храмы разваливались, службы не отправлялись, но управители храмовыми землями богатѣли.

Управители весьма мало радѣя о храмахъ, тѣмъ самымъ были очень любезны арендаторамъ храмовыхъ земель; съ каждымъ годомъ съ этихъ послѣднихъ требовалось все менѣе и менѣе обязательныхъ службъ. И еслибы такой порядокъ продолжался еще нѣсколько лѣтъ, несомнѣнно храмы развалились бы и арендаторы стали бы совершенно свободны отъ

всякой обязательной службы. Но правительство нашло нужным опять вмѣшаться въ дѣла храмоваго имущества и въ 1871 г. издано было новое законоположеніе, противъ котораго началось движеніе упомянутое выше.

Въ запискѣ, поданной по этому поводу, правительству выставляется нѣсколько несовершенствъ новаго закона—главнымъ образомъ же поставляется на видъ и совершенно убѣдительно доказывается, что старое зло, т. е. злоупотребленія управителей, не предовращается новымъ закономъ. Но, арендаторы требовали не болѣе точнаго опредѣленія своихъ обязанностей — или обязанностей Васнаяка-пиламе, они желали полной эмансипаціи и говорили, что правительство обязавшееся покровительствовать буддизму, не можетъ легально принуждать ихъ къ отправленію службы индусскимъ богамъ.

Вслѣдствіе какихъ бы причинъ ни началось это движеніе, нельзя не признать, что подписавшіеся подъ запискою желали сдѣлать доброе дѣло: притѣсненія, которымъ подвергаются арендаторы, ни для кого не тайна на островѣ; всѣмъ извѣстно также, что доходы съ храмовыхъ земель рѣдко обращаются на нужды храма. Но, добиваясь добраго указаконенія, агитаторы стали на совершенно ложную точку зрѣнія. Доказать, что служеніе богамъ, противно буддизму—нѣтъ возможности: боги рисуются, и иначе изображаются во всѣхъ буддійскихъ храмахъ.

Ввели-ли малабарскіе цари этотъ культъ, или онъ явился на Цейлонъ вслѣдствіе другихъ причинъ, — но онъ существуетъ теперь на островѣ, и нѣтъ возможности выдѣлить его изъ буддизма. Рѣдкій буддистъ не молится богамъ, правда, тотъ кто по умнѣе, говоритъ: „я не богу молюсь, а прошу о его заступничествѣ передъ Буддою“. Агитаторы требовали такой реформы, вслѣдствіе которой непремѣнно уменьшатся доходы многихъ вліятельныхъ монаховъ, и всѣ, кому грозило

оскуденіе финансовъ, были противъ реформы, а такихъ было не мало. Партія, противная реформѣ, агитировала точно также какъ и реформаторы; писали въ газетахъ, собирали митинги, составлялся адресъ, въ духѣ враждебномъ реформѣ.

Гунананда былъ однимъ изъ дѣятельныхъ противниковъ реформы, онъ разъѣзжалъ по острову, говорилъ рѣчи къ народу, писалъ въ туземныхъ газетахъ и наконецъ, незадолго до моего отъѣзда съ острова, я узналъ изъ газетъ, что на одномъ большомъ митингѣ въ Пелмадуллѣ онъ сказалъ рѣчь, произведшую сильную сенсацію въ народѣ. Реформаторы говорили, что культъ боговъ противорѣчитъ основнымъ принципамъ буддизма, и что буддисты не держатся его, Гунананда же возвѣстилъ народу, что эти злонамѣренные люди подкапываются подъ основанія буддизма, что боги есть, о нихъ говорится въ трехъ питакахъ (въ св. писаніи), чтить ихъ нужно, ибо это предписывается въ буддійскихъ св. книгахъ. Доказать это ему было не трудно, но онъ пошелъ еще далѣе: свою рѣчь онъ закончилъ, нарисовавъ картину ужасовъ, постигающихъ тѣхъ, кто отвергаетъ боговъ. Онъ зналъ въ какой суевѣрной толпѣ онъ говорилъ и его слово попало въ цѣль: народъ сдѣлалъ ему восторженную овацію. Его сторонники не скрывали, что въ своей рѣчи онъ позволилъ себѣ искажать св. слово Будды; онъ не былъ человѣкомъ, останавливающимся передъ такими мелочами. Билъ на проломъ и добился своего, адресъ, противный реформѣ, состоялся въ Пелмадуллѣ.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ съ Цейлона и, странствуя по Индіи, не имѣлъ возможности узнать, чѣмъ кончилась вся эта агитація.

III.

Курунегала и серебряный монастырь.

I.

Я пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Курунегалу, но ни разу не провелъ тамъ болѣе двухъ недѣль. Курунегала или въ переводѣ „городъ Слоновой скалы“ есть главный городъ цѣлой области; лежитъ онъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, связывающей Коломбо и Канди. Попасть туда очень легко и даже удобно. Отъ станціи Полгахавела два раза въ день отправляется въ городъ Слоновой скалы общественный экипажъ; за недорогую плату, не спѣша, на хромыхъ лошадяхъ, но по прекрасной дорогѣ путешественникъ доѣзжаетъ до маленькаго городка, расположеннаго у подошвъ гранитныхъ холмовъ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ. Каждому холму, каждой скалѣ народъ далъ особую и иногда очень мѣткую кличку; такъ одну скалу онъ назвалъ „*слономъ*“. Когда подъѣзжаешь къ городу, скала эта бросается въ глаза прежде всего; ея гладкая сѣрая поверхность, рельефно выдающаяся среди окружающей зелени, дѣйствительно можетъ напомнить гигантскаго слона на стражѣ у дороги. Скала дала имя и самому городу.

Кромѣ этой главной скалы, есть и другія: „*черепаха*“, „*слоновый бивень*“ и т. д. Кругомъ города много буддійскихъ монастырей; они расположены по вершинамъ, у подошвъ окре-

стныхъ холмовъ; гнѣздятся по уступамъ скалъ въ сторонѣ отъ бойкихъ мѣстъ, въ лѣсной чащѣ, среди гигантскихъ кокосовыхъ пальмъ. Монастыри большею частью не богатые, не большіе; одинъ храмъ, пять-шесть монаховъ, а иногда и того менѣе; но въ каждомъ есть однако же что нибудь любопытное: или богатая библіотека, или какой нибудь остатокъ глубокой древности, какая нибудь надпись, высѣченная на скалѣ и т. д.

Въ XIV ст. городъ Слоновой скалы былъ столицею; здѣсь былъ царскій дворецъ и хранилась высшая буддійская святыня: „*зубъ Будды*"; но монастыри и остатки древностей, находимые въ провинціи, принадлежатъ къ болѣе ранней эпохѣ и до сихъ поръ, на десятки миль кругомъ города, во всѣ стороны, по уступамъ гранитныхъ холмовъ, доживаютъ послѣдніе дни нынѣ заброшенные архитектурные памятники глубокой древности. Самый городъ не оригиналенъ и некрасивъ, какъ и большинство маленькихъ городовъ Цейлона. Онъ не видѣнъ изъ дали, домики совершенно исчезаютъ въ густой зелени; одно обиліе кокосовыхъ деревъ, да весьма непріятный запахъ кокосоваго масла даютъ знать, что приближаешься къ жилому мѣсту. И только когда проѣдешь главную улицу и станешь приближаться къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда стоялъ царскій дворецъ и храмъ „*зуба Будды*", а теперь среди роскошнаго сада въ европейскомъ вкусѣ бѣлѣется домъ областнаго начальника (governement agent), догадаешся, что въѣхалъ въ городъ.

Прямо за домомъ областнаго начальника, въ близкомъ разстояніи отъ города начинается крутой подъемъ по скользкой гранитной поверхности на холмъ, прозванный „*Черепахою*". Взбираться на вершину не легко; туда, однакоже, не боится идти даже и тотъ, кто совершенно равнодушенъ ко всякимъ древностямъ. И люди зоркіе чего только не ви-

мять оттуда! Говорятъ, что въ ясное утро (а на Цейлонѣ такое утро, почти что каждый день) съ вершины холма видѣнъ въ далекѣ Адамсъ-Пикъ, т. е. святая гора, на которой, какъ извѣстно, показываютъ *„слѣдъ Будды“*. Такой же слѣдъ, но меньшихъ размѣровъ, высѣченъ и здѣсь на холмѣ *„Черепаха“*. Слѣдъ этотъ по своей величинѣ и формѣ весьма мало напоминаетъ человѣческій.

Разсказываютъ, что какая-то благочестивая царица пожелала почтить „слѣдъ Будды“; по физической слабости она не могла предпринять труднаго восхожденія на крутую гору, а потому для нея было сдѣлано вѣрное изображеніе святыни, поближе и въ мѣстѣ болѣе удобномъ.

Слѣдъ окруженъ каменною оградою, но доступъ къ святынѣ совершенно свободенъ. Слѣду дѣлаютъ приношенія изъ цвѣтовъ, кругомъ его ходятъ, бормоча молитвы, какія кому въ голову взбредутъ.

Я взбирался на этотъ холмъ въ одинъ изъ первыхъ дней своего пріѣзда въ Курунегалу. Хотя то было рано утромъ, вскорѣ послѣ шести часовъ, но когда я взошелъ на вершину, монахи уже ушли изъ монастыря; обыкновенно, въ этотъ часъ они, забравъ свои *чаши*, иногда очень вмѣстительныя плетенки, и преопоясавъ свои желтыя чивары, пускаются собирать милостыню. Одинъ только старецъ съ больною ногою оставался въ монастырѣ; по болѣзни и старости онъ не могъ бродить за милостынею. Добродушно, и какъ то глупо улыбаясь во весь ротъ, старецъ объявилъ мнѣ, что онъ неученый, книгъ не держитъ и воообще не читаетъ ихъ. Онъ водилъ меня по вершинѣ, показывалъ слѣдъ „вѣщаго“, кое какіе остатки древности, водоемъ. Толковалъ, гдѣ стояла Малигава, или храмъ съ мощами Будды, т. е. его зубомъ. На вершинѣ, раннимъ утромъ и въ кельяхъ, и на небольшомъ дворикѣ, въ тѣни, очень прохладно; но, среди дня, жара здѣсь,

отъ раскаленнаго гранита дѣлается нестерпимою. Пока я сидѣлъ на вершинѣ, въ монастырь стали являться богомольцы; ихъ было не много. Пришелъ какой-то старикъ; долго и систематически раскладывалъ онъ цвѣты предъ слѣдомъ, все время бормоча себѣ что-то подъ носъ. Прибѣжалъ какой-то мальчишка, и онъ тамъ же пребойко отрапортовалъ какую-то молитву, выпуская изъ нея отдѣльныя слова и перевирая другія. Спускался я оттуда другою дорогою, почему-то оставленною; приходилось пробираться среди высокой травы, но все время въ тѣни лѣсной чащи. Мнѣ говорили, что, не смотря на близость города, здѣсь не рѣдко попадаются маленькіе цейлонскіе тигры. За нѣсколько дней до моего прихода, одного изъ нихъ убили у самого монастыря.

Городъ, какъ я сказалъ, не красивъ и самъ по себѣ ничѣмъ не былъ любопытенъ; но побывать въ немъ стоитъ ради окрестностей. Было время, и еще очень недавнее, когда въ Курунегальскую провинцію ѣзжали охотиться на слоновъ; слоны тамъ есть и до сихъ поръ, но далеко не въ томъ обиліи, о какомъ мы знаемъ изъ разсказовъ путешественниковъ и цейлонскихъ старожиловъ. Быть можетъ и древностямъ грозитъ таже участь; ихъ еще много до сихъ поръ, но не щадимыя и не охраняемыя даже тѣми, въ глазахъ кого онѣ, казалось, должны были бы быть священными памятники древняго искусства, исчезаютъ мало по малу. Случалось видѣть обломки великолѣпныхъ гранитныхъ колоннъ, карнизы, куски карнизовъ разбросанными кругомъ какого нибудь монастыря, въ лѣсу, — безъ всякаго призора. Мало кто изъ туземцевъ интересуется и цѣнитъ древности; большинство даже какъ то презрительно относится къ памятникамъ прошлаго величія и родной исчезнувшей цивилизаціи; не рѣдко бываетъ, что ихъ подбираютъ изъ глуши не для того чтобы сохранить, а для новыхъ безобразныхъ построекъ: изъ кусковъ массив-

наго карниза сложатъ лѣсенку въ кельѣ, или же употребятъ древность на что либо такое, отъ чего она въ нѣсколько лѣтъ сгинетъ.

На Цейлонѣ въ народѣ еще не пробудился интересъ къ его прошедшему. Если кто здѣсь изучаетъ старину, такъ это англичане; да и тѣхъ не много. Большинство же англійскихъ высокообразованныхъ чиновниковъ смотритъ на всякую древность, будь то рукописи, или развалины, какъ на „rubbish“.— „Сколько же здѣсь чуши написано!“ говорилъ при мнѣ одинъ англичанинъ, перелистывая древнюю рукопись, которую онъ не умѣлъ читать. Дурной примѣръ заразителенъ. И хотя сингалезцы далеко ни дикари, особенно тѣ изъ нихъ, которые находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англичанами, но они стараются подражать англичанамъ, и какъ тѣ свысока смотрятъ на все мѣстное, такъ и англизированные сингалезцы пренебрегаютъ тѣмъ, что должно бы составлять ихъ гордость. Типъ оевропеившагося сингалезца, одѣтаго въ полу-европейскій костюмъ, говорящаго по-англійски, читающаго англійскія книжонки и газеты очень любопытенъ и назидателенъ. Съ однимъ изъ такихъ туземцевъ мнѣ пришлось познакомиться въ Курунегалѣ. Сингалезецъ, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо, состоялъ на англійской службѣ: занималъ онъ мѣсто, какъ и всѣ туземцы на Цейлонѣ, очень неважное, но это не мѣшало ему называть себя „высшимъ изъ туземцевъ въ городѣ и цѣлой провинціи“. Человѣкъ уже не молодой, онъ былъ очень типичнымъ представителемъ Цейлона подъ гегемоніею англо-саксонцевъ. Его рѣчь, нарядъ, складъ убѣжденій, полуобразованіе, все въ немъ бросалось въ глаза и было курьезно. Говорилъ онъ по-англійски бойко, но съ туземнымъ акцентомъ. Одѣвался франтовски, но очень оригинально: весь костюмъ, начиная отъ шляпы и кончая башмаками, былъ европейскій. Коротенькій фартучекъ едва

напоминалъ національную юбку (камбой) *). Съ сингалезскимъ пучкомъ и гребнемъ онъ совершенно разстался; и **камбой** онъ носилъ только для того, чтобы не сочли его за „*бюргера*", или человѣка смѣшаннаго происхожденія, всѣми презираемаго члена общества. Подражая англичанамъ, своимъ господамъ, онъ охотно толковалъ объ европейской политикѣ; но, о географіи Европы имѣлъ очень смутныя понятія и постоянно смѣшивалъ Россію съ Турціею. Семья его была не менѣе оригинальна: онъ самъ былъ христіаниномъ, жена строгою буддисткою, хаживала по богомольямъ и вѣровала, что устроеніе плясокъ въ честь чертей (yakkho) излечиваетъ отъ трудныхъ болѣзней; дочери исповѣдывали христіанскую религію, старшій сынъ былъ буддистомъ, воспитывался въ англійской школѣ, и увѣрялъ, что не знаетъ сингалезской азбуки.

Разъ мой знакомецъ пригласилъ меня къ себѣ; жилъ онъ въ сторонѣ отъ главной улицы, около католической церкви, въ собственномъ домѣ; роскошный цвѣточный садъ окружалъ его жилище; садомъ онъ занимался съ любовью и знаніемъ дѣла. Цвѣтовъ было множество и разсажены они были съ большимъ вкусомъ. Такъ какъ я пришелъ къ нему рано утромъ, то вся семья была въ сборѣ. Хозяинъ и хозяйка гуляли по саду и оба были безъ башмаковъ и чулокъ. Хозяйка кромѣ того была одѣта въ національный, сингалезскій костюмъ, безъ всякихъ европейскихъ затѣй.

— Могу я васъ представить m-rs Ж.?" развязно познакомилъ меня хозяинъ съ супругою. M-rs протянула черную руку съ растопыренными пальцами.

— „Will you take something? A glass of cherry?" допрашивалъ меня хозяинъ, зная по наслышкѣ, что англичане уго-

*) Камбой—юбка, которую на Цейлонѣ носятъ и мужчины и женщины. Чѣмъ цивилизованнѣе сингалезецъ, тѣмъ короче его юбка.

щаютъ иногда хересомъ, только конечно не въ шесть часовъ утра, какъ то было у m-r Ж. Въ домѣ, куда мы затѣмъ отправились, и откуда неслись звуки фортепьяно (одна изъ миссъ упражнялась) все было устроено по англійскому образцу. Та же мебель и тѣ же украшенія, какъ въ любой drawing room небогатыхъ англичанъ. Хозяинъ хвастался плохими литографіями и дешевыми издѣліями англійской мануфактуры. Съ женою онъ разговаривалъ на родномъ языкѣ, такъ какъ m-rs другаго не знала; но съ миссъ и мистеромъ Ж. перекидывался англійскими словами. Младшій мистеръ, разодѣтый по туземному, иными словами совершенно голый, бѣгалъ тутъ же. Мальчикъ упрямился и не хотѣлъ брать ванны, не смотря на увѣщанія няньки.

— „Go, Sir! Take your bath!“ уговаривалъ отецъ голыша. Вся сцена, особенно же англійская рѣчь отца къ голышу, сингалезскому мальчику, несмотря на свой комизмъ, напомнили мнѣ подобныя же явленія на далекой родинѣ. Люди, подобные Ж., воспитанные въ англійскихъ школахъ, гдѣ ихъ выучивали европейской исторіи и географіи и совсѣмъ не учили родной исторіи и географіи, конечно не могутъ правильно оцѣнить родной старины, на которую они смотрятъ чужими глазами.

2.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Коломбо въ Курунегалу, мнѣ много говорили о Серебряномъ монастырѣ (Ridivihâre), особенно же объ его богатой библіотекѣ. Проживъ нѣсколько дней въ Курунегалѣ, и осмотрѣвъ ближайшія окрестности, я собрался ѣхать въ Серебряный монастырь. Ѣхать приходилось на быкахъ, въ туземной телегѣ, или *банди*, по очень дурной дорогѣ, съ холма на холмъ. За цѣлую милю до монастыря нужно было выйти изъ банди и идти въ гору пѣшкомъ. Кру-

гомъ виднѣлись громадныя глыбы гранита среди роскошнѣйшей растительности. Мы шли лѣсомъ, по узенькой тропинкѣ; но и въ тѣни жара была невыносима; ни малѣйшаго вѣтерка не было въ воздухѣ; невозмутимая тишь стояла кругомъ; не шелестилъ листъ, и звѣрь и птицы присмирѣли въ лѣсу. Молча двигался и нашъ небольшой караванъ. Наконецъ мы достигли подошвы горы, на уступахъ которой выстроенъ монастырь. Искусственная лѣстница вела на вершину, по довольно крутому склону горы, вся гранитная поверхность котораго была изсѣчена въ ступени, кое-гдѣ совершенно правильно обтесанныя. Взбираясь по нимъ, мы достигли того уступа, на которомъ выстроены храмы и зданія келій. Это-то и былъ „Серебряный монастырь". Разсказываютъ различно о томъ, когда и кто его построилъ; въ его древности однакоже нельзя сомнѣваться; всѣ скалы кругомъ изсѣчены очень древними надписями; къ сожалѣнію въ нихъ не встрѣчается ни одного историческаго имени. Говорятъ, что царь, который заложилъ ему основаніе, почему-то не имѣлъ денегъ докончить постройки. Благочестивый царь помолился Буддѣ и молитва его была услышана; изъ трещины одной скалы потекло серебро, на которое онъ и достроилъ монастырь, названный вслѣдствіе этого чуда „*Серебрянымъ*".

Ни храмы, ни зданія келій здѣсь не поражаютъ грандіозностью и обширностью. На Цейлонѣ большинство храмовъ выстроены по одному образцу и рѣдко бываютъ велики, такъ какъ общественныхъ богослуженій цейлонскіе буддисты не имѣютъ. Утромъ богомольцы сходятся не съ разу; каждый сдѣлавъ изображенію Будды приношеніе цвѣтовъ и прочтя молитву, уходитъ; ему на смѣну является новый, за нимъ приходитъ третій и т. д. Понятно, что просторныхъ помѣщеній для такого рода молитвъ не требуется. Наиболѣе распространенный планъ по которому воздвигаются буддійскіе

храмы на Цейлонѣ, очень простъ: всего чаще храмы квадратны въ основаніи, безъ оконъ и съ внѣшней стороны ни чѣмъ неукрашены. Входная дверь, большею частью обращена на востокъ, какъ-бы для того, чтобы первые лучи восходящаго солнца освѣщали изображеніе „*великаго Учителя*"; обыкновенно это изображеніе помѣщается прямо передъ дверьми. Передъ святымъ изображеніемъ стоитъ алтарь, весь усѣянный цвѣтами, непремѣнно благоухающими; тутъ же, на алтарѣ, или съ боку на полу стоятъ свѣтильники и весьма часто масса такихъ приношеній, смыслъ которыхъ до крайности загадоченъ. Чего только не приноситъ благочестивый буддистъ въ свой храмъ, чѣмъ только не старается изукрасить его. Листки англійской иллюстраціи, ярлыки съ бутылокъ, плохія литографіи приклеиваются въ видѣ украшеній къ стѣнамъ храма. Но въ болѣе богатыхъ храмахъ стѣны покрыты живописью; чаще всего изображаются различныя перерожденія Будды, или его ученики. Иногда вмѣсто одного большаго изображенія Будды, ихъ нѣсколько въ храмѣ, въ различныхъ видахъ; или Будда изображенъ лежащимъ на одномъ боку, моментъ его вступленія въ нирвану, или стоящимъ съ приподнятою правою рукою, какъ проповѣдникъ, или онъ изображенъ созерцающимъ, въ сидящемъ положеніи. Всѣ три изображенія дѣлаются по образцамъ разъ на всегда установленнымъ, и уклоняться отъ которыхъ не приходитъ въ голову мѣстнымъ художникамъ. Въ этихъ мраморныхъ, деревянныхъ, бронзовыхъ, гранитныхъ воспроизведеніяхъ лица великаго учителя, не подмѣтишь не только мысли, но весьма часто подобія человѣческаго образа. На дворѣ храма есть непремѣнно ступа и дерево Боди (ficus religiosa). Подъ ступою непремѣнно хранится частица какихъ нибудь мощей, Богъ знаетъ откуда взятыхъ и какимъ образомъ зашедшихъ въ монастырь. Дерево Боди непремѣнно происходитъ отъ того дерева, что

до сихъ поръ стоитъ въ Гаѣ и, сидя подъ которымъ, мудрецъ изъ рода Сакьевъ прозрѣлъ и урузумѣлъ четыре святыя истины. Предъ тою и другою святынею благочестивые буддисты молятся и совершаютъ приношенія. Въ сторонѣ, но не въ делекомъ разстояніи отъ храма, стоитъ зданіе, гдѣ живутъ монахи. Маленькія, полутемныя комнатки почти всегда очень опрятны. Убранство ихъ очень просто: постель, небольшая скамейка, циновка на полу, мѣдная ваза, вмѣсто плевальницы, вотъ и все, что найдется въ кельѣ небогатаго монастыря. Монахъ, обыкновенно принимаетъ, сидя на постелѣ; вѣрующіе помѣщаются по ниже его, на цыновкѣ, или низенькихъ скамейкахъ у его ногъ. Таково правило: монахъ лице священное, онъ не разговариваетъ, а поучаетъ. А потому и садится всегда выше міряняна; когда для него нѣтъ высокаго сѣдалища, онъ взлѣзаетъ на столъ. Для европейца, пришедшаго въ келью къ монаху, впрочемъ дѣлается исключеніе; ему обыкновенно находится стулъ, иногда покрываемый бѣлою тканью, въ знакъ уваженія къ дорогому гостю. Таковъ общій характеръ монастырскихъ построекъ на Цейлонѣ. Въ богатыхъ монастыряхъ, напр., около Галле или Ратнапура все съ большою роскошью; тамъ и храмы больше, разукрашеннѣе; въ болѣе просторныхъ кельяхъ мебель разнообразна и болѣе удобна; широкія крытыя галлереи окружаютъ зданія. Въ особыхъ зданіяхъ монахи обѣдаютъ; у нихъ есть просторныя купальни, сады въ монастырѣ; библіотека помѣщается въ особомъ зданіи. На дворѣ стоитъ крытый, просторный павильонъ, въ которомъ съ каѳедры произносится проповѣдь. Въ „Серебряномъ монастырѣ, лежащемъ въ захолустьѣ не было ни какой роскоши и никакихъ нововведеній. Все здѣсь было по старинному, и два храма хотя на видъ и не очень тарые, выстроены были такъ, какъ храмы строились въ глубокую старину. Строитель воспользовался для задней, противуполож-

ной входу стѣны полунаклонною скалою и къ ней придѣлалъ три стѣны изъ кирпича. Въ храмѣ по меньше скала образуетъ заднюю стѣну и потолокъ. Подъ сводомъ поставлена сидящая фигура Будды и стѣны украшены образами буддійскихъ святыхъ. Монахи увѣряли, что храмъ выстроенъ еще до Р. Х., царемъ Дуттагамини; но это извѣстіе, болѣе нежели сомнительно. При входѣ въ этотъ храмъ, на лѣво стоитъ небольшое корытцо съ водою. Вѣрующимъ предоставляется омыватъ руки, передъ приношеніемъ цвѣтовъ. На лѣво отъ храма стоялъ другой неотстроенный. Большой храмъ выстроенъ также, какъ и храмъ по меньше. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, скала склоняется подъ большимъ угломъ, и это обстоятельство дало возможность воздвигнуть двухъ-этажное зданіе. Нижній этажъ подходитъ подъ самую скалу, которая образуетъ въ этомъ мѣстѣ сводъ. Верхній выступаетъ изъ подъ навѣса скалы и имѣетъ крышу. Часть скалы непосредственно возвышающаяся надъ нижнимъ этажемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она не застроена верхнимъ, покрыта фресками; краски и очертанія фигуръ, сильно пострадали отъ времени и погоды. Въ большомъ храмѣ всѣ стѣны покрыты фресками, изображающими перерожденія Будды. О громадной статуѣ Будды проповѣдника разсказываютъ, что она была привезена изъ Сіама; но относятъ это къ такой отдаленной эпохѣ, когда по всей вѣроятности въ Сіамѣ и не знали буддизма. Передъ статуей лежатъ два громадныхъ слоновыхъ бивня, подарокъ Кандійскаго царя Киртишири. Кандійскіе цари любили посѣщать этотъ монастырь. До сихъ поръ сохранилась память объ ихъ благочестіи и щедротахъ. Для нихъ была устроена опочивальня въ самомъ храмѣ. Дверь, ведущая въ этотъ покой, можетъ дать очень хорошее понятіе о роскоши и процвѣтаніи искуства въ ихъ время. Она разукрашена тонкою и разнообразною рѣзьбою изъ слоновой кости; простота и изящество

работы выдѣляются среди другихъ новѣйшихъ украшеній, разложенныхъ по храму и невольно бросается въ глаза. Внѣшняя сторона втораго этажа покрыта грубо сдѣланными изображеніями птицъ (kokila Cuculus indicus): и среди ихъ, для вящей красы, поставлена гипсовая кошка китайской работы. Нѣсколько повыше того мѣста, гдѣ стоятъ храмы, на вершинѣ одной изъ скалъ, показываютъ два слѣда святаго Индагутта; предъ ними стоялъ каменный алтарь съ цвѣтами. Слѣды ни формою, ни величиною нисколько не напоминаютъ человѣческихъ. Святынь въ этомъ монастырѣ множество. Въ одномъ мѣстѣ, на гладкой скалѣ вылѣплено изъ глины изображеніе змѣя *), которому также молятся. Гостепріимные монахи охотно показываютъ не только свои святыни, древности, но и всѣ прелести своего мѣстопребыванія. Послѣ осмотра надписей они потащили меня на вершину выдающагося пика, съ отвѣсными боками; кругомъ вились какія то ползущія растенія. Мы стали карабкаться на верхъ, цѣпляясь за ихъ вѣтви и корни, и наконецъ добрались до довольно просторной площадки, гдѣ нашли очень древнюю, но совершенно вытертую надпись. Дождь, а можетъ быть и подошвы любителей широкихъ видовъ, не пощадили отдѣльныхъ буквъ въ надписи. Мы простояли у надписи съ четверть часа. Начинались южные сумерки, короткія, но, по своей прохладѣ, необыкновенно пріятныя послѣ дневнаго зноя. Было однако же еще на столько свѣтло, что въ низу, среди лѣснаго нейзажа ясно различались зеленѣющія рисовыя поля, изрѣзанныя канавками въ правильные квадратики. Пронесся вѣтерокъ, все зашумѣло и заколыхалось кругомъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, мы спустились внизъ и пошли въ келью. Всѣ кельи этого монастыря помѣщались въ одномъ

*) Змѣй этотъ называется Мучалинда.

зданіи, въ срединѣ котораго находился небольшой открытый дворъ; раскидистыя вѣтви дерева Mâl, растущаго по серединѣ двора, днемъ заслоняли отъ вертикальныхъ лучей солнца, какъ кельи, такъ и узенькую крытую террасу, шедшую кругомъ двора. На террасу открывались двери изъ темныхъ низенькихъ каморокъ, въ которыхъ жили монахи. Монахи, придя домой, стали совершать вечернее моленіе; человѣкъ шесть собралось въ кельѣ по просторнѣе и разсѣлись на полу, на циновкахъ. Одинъ изъ нихъ, по старшѣ и побойчѣе другихъ, читалъ на распѣвъ извѣстный буддійскій молитвенникъ (pirit). Какъ во всѣхъ древнѣйшихъ буддійскихъ памятникахъ, такъ и въ этомъ молитвенникѣ, въ каждой главѣ сказывается необыкновенно широкая любовь ко всему сущему. И какъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтически, изливалось молитвенное настроеніе.

Безъискуственныя слова, ясно и не спѣшно распѣваемыя получали какую-то особую прелесть среди настоящей обстановки. Это настроеніе, эти слова любви, казалось были внушены и вызваны тою роскошною картиною тропическаго міра, которая сейчасъ была у насъ передъ глазами. — Въ началѣ говорилось: „видимыя и невидимыя существа, что близь меня, и тѣ кто въ дали, да будутъ всѣ счастливы. Да будетъ радостно все сущее!

— „Не вредите одинъ другому; ни гдѣ, никого не презирайте. И одинъ другому не пожелайте зла.

— Какъ мать, жертвуя жизнью, охраняетъ свое дитя, такъ и ты безгранично возлюби все сущее!“

Закончивая свое моленіе, буддистъ говоритъ:

— „Въ лѣсу-ли, подъ тѣнью древа, въ пустынѣ-ли, о братья, помните Вѣщаго, и не будетъ вамъ страха!“

Этотъ, „*вѣщій*“ училъ въ другомъ мѣстѣ молитвенника:

— „Я возлюбилъ змѣя и птицу. И звѣря и насѣкомаго я возлюбилъ.

— „Ни звѣрь, ни птица не обидѣли меня; ни звѣрь, ни насѣкомое не обидѣли меня!“

Долго съ вечера мнѣ слышалось меланхолическое, однообразное полупѣніе монаховъ. А снаружи доносились разнообразные звуки ночной жизни въ лѣсу; шелесть, жужжаніе какихъ-то насѣкомыхъ и громкіе крики звѣрей.

Наконецъ я отправился къ себѣ въ келью. Гостепріимные монахи приготовили мнѣ ночлегъ съ роскошью. Всѣ стѣны коморки были обиты разными бумажными тканями, а на кровати пуховиковъ и подушекъ было болѣе нежели необходимо.

3.

Не могу не упомянуть, хотя бы въ не многихъ словахъ, о двухъ примѣчательныхъ мѣстахъ въ Курунегальской области (N. W. province).

Оба мѣста любопытны въ археологическомъ отношеніи и лежатъ въ недалекомъ разстояніи отъ Курунегалу. Первое носитъ названіе Кандалува, и лежитъ на сѣверо-востокъ отъ главнаго города, второе называется Парамагамиптія и находится въ противоположной сторонѣ, на С.-З. по дорогѣ въ Путламъ.

12-го Августа на разсвѣтѣ я выѣхалъ на быкахъ по тринкомалійской дорогѣ. Быки попались свѣжіе и сильные; въ какіе нибудь три часа мы сдѣлали около семи миль и остановились завтракать въ деревенькѣ Дахаль-гамувѣ. Тутъ не было казеннаго Rest-hous'а и пришлось пользоваться радушнымъ гостепріимствомъ арачи, т. е. волостнаго головы.

Домъ сельскаго чиновника внутри и снаружи, обличалъ хозяйство человѣка зажиточнаго и распорядительнаго. На дворѣ, въ комнатахъ была необыкновенная чистота и порядокъ. Крытая галлерея, не очень широкая шла вокругъ всего двора: на нее выходило нѣсколько дверей, ведущихъ въ раз-

личныя покои. Стѣны хозяйской опочивальни были обиты бумажными тканями, а по полу разостланы были чистыя циновки; на постелѣ бѣлѣло чистѣйшее бѣлье. Въ другихъ коморкахъ небыло такой-же роскоши: глиняныя стѣны и полы оставались ничѣмъ не покрытыми, но опрятность и порядокъ замѣчался и въ нихъ.

На дворѣ было людно; у хозяина большая семья и много рабочихъ. Не мало сошлось также сельчанъ посмотрѣть на рѣдкаго въ этихъ мѣстахъ европейца.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, среди густаго мелколѣсья у деревеньки Баталгодавева находятся остатки какой-то древней и громадной постройки. Здѣсь въ расщелинѣ двухъ холмовъ — лежитъ масса гранитныхъ столбовъ и колонъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть вырѣзанныя надписи, впрочемъ очень не древнія, новѣйшею сингалезскою азбукою. Тутъ показываютъ мѣсто, гдѣ когда-то былъ очень обширный прудъ.

Монастырь Кандалува находится въ близкомъ разстояніи отсюда. Также какъ и Серебряный монастырь онъ расположенъ на вершинѣ холма, куда взбираешся по ступенямъ высѣченнымъ изъ гранита. Онъ не такъ богатъ святынями какъ Серебряный, и не пользуются большою извѣстностью на островѣ, но судя по надписямъ Кандалува должно быть мѣсто очень древнее.

Здѣсь есть очень много храмовъ. Главный окруженъ крытою галлереею, на деревянныхъ столбахъ которой попадаются изображенія двуглавой птицы.

Древнія надписи находятся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ монастыря въ Медиріавихарѣ. Переночевавъ въ монастырѣ, я отправился въ Аранкалѣ, гдѣ находится одна изъ любопытнѣйшихъ развалинъ острова. Дорога туда идетъ лѣсомъ и очень дурна, лѣсъ такъ разросся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быки отказывались пробираться чрезъ него и нужно

было расчищать дорогу. По счастью переѣздъ былъ не великъ и мы скоро достигли развалинъ. Онѣ очень обширны и загадочны: трудно опредѣлить, былъ-ли то обширный монастырь или-же царскій дворецъ?

Тутъ есть остатки храма, два водоема, обширная терраса вдоль холма, гроты и великолѣпная лѣстница на террасу. Все это высѣчено изъ гранита и сдѣлано было не кое-какъ, а очень отчетливо, но безъ всякихъ украшеній и безъ всякой рѣзьбы. Въ народѣ это мѣсто называется Макул-гал-лена. Я не видѣлъ здѣсь ни надписей, ни какихъ либо святыхъ изображеній и до сихъ поръ не могу себѣ опредѣлить, какъ это мѣсто называлось въ древности, или что тутъ было?

Второе мѣсто, о которомъ я упоминалъ выше, лежитъ на С.-З. отъ Курунегалы, по большой Путламской дорогѣ, и называется Парамаканда. Здѣсь есть нѣсколько развалинъ и старыхъ прудовъ, около которыхъ сохранились очень древнія надписи, хотя и безъ датъ.

Въ надписи которая высѣчена надъ храмомъ ясно читается: paramaka-abayaputa paramaka tisaha lene agata-anagata catu disasagasa, т. е. гротъ Тиссы (званіемъ?) paramaka (?) сына Абая (вм. Абхая) (званіемъ?) paramaka (?) (назначенный для) настоящей и будущей санги четырехъ странъ свѣта.

Надпись высѣченная около пруда (Galwewa) гораздо длиннѣе, но и въ ней встрѣчаются тѣже имена. Она тянется на десять футовъ вдоль берега и также очень ясна. Форма буквъ та же, но самыя буквы значительно крупнѣе.

IV.

Анурадхапура и окрестности.

I.

Я ѣхалъ въ Анурадхапуру не тою обычною торною дорогою, которая почти всегда выбирается путешественниками; и хотя видѣлъ не много любопытнаго во время моего странствія, но вообще остался доволенъ своимъ выборомъ, ибо посмотрѣлъ на Цейлонъ не съ казового конца.

Часть пути я сдѣлалъ на лошадяхъ вмѣстѣ съ однимъ англійскимъ чиновникомъ. 14-го Сентября часовъ около пяти по полудни мы выѣхали изъ Курунегалы по Путталамской дорогѣ въ Варіапола, гдѣ моему спутнику былъ приготовленъ торжественный пріемъ; мѣстныя власти изъ туземцевъ ждали пріѣзда начальника и встрѣтили его за цѣлую милю до Rest-house'а. . . . .

Густая толпа двигалась намъ на встрѣчу съ факелами (ибо уже начинало темнѣть), бубнами, барабанами, плясунами и пѣвцами. Высокая торжественная арка, увитая зеленью, стояла передъ Rest-house'омъ.

Здѣсь мы ночевали и отправились далѣе въ Баллалу. Чрезъ двѣ мили мы свернули съ большой дороги на малую и поѣхали среди заброшенныхъ рисовыхъ полей. По словамъ моего спутника въ сѣверозападной провинціи до пятидесяти тысячъ акровъ заброшенныхъ полей. Лѣса рубятся, искусст-

венное орошеніе сильно запущено, и какъ слѣдствіе этого является ежегодный неурожай рису, и оставленіе полей необработанными.

Въ Баллаллѣ насъ ожидалъ такой-же торжественный пріемъ. Здѣсь мы разстались, ибо я поѣхалъ на востокъ, къ развалинамъ *Япаху*, мой же спутникъ повернулъ въ противоположную сторону.—Отъ Баллаллы до Япаху нѣтъ даже и малой дороги: приходится ѣхать чуть-ли не цѣликомъ среди мелколѣсья.

Быки на которыхъ я ѣхалъ, начиная съ Баллаллы, едва тащили ноги и дѣлали не болѣе мили въ часъ.

Япаху развалины столицы XIV вѣка. Цейлонскія хроники сообщаютъ объ этомъ мѣстѣ очень скудныя подробности; извѣстно только, что въ началѣ XIV в. здѣсь была резиденція царя Бхуванекабаху и св. Зубъ (мощи Будды) хранился здѣсь. Самые развалины были открыты недавно, до сихъ поръ плохо изслѣдованы, хотя уже многое вывезено отсюда въ Курунегалу.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ Япаху нѣтъ селенія, но среди самыхъ развалинъ уцѣлѣлъ небольшой монастырь.

Онъ лѣпится у подошвы совершенно отвѣсной скалы среди высокихъ, тѣнистыхъ пальмъ. Я нашелъ въ немъ одного только престарѣлаго монаха. Онъ былъ очень гостепріименъ и отвелъ мнѣ помѣщеніе въ Дхармасалѣ, т. е. въ зданіи предназначенномъ для проповѣди. Но такъ какъ монахъ проповѣдей не произносилъ, да и некому было ихъ слушать, то зданіе стояло заброшеннымъ; кромѣ крикливаго пѣтуха въ немъ не было другихъ обитателей.

Въ Япаху вѣроятно можно отыскать много древняго, если хорошенько разчистить лѣсъ кругомъ и произвести раскопки. Можетъ быть даже отыщуться и надписи. Нѣсколько буквъ очень древней надписи я видѣлъ вырѣзанными на скалѣ за храмомъ.

Важнѣйшіе остатки древностей въ Япаху расположены на вершинѣ той скалы, у которой стоитъ новый монастырь.

Монахъ называетъ эти развалины Даладамалигава, т. е. храмъ св. Зуба. Поднялись къ нимъ по остаткамъ гранитной лѣстницы, которая приводитъ на верхнюю террассу, гдѣ вполнѣ сохранились притолки входной двери и балконъ. Колоны, гранитное изображеніе льва, карнизы лежатъ по лѣстницѣ, поднимающейся по склону скалы.

Гора эта по словамъ монаха называется Сундарагири парвата, т. е. красивая гора.

Въ сторонѣ отъ этихъ развалинъ, есть еще остатки древняго храма. Онъ выстроенъ изъ тесаннаго гранита и былъ въ основаніи квадратнымъ. Три стѣны вполнѣ сохранились.

У самаго новаго храма монахъ показываетъ *galgi*. Онъ утверждаетъ, что эта естественная пещера была когда-то храмомъ, но вѣрнѣе предположить, что это неболѣе какъ одно изъ первоначальныхъ жилищъ монаховъ.

Изъ Япаху я вернулся опять на малую дорогу и поѣхалъ прямо на сѣверъ въ Анурадхапуру. Отсюда на быкахъ до Анурадхапуры нельзя добраться ранѣе какъ въ три дня. Ѣдешь по песчаной дорогѣ, среди мѣлколѣсья, нужно забирать съ собою всякую провизію, и даже если можно слѣдуетъ брать мебель, ибо по этому пути въ Rest-house'ахъ находишь только кровъ и не всегда даже защиту отъ дождя. Ѣды и мебели ни какой. Хорошо если въ деревенькѣ найдется у какого нибудь зажиточнаго арачи лишняя кровать, въ такомъ случаѣ онъ ее уступитъ на ночь за малую плату, не то приходится спать въ банди. Но все это не такъ чувствительно, какъ невозможность достать на всемъ пути хорошей, а иногда и всякой воды. Пить воду безъ примѣси чего либо не возможно, она на видъ черна, и очень нездорова.

Не всюду находишь даже мѣсто, гдѣ остановиться. Дере-

веньки бѣдны и въ маленькихъ хижинахъ обыкновенно не-бываетъ свободнаго мѣста. Мнѣ приходилось иногда останавливаться въ лавочкахъ и спать въ банди.

Но самый путь среди этой страны нѣкогда цвѣтущей, а теперь запущенной, очень интересенъ. Въ центральной провинціи, около Коломбо ничего подобнаго такому состоянію страны и населенія не увидишь.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ такъ или иначе виновато мѣстное управленіе — объ островѣ никто не заботиться, говорятъ туземцы. Здѣсь всякій англичанинъ думаетъ только о наживѣ. Намъ назначаютъ въ губернаторы какого нибудь irish member, человѣка неспособнаго и т. д., кричатъ недовольные чиновники изъ англичанъ.

Всѣхъ жалобъ не перескажешь; но важно, что здѣсь ропщутъ не одни туземцы; плохое состояніе колоніальнаго управленія свидѣтельствуется и многими англійскими чиновниками. Особенно памятенъ мнѣ переѣздъ изъ Талавы въ Анурадхапуру. Песчаная дорога въ сухую пору года мучительна для человѣка и скота. Быки дѣлали не болѣе полуторы миль въ часъ и еле дотащили банди до Анурадхапуры.

Я пріѣхалъ въ Анурадхапуръ поздно ночью. Городъ давно уже спалъ и отъ темноты ничего нельзя было разглядѣть. На другой день на разсвѣтѣ я вышелъ на террассу Rest-house'а и первые лучи восходившаго солнца освѣтили картину мертваго города. Кругомъ не было не души, вдали виднѣлись въ разныхъ сторонахъ, въ чащѣ деревъ полу-европейскія домики и рядъ незатѣйливыхъ хижинъ туземцевъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ постоялаго двора въ нѣсколькихъ шагахъ отъ террассы начинались развалины древней столицы; но эти развалины не поражали величіемъ, не увлекали фантазіи и не заставляли зрителя переносится въ отдаленное прошлое: тысячи полторы четырехгранныхъ столбовъ—остатки бывша-

го Мѣднаго дворца (о которомъ будетъ сказано ниже), полуобвалившіяся ворота, ведущія во дворъ, гдѣ стоитъ святое дерево (ficus re igiosa), фундаменты какихъ-то построекъ, гранитныя крыльца, столбы съ роскошною рѣзьбою — все это разбросанное на значительномъ пространствѣ развлекаетъ вниманіе и съ разу не производитъ впечатлѣнія остатковъ грандіознаго прошлаго. Для того, чтобы мертвое предстало въ другомъ свѣтѣ, и прошлое выяснилось, историческая жизнь даровитаго племени и блестящее былое нынѣ одряхлѣвшей и полуотжившей религіи стали понятны и осмысленны, нужно побродить по теперешнему городу, поближе всмотрѣться въ попадающіяся на каждомъ шагу остатки древностей, по рѣзнымъ изображеніямъ на громадныхъ гранитныхъ плитахъ на колоннахъ, карнизахъ,— прочесть не лживыя свидѣтельства о томъ, чему вѣровалъ и молился народъ, какъ предки нынѣшнихъ сингалезцевъ были богаты и съ какимъ изяществомъ и вкусомъ они умѣли обстанавливать свою жизнь.

Когда на мѣстѣ здѣсь прочтешь мѣстныя хроники и прислушаешся къ тому, что помнитъ изъ старины народъ, тогда всѣ эти обломки и осколки изъ древнихъ временъ получаютъ новый смыслъ: они какъ будто рисуютъ и передаютъ, правда не полную, но живую картину прошлаго. Громадныя ступы, окруженныя дворами почти одинаковыхъ размѣровъ съ прежнею исакіевскою площадью, — темныя кельи съ древними надписями подъ навѣсами горныхъ скалъ перестаютъ быть непонятными остатками прошедшаго: по нимъ читаешь живую повѣсть умственной и сердечной жизни древняго народа.

Городъ Анурадха былъ столицею острова въ продолженіи двѣнадцати столѣтій и упоминается хрониками въ первый разъ въ V ст. до Р. Х.; городъ былъ резиденціею царя (Анурадха) именемъ котораго и сталъ называться: городъ Анурадхы или Анурадхапуръ. Имя города было извѣстно на запа-

дѣ и Птолемей упоминаетъ о немъ. Имя это производится также отъ имени созвѣздія Анурадхы. Перезсказъ исторіи города въ связи съ описаніями древностей извѣстныхъ нынѣ могъ бы наполнить цѣлый томъ. Я ограничусь бѣглымъ очеркомъ важнѣйшихъ развалинъ.

Нѣсколько разъ малабарцы разрушали городъ; разоряли святыя зданія, жгли дома, уводили жителей въ плѣнъ; но городъ опять воскресалъ, обновлялся и обстраивался. Неизвѣстно, когда онъ окончательно оставленъ; еще въ XII ст. въ Анурадхапурѣ короновались цейлонскіе цари и хотя уже жили въ Поллонарруѣ, но обстроивали и поддерживали святыя зданія. Онъ изчезалъ съ лица земли мало по малу въ продолженіи быть можетъ цѣлыхъ столѣтій. Запущенные пруды высыхали; затѣмъ происходила засуха, развивались болѣзни и жители бѣжали изъ этого нѣкогда, цвѣтущаго мѣста; нынѣ городъ славится, какъ одно изъ самыхъ сухихъ и нездоровыхъ мѣстъ на цѣломъ островѣ. Сюда не заходили масульмане и не хозяйничали по своему въ городѣ чуждой религіи, не было здѣсь индусовъ, и никто не пользовался буддійскою святынею для украшенія своихъ храмовъ; не пользовались древностями даже англійскіе чиновники инженеры: такъ какъ дорогъ въ Анурадхапуръ англичане не строили, ирригаціонныхъ работъ не предпринимали; теперешніе владѣтели Цейлона забыли о древней столицѣ и совершенно напрасно дали погибнуть многому, что существовала при прежнихъ царяхъ; теперешній городъ не только не напоминаетъ прежней метрополіи, но туземныя описанія, хотя даже подтвержденныя въ V ст. по Р. Х. свидѣтельствомъ очевидца, кажутся вполнѣ невѣроятными. Туземцы говорятъ, что городъ былъ морю подобенъ: онъ сіялъ златыми маковками своихъ ступъ и позолоченными кровлями дворцевъ; по улицамъ было постоянное движеніе; взадъ и впередъ двигались слоны, кони, тѣлеги и толпы

народа; стоялъ гулъ и шумъ отъ плясуновъ, фокусниковъ, пѣвцевъ и музыкантовъ разныхъ національностей, игравшихъ на раковинахъ и другихъ инструментахъ изукрашенныхъ золотомъ. Отъ сѣверныхъ воротъ до южныхъ считалось шестнадцать миль и столько же отъ восточныхъ до западныхъ. Главныя улицы носили названія: Лунной, Царской, Песочной и Рѣчной. Въ Лунной было одиннадцать тысячъ домовъ, и притомъ много двухъ-этажныхъ; безчисленныя малыя улицы и переулочки соединяли четыре главныхъ улицы. Ряды обширныхъ зданій, двухъ и трехъ-этажныхъ окружали царскій дворецъ, подземное помѣщеніе въ которомъ было также значительно. Улицы были усыпаны пескомъ: бѣлымъ въ срединѣ и чернымъ по краямъ. Во многихъ мѣстахъ были перекинуты арки, на которыхъ развѣвались золотомъ и серебромъ изукрашенные флаги. По сторонамъ улицъ стояли ниши; въ нишахъ же помѣщены были вазы съ цвѣтами, или же статуи съ свѣтильниками. Въ дни празднества предъ лицемъ царя, его царицы и его двора давались въ публичныхъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ драматическія представленія; сюжеты выбирались или изъ миѳологіи или же изъ обыденной жизни. Приносились также жертвы яккхамъ, сопровождаемыя пѣніемъ и пляскою. Въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ были обширныя пруды; на базарахъ были лавки иностранныхъ купцевъ; путешественники находили у воротъ города брадобрѣевъ, продавцевъ одѣянія, а въ самомъ городѣ, купальни, постоялые дворы, домы милостыни и подаянія помощи недужнымъ; здѣсь же были домы общественныхъ увеселеній и храмы различныхъ боговъ, хотя Анурадхапуръ и былъ буддійскою столицею. За порядкомъ въ городѣ смотрѣлъ нагарагуттико—городской надзиратель; нѣсколько другихъ смотрителей были подчинены ему; пятьсотъ человѣкъ ежедневно чистили городъ, а двѣсти сторожили по ночамъ. Полтораста че-

ловѣкъ занимались похоронами. Городъ былъ обнесенъ высокими стѣнами, внѣ которыхъ находились кладбище и различныя предмѣстья; въ этихъ предмѣстьяхъ жили люди низшихъ кастъ, различныхъ вѣрованій, подвижники различныхъ религій, царскіе охотники и т. д.

Таковою представляютъ себѣ Сингалезцы свою древнюю, святую столицу; отъ этого блеска въ настоящее время осталось сравнительно мало: число жителей въ теперешнемъ городѣ не превышаетъ семисотъ человѣкъ; тамъ гдѣ нѣкогда среди роскошной тропической растительности, тѣнистыхъ садовъ съ обширными прудами жилъ богатый, многолюдный городъ, тамъ теперь разстилается лѣсная поросль, мелкая и тощая отъ постояннаго зноя и засухи, тамъ теперь всюду дичь и глушь, днемъ брешутъ и скачутъ обезьяны, а ночью воетъ шакалъ; тамъ гдѣ нѣкогда вызвышались дворцы, окруженные башнями и садами, теперь непроходимая лѣсная чаща; человѣкъ бѣжалъ изъ этихъ мѣстъ не здоровыхъ и наполненныхъ дикими звѣрями и ядовитыми змѣями. Но не одни туземцы разсказываютъ о древнемъ блескѣ Анурадхапуры; городъ видѣлъ одинъ китайскій путешественникъ и его свидѣтельство во многомъ подтверждаетъ сказанія туземцевъ. Въ V вѣкѣ на Цейлонъ зашелъ благочестивый буддистъ китайскій путешественникъ Фасянь. Фасянь передъ тѣмъ былъ въ Индіи и успѣлъ уже насмотрѣться на большіе города и грандіозныя постройки и при всемъ этомъ Цейлонская столица поразила его своимъ блескомъ и величіемъ; какъ будто удивляясь роскоши ея построекъ, ея многолюдству простодушный буддистъ нарисовалъ очень живую картину Анурадхапуры; какъ человѣка религіознаго его занимало главнымъ образомъ посѣщеніе и описаніе монастырей и другихъ святынь, но среди подробностей обо всемъ этомъ онъ точно противъ своей воли проронилъ нѣсколько словъ о дѣлахъ мір-

скихъ. „Здѣсь, говоритъ онъ объ Анурадхапурѣ, живутъ многіе сановники и богачи. Домы купцовъ прекрасно изукрашены; улицы прямы и ровны. У начала четырехъ главныхъ улицъ находятся зданія проповѣди; въ 8-й, 14-й и 15-й день каждаго мѣсяца жители приготовляютъ высокія сѣдалища въ этихъ зданіяхъ; монахи и міряне собираются выслушать проповѣдь. Туземцы увѣряютъ, что въ этой странѣ около пятидесяти или шестидесяти монаховъ, всѣ они живутъ общинами. Кромѣ того царь доставляетъ пропитаніе пяти или шести тысячамъ человѣкъ.... Въ половинѣ третьяго мѣсяца обыкновенно они выносятъ св. Зубъ Будды. За десять дней передъ тѣмъ царь роскошно изукрасивъ слона, посылаетъ какого нибудь человѣка съ обращеніемъ къ народу; выбранный человѣкъ обыкновенно бываетъ краснорѣчивъ и способенъ; облекшись въ царскія одѣянія, сѣвъ на слона онъ обращается къ народу, при звукахъ барабанныхъ. Напомнивъ въ краткихъ словахъ земную жизнь Будды и его подвиги человѣколюбія, онъ заканчиваетъ свою рѣчь такъ: „черезъ десять дней св. Зубъ Будды вынесутъ и понесутъ въ монастырь Абхаягири. Пусть монахи и миряне со всего царства, всякій, кто печется о добродѣтели приготовитъ и уровняетъ пути; изукрасятъ улицы и дороги, усыплютъ ихъ цвѣтами всякаго рода и да вожгутся благовонія въ честь этихъ мощей!“ По окончаніи этого возванія, царь приказываетъ выставить по обѣимъ сторонамъ дороги изображенія тѣхъ пятисотъ образовъ, которыя принималъ бодхисатва въ своихъ перерожденіяхъ.

Всѣ эти изображенія раскрашены разными цвѣтами и представляются живыми. Наконецъ св. Зубъ выносится и несется по главной дорогѣ; по мѣрѣ слѣдованія по улицѣ ему дѣлаются приношенія. Когда они приходятъ въ монастырь Абхаягири, то св. Зубъ поставляется въ особое зданіе, куда монахи и міряне собираются толпами; возжигаются благово-

нія и свѣтильники и непрерывно днемъ и ночью свершаются различные религіозные обряды. Черезъ девяносто дней св. Зубъ обратно переносится въ монастырь внутри города.

Въ Анурадхапурѣ, въ одномъ изъ зданій провѣди, о которыхъ онъ говоритъ, Фасянь слышалъ, какъ какой-то нищенствующій братъ изъ Индіи, сидя на высокомъ тронѣ читалъ св. книгу и проповѣдовалъ: Патра (чаша) Будды первоначально хранилась въ городѣ Вайсали, теперь она находится въ границахъ страны Гандары. Приблизительно черезъ сто лѣтъ (Фасянь слышалъ точное число лѣтъ, но забылъ его) она будетъ перенесена къ западнымъ Юе-чжи. Проповѣдникъ пророчилъ, что побывавъ во многихъ мѣстахъ, чаша явится на Цейлонѣ, отсюда будетъ перенесена въ среднюю Индію и затѣмъ взята на небо. Фасянь, услышавъ это пророчество, хотѣлъ записать его, но монахъ сказалъ ему: — „это не св. писаніе, я говорю по памяти то, что слышалъ“! Фасянь прожилъ въ Анурадхапурѣ два года и здѣсь досталъ много драгоцѣнныхъ книгъ.

2.

Къ юго-востоку отъ постоялаго двора находится древо Бо (Ficus religiosa). Я уже имѣлъ случай упоминать, что древо Бо считается священнымъ въ глазахъ всѣхъ буддистовъ; это символъ ихъ спасенія: сидя подъ такимъ древомъ великій учитель прозрѣлъ путь спасенія, а потому почти въ каждомъ цейлонскомъ монастырѣ посажено древо Бо.—Ж. Мариньолли, разсказывая о цейлонскихъ монастыряхъ, упоминаетъ, что буддисты въ своихъ монастыряхъ имѣютъ дерева по листьямъ отличныя отъ прочихъ деревъ; они украшаютъ ихъ золотыми вѣнцами съ драгоцѣнными каменьями; ставятъ передъ ними свѣтильники и почитаютъ эти дереза. Они, продолжаетъ онъ дальше, выдаютъ, что получили этотъ обрядъ

отъ Адама, увѣряютъ, что чтутъ эти дерева потому, что Адамъ отъ дерева ожидалъ будущее спасеніе. И это, по мнѣнію наивнаго путешественника среднихъ вѣковъ, дѣйствительно согласно со стихомъ псалма dicite in gentibus quia Dominus regnabit in ligno и т. д. (см. Yule's Cathay II, 368).

На сѣверѣ Индіи были буддійскія секты, въ которыхъ монахъ, принимавшій обѣты посвященія или міряпинъ, обѣщавшійся исполнять заповѣди, прибавлялъ, что обѣтъ, долженъ былъ выполняться до тѣхъ поръ, пока принявшій его не возсядетъ подъ дерево Бо, иными словами не станетъ окончательно спасеннымъ. Словомъ дерево Бо для буддиста то же, что крестъ для христіанина. Но Бо въ Анурадхапурѣ имѣетъ еще большую святость; по преданію оно выросло отъ вѣтки того самаго дерева, которое до сихъ поръ стоитъ въ Гаѣ, и подъ тѣнью котораго Гаутама прозрѣлъ путь спасенія, побѣдилъ дьявола и сталъ спасителемъ рода человѣческаго, вѣщимъ учителемъ, возвѣстившимъ людямъ истинный путь ко спасенію.

По извѣстіямъ цейлонскихъ хроникъ вѣтвь святаго древа была принесена изъ Индіи на Цейлонъ въ III столѣтіи до Р. Х. и посажена въ саду, называвшемся Махамегха. Извѣстная цейлонская хроника Махавансо весьма подробно поименовываетъ всѣ тѣ зданія, которыя стояли около святаго дерева и отъ которыхъ теперь трудно найти какіе-бы то ни было остатки. По описанію хроники слѣдуетъ, что у южныхъ воротъ города былъ царскій увеселительный садъ Нандана; онъ былъ расположенъ у самыхъ воротъ; южнѣе сада Нанданы находится садъ Махамегха; здѣсь былъ царскій дворецъ, къ сѣверу отъ дворца находилось озеро съ монашескими кельями по берегу; къ югу находилось зданіе гдѣ свершались различные обряды. Положеніе другихъ построекъ не опредѣлено: около дворца стояло зданіе гдѣ свершался обрядъ Упошатха, было тутъ-же зданіе, гдѣ монахи трапезовали, и еще одно

зданіе, гдѣ они дѣлили дарованную имъ милостыню. Много другихъ зданій стояло также въ этомъ саду; множество келій и многочисленныя резервуары окружали дерево. Самое дерево было посажено прямо предъ главнымъ входомъ во дворецъ. По сказанію хроники всѣ эти зданія существовали уже въ III ст. до Р. Х. при царѣ Деванамъ-Пія-Тиссѣ. Въ тоже царствованіе отростки отъ этого дерева были посажены въ четырехъ разныхъ мѣстахъ около Анурадхапуры и кое гдѣ еще на Цейлонѣ; но главная вѣтвь была, по словамъ хроники и слѣдуя мѣстному преданію, посажена именно тамъ, гдѣ теперь находится святое древо и гдѣ до сихъ поръ находится монастырь Махавихары. Древо украшалось постепенно, въ продолженіи многихъ царствованій: кругомъ его послѣдующіе цари воздвигали зданія; въ 1-мъ столѣтіи по Р. Х. съ четырехъ сторонъ дерева были воздвигнуты четыре часовни съ четырьмя образами Будды; въ началѣ слѣдующаго столѣтія монастырь Махавихара былъ обнесенъ стѣною. Въ этомъ столѣтіи древо стояло уже на возвышенной платформѣ: ибо къ нему поднимались по лѣстницамъ и такихъ лѣстницъ было четыре съ четырехъ сторонъ. Въ третьемъ столѣтіи въ монастырѣ и на Ю.-В. отъ святаго древа были воздвигнуты еще двѣ часовни; въ нихъ стояли мѣдныя изображенія Будды; въ томъ-же столѣтіи платформа на которой стояло древо была обнесена каменнымъ карнизомъ; у сѣверныхъ вратъ была сдѣлана арка; по четыремъ угламъ были поставлены четыре шестигранные столба, а у трехъ остальныхъ вратъ три каменныя изображенія и каменный алтарь у южныхъ вратъ.

Но въ этомъ же столѣтіи монастырь Махавихара постигли различныя невзгоды. Хроника разсказываетъ, что при царѣ Махасенѣ (царствовалъ съ 275 по Р. Х.) изъ южной Индіи, изъ страны Чола пришелъ нечистивый монахъ Сангхамитта;

онъ зналъ *демоническую* науку, иными словами былъ волхвомъ. Онъ наговорилъ царю на монаховъ Махавихара, оклеветалъ ихъ въ не соблюденіи правовѣрныхъ правилъ. Царь повѣрилъ ему и отдалъ приказъ: кто подастъ милостыню монаху изъ Махавихары, тотъ подвергнется пени. Братія, такъ тѣснимая, оставила монастырь и ушла на югъ острова Въ продолженіи девяти лѣтъ ни кто не жилъ въ монастырѣ Махавихарѣ. Сангхамитта, невѣрующій убѣдилъ невѣрующаго царя, что вещь безъ хозяина, принадлежитъ царю. Нечестивецъ получилъ отъ царя позволеніе разрушить монастырь и дѣйствительно разрушилъ его. Совѣтникъ и любимецъ царскій Соно сильный сторонникъ нечестивца и многіе безстыдные монахи вмѣстѣ съ нимъ разрушили семи-этажный Мѣдный дворецъ, многія другія зданія и весь матерьялъ снесли въ монастырь Абхаягири. Царь приказалъ ввезти въ этотъ монастырь весь строительный матерьялъ изъ Махавихары. Туда было пересажено и древо Бо.

Это святотатство раздражило не только монаховъ, но и многихъ міряпъ. Противъ царя открыто возсталъ одинъ изъ его министровъ Мегхаваннабхаіо. Устрашенный царь пошелъ на сдѣлку и обѣщался возстановить монастырь Махавихару. Собрали опять строительный матерьялъ и настроили множество келій: со всѣхъ сторонъ, послѣ того какъ невзгоды миновались, въ монастырѣ стали собираться монахи. Царь поставилъ въ часовнѣ около древа Бо два мѣдныхъ изображенія Будды.

Но затрудненія между царемъ и монахами не прекратились: въ милости у царя былъ нѣкій монахъ Тиссо; ему царь выстроилъ особый монастырь Жетавана—въ саду Жоти, принадлежащемъ къ монастырю Махавихара. Когда потребовалось опредѣлить границы двухъ монастырей, монахи старѣйшаго не поддавались ни на какія сдѣлки. Тѣснимые царемъ они опять бѣжали изъ своего монастыря и онъ оставался

пустымъ до начала слѣдующаго царствованія (302 по Р. Х.). Сиримегхаванно сынъ Махасены возстановилъ все, что разрушено было отцемъ: онъ выстроилъ опять мѣдный дворецъ, настроилъ опять келіи, возвратилъ монастырю отобранныя отцомъ земли. Проникнувшись особымъ благоговѣніемъ въ Махиндѣ—сыну царя Асоки, первому апостолу Цейлона, царь устроилъ въ честь Махинды особое празднество и торжественный ходъ. Была сдѣлана изъ золота статуя Махинды; она помѣщалась въ Михинталѣ, въ особой часовнѣ. Въ извѣстный день (въ осьмой день мѣсяца Картикъ) она торжественно переносилась оттуда. Царь со свитою, всѣ жители столицы, много богомольцевъ и монаховъ со всего острова собирались въ этотъ день, въ Михинталѣ. Путь изъ Михинталлы въ Анурадхапуру разукрашался: на эту дорогу торжественно выносили статую Махинды; во главѣ процессіи шелъ самъ царь. Процессія двигалась до Анурадхапуры цѣлый день и только къ вечеру достигала восточныхъ воротъ города: здѣсь статую помѣщали въ храмы Соттхіякара. Затѣмъ въ продолженіи двѣнадцати дней городъ разрукрашался и по истеченіи этого времени статую опять поднимали и несли чрезъ весь городъ къ южнымъ воротамъ, въ монастырь Махавихару; ее помѣщали у древа Бо, гдѣ она и оставаласъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

Со временъ этого царя для монастыря Махавихары настали опять цвѣтущіе дни: въ половинѣ IV ст. здѣсь былъ выстроенъ дворецъ, извѣстный подъ именемъ Павлинаго и развалины котораго до сихъ поръ существуютъ. Монахи Махавихары славились въ это время ученостью: здѣсь Буддхагхоша писалъ свои знаменитые коментаріи на св. слова и сюда же приходилъ Фасянь въ своихъ поискахъ за буддійскими рукописями. Фасянь ни слова не упоминаетъ о священномъ древѣ Бо; онъ видѣлъ его въ Анурадхапурѣ, но въ другомъ мѣстѣ: о самомъ-же монастырѣ онъ разсказываетъ, что Ма-

хавихара находилась въ семи ли (т. е. около трехъ верстъ) къ югу отъ столицы; въ его время здѣсь было три тысячи монаховъ. Фасянь былъ очевидцемъ того, какъ царь строилъ новый храмъ въ монастырѣ и дарилъ землю монастырю: въ началѣ царь устроилъ щедрое угощеніе монахамъ; затѣмъ онъ выбралъ двухъ сильныхъ быковъ; разукрасили ихъ рога золотомъ, серебромъ и всякими драгоцѣнностями и запрягли въ позолоченный плугъ. Самъ царь провелъ границы дарованной земли и свои права на землю, дома, людей, на все находящееся въ обведенномъ пространствѣ онъ уступилъ монахамъ. Дарственная эта была вырѣзана на металлической доскѣ.

Въ VII ст. по Р. Х. по словамъ Сюанъ-цзана монахи Махавихары слѣдовали ученію Хинаяны и этимъ отличались отъ своихъ соперниковъ—монаховъ Абхаягири, которые изучали также и Махаяну. Дальнѣйшихъ извѣстій о монастырѣ и св. древѣ пока нѣтъ; въ слѣдующемъ столѣтіи Анурадхапура перестала быть столицею острова и затѣмъ впродолженіи тысячи слишкомъ лѣтъ, оставаясь мѣстомъ святымъ въ глазахъ буддистовъ, мало по малу она изчезаетъ съ лица земли.

Въ томъ, что древо Бо до сихъ поръ считается святымъ и чтится не только Цейлонцами, но и Бирманцами, и Сіамцами, я могъ убѣдиться въ первый же день своего пребыванія въ Анурадхапурѣ. Утромъ я видѣлъ, какъ молились одной изъ разрушенныхъ ступъ, вечеромъ часовъ около шести толпа тѣхъ-же пилигримовъ, частью изъ Коломбо, частью изъ Бирмы, предшествуемая музыкантами съ національнымъ барабаномъ (томе-томъ) собралась у святого дерева.

Древо Бо стоитъ въ центрѣ двора, обнесеннаго стѣною и имѣющаго въ длину около трехъ сотъ сорока пяти футовъ, а въ ширину около двухъ сотъ шестнадцати.

Приближаясь къ этому двору, послѣдовательно проходишь

чрезъ двое воротъ. Первыя очевидно очень новой постройки и ничѣмъ не любопытны: они сложены изъ кирпича съ створчатыми деревянными дверями. По деревяннымъ притолкамъ можно кое гдѣ видѣть остатки не очень тонкой рѣзьбы.

Между первыми и вторыми воротами тянется вымощенная гранитными плитами довольно широкая дорожка; судя по нѣкоторымъ признакамъ, съ двухъ сторонъ нѣкогда существовали стѣны. Какъ первые, такъ и вторые ворота крыты: это тотъ родъ построекъ, который у мѣстныхъ архитекторовъ называется: дварамандапа.

Поднявшись на пять ступеней вступаешь въ крытый входъ вторыхъ воротъ. Эти ступени высѣченныя изъ гранитныхъ плитъ, полукругъ находящійся передъ ними, и перилы, и два изображенія змѣй-юношей съ семью хоботами, необыкновенно тонкой работы. Особенно изящна работа на гранитномъ полукругѣ, находящемся передъ лѣстницею и замѣчательно, что тутъ прекрасно изображенъ конь; тогда какъ извѣстно, что въ настоящее время на Цейлонѣ всѣ лошади—привозныя.

Внутренняя сторона воротъ украшена также какъ и внѣшняя. На самомъ дворѣ множество мелкихъ остатковъ древности: колонны, три статуи Будды и т. п. Направо отъ входа находятся развалины небольшаго храма: нѣсколько четырехгранныхъ столбовъ и фигура Будды, погруженнаго въ созерцаніе. На противоположной сторонѣ двора такая-же фигура, колонна и остатки фундамента. Отъ вторыхъ воротъ къ древу идетъ дорога вымощенная плитами не одинаковой величины. Святое древо стоитъ на квадратномъ искусственномъ возвышеніи: тринадцать ступеней ведутъ на первую террасу, гдѣ есть нѣсколько боковыхъ отростковъ отъ святого древа. На восточной сторонѣ первой террассы находится большая статуя Будды сидящаго; статуя была сдѣлана изъ кирпича и покрыта штукатуркою (chunnam). На южной сто-

ронѣ террасы, а также на дворѣ, съ этой стороны лежатъ нѣсколько колоннъ. Двѣнадцать ступеней ведутъ на вторую террассу; входъ на вторую террассу съ запада; но былъ когда-то ходъ и съ восточной стороны къ сейчасъ упомянутой статуѣ. На второй террассѣ есть также отрасли святого древа.

При входѣ-же стоитъ ящикъ значительныхъ размѣровъ для сбора подаяній; онъ покрытъ сверху рѣшеткою, куда и опускаются доброхотныя подаянія. Съ юга шесть ступень по желѣзной лѣстницѣ ведутъ на третью террассу; она обнесена каменною оградою съ желѣзною рѣшоткою; тутъ находится одинъ стволъ святого древа, которое на четвертой террассѣ раздѣляется на два ствола.

Въ ограду второй террассы входишь черезъ особыя ворота, не всегда отпертыя: внизу съ двухъ сторонъ лѣстницы стоятъ два изображенія змѣй-юношей, а у самыхъ дверей изображенія хранителей дверей (Двара пала); вмѣсто верхней перекладины надъ дверьми изображены два морскихъ чудовища—макара; нѣсколько алтарей стоятъ по второй террассѣ. Здѣсь обыкновенно и дѣлаются приношенія. Въ первый же вечеръ своего пребыванія въ Анурадхапурѣ я видѣлъ какъ буддисты молятся святому древу: часовъ въ шесть вечера, когда жара начинала спадать и при этомъ становилось уже темно я увидѣлъ по дорогѣ, ведущей отъ ступъ къ святому древу значительную толпу: она двигалась медленно; многіе пилигримы были въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; толпѣ предшествовали музыканты и факельщики, а въ хвостѣ какая-то несчастная худая собачонка. По временамъ барабанные звуки умолкали и тогда проносились громкіе, но не стройные крики: *саду* (т. е. добро! хорошо!). Толпа взошла на дворъ святого древа и поднялась на вторую террассу; музыканты остановились у дверей, а богомольцы расположились кругомъ по всей террассѣ, два монаха взобрались на третью террассу и оттуда стали чи-

тать молитвы: богомольцы повторяли за ними слова молитвы; сперва прочли: „я иду подъ защиту Будды, я иду подъ защиту закона, я иду подъ защиту Сангхи (т. е. общества духовныхъ). Эти слова повторили три раза. Затѣмъ монахи стали читать: „я пріемлю заповѣдь: воздержусь отъ убіенія всего сущаго (1).

Я пріемлю заповѣдь: воздержусь отъ присвоенія неданнаго (2).

Я пріемлю заповѣдь: воздержусь отъ прелюбодѣйства (3).

Я пріемлю заповѣдь: воздержусь отъ лжи (4).

Я пріемлю заповѣдь: воздержусь отъ пьянства“.

Когда монахи вмѣстѣ съ богомольцами прочли эти молитвы, въ слѣдъ за тѣмъ раздался оглушительный гулъ; кричали повторительно:—саду; кричали что есть мочи всѣ, даже тѣ, которые во время произнесенія молитвъ занимались разговорами съ сосѣдями. Послѣ того —какъ только замолкли крики, на третью террасу внесли факелы и стали дѣлать приношенія древу. Въ это время нѣкоторые богомольцы стали обходить древо и раскладывать по алтарямъ цвѣты; одна сгорбленная старушенка, вся въ бѣломъ еле-еле передвигавшая ноги обошла всѣ алтари, и кряхтя, и стоная начала подниматься на третью террассу, гдѣ свершались приношенія. На листахъ наложили различныхъ зеренъ и орѣшковъ, на одинъ изъ алтарей положили кусокъ дерева, и поливъ его различными маслянистыми веществами, за тѣмъ зажгли. Какой-то міряниинъ изъ Коломбо принесъ съ собою небольшую сткляночку, должно быть съ очень драгоцѣннымъ масломъ: онъ сильно суетился, обращаясь къ монахамъ и ко многимъ богомольцамъ съ предложеніемъ дорогой влаги; монахи и многіе богомольцы опускали въ пузырекъ маленькія палочки: и зажегши палочки они бросали ихъ на алтарь. Тотъ-же міряниинъ принесъ съ собою кусокъ какой-то бѣлой ткани; ее

тутъ же разрѣзали и разорвали на небольшіе куски; навязавъ эти куски въ видѣ знаменъ на длинныя палки, обставили ихъ кругомъ ограды. Многіе изъ богомольцевъ, припавъ лбомъ къ оградѣ читали въ полголоса молитвы; другіе молча лежали на землѣ, но большинство стояло, разговаривая другъ съ другомъ.

По окончаніи молитвъ знамена собрали, всѣ разошлись и монахи заперли двери, ведущія къ святому древу.

Съ святого древа не позволено срывать листовъ; ежедневно собираютъ опавшіе съ него листья и эти листья считаются также святыми.

3.

Къ сѣверу отъ Rest-house'a находятся развалины пяти ступъ: ближайшая отъ этого пункта и самая значительная по количеству окружающихъ ее построекъ *Золотая* или *Великая* ступа въ мою бытность въ Анурадхапурѣ реставрировалась. На востокъ отъ нея находится Абхаягири, а на сѣверъ: Тхупарамо, Ланкарамо и Жетаванарамо.

Построеніе Золотой или Великой ступы началось за сто шестьдесятъ лѣтъ до Р. Х.; строилась она двадцать лѣтъ и затѣмъ въ продолженіи цѣлаго ряда столѣтій различные цари обстраивали и украшали ступу. Въ XIII ст. Малабарцы разрушили ее (1215).

Когда въ 1874 году работы по реставраціи значительно подвинулись, кругомъ многое было расчищено, самый памятникъ былъ очищенъ и освобожденъ отъ сора и растительности тогда стало возможно съ приблизительною вѣрностью представить себѣ, какъ размѣры самой ступы, такъ и значительность окружныхъ построекъ и украшеній святаго памятника.

Главный входъ къ ступѣ былъ съ востока и для того чтобы достичь первой внѣшней террасы, на которой подни-

мался куполъ имѣвшій въ вышину около двухъ сотъ футовъ нужно было пройдти черезъ двое воротъ.

Первые ворота вели на квадратный дворъ, стѣны коего еще сохранились кое-гдѣ напр. съ южной стороны, у воротъ.

Первые восточные вороты покрыты двумя крышами въ китайскомъ стилѣ: верхняя меньшая нѣсколько отступя поднимается надъ нижнею большою. Стѣны покрыты лѣпною работою очень грубою и новою: по обѣимъ сторонамъ изображены *хранители вратъ* (дварапала), а на верхней притолкѣ морское чудовище (макара). Лѣстница ведущая къ этимъ воротамъ украшена также, какъ украшались въ древней Анурадхапурѣ всѣ лѣстницы, т. е. при входѣ стояли два змѣя-юноши, а на перилахъ были изображены морскія чудовища.

Пройдя нѣсколько дворомъ поднимаешся на семь ступеней ко вторымъ воротамъ; присутствіе колоннъ съ обѣихъ сторонъ воротъ заставляетъ предполагать, что отъ вторыхъ воротъ былъ крытый ходъ, съ права и съ лѣва были стѣны съ рѣзными изображеніями львовъ, а на право отъ входа стоитъ высѣченная изъ камня (paniyathalî) большая чаша.

Далѣе одинадцать ступеней ведутъ на внѣшнюю террассу; кругомъ этой террассы была ограда; остатки которой видны здѣсь, на восточной сторонѣ, она выложена плитами и также какъ внѣшнія стѣны и весь дворъ была квадратною: прямо передъ вторыми воротами стояла небольшая квадратная часовня, имѣвшая около двадцати трехъ аршинъ въ длину и въ ширину. Посреди часовни, на возвышенной платформѣ, къ которой поднимаешся двумя ступенями, стояла статуя Будды. Стѣны этой часовни были покрыты живописью частью выцвѣтшею отъ времени, частью обвалившейся и безслѣдно уничтоженной.

Рядомъ съ этою часовнею, другая поменьше примыкаетъ къ ступѣ. Первая-же часовня стоитъ отступя отъ ступы; отъ

ступы въ эту сторону есть выступъ или алтарь; съ боку этого алтаря сохранилось нѣсколько ступеней, ведущихъ съ внѣшней квадратной террасы на первую террасу—или vedi; таковыя же ступени видны у южнаго входа, и сѣвернаго, за алтаремъ.

Восточные врата сохранившіеся лучше другихъ раздѣляли внѣшнюю террассу на двѣ половины.

Входовъ на внѣшнюю террассу было еще три: съ запада, съ сѣвера и съ юга; но врата съ этихъ сторонъ не сохранились; отъ ступы въ сторону къ вратамъ есть выступы съ нѣсколькими отдѣльно стоящими алтарями; на этихъ алтаряхъ или изображены головы слоновъ, или-же слѣды Будды.

Самая ступа имѣетъ форму купола съ діаметромъ въ 379 футовъ, куполъ этотъ былъ поставленъ на трехъ террассахъ, не считая квадратной внѣшней. Какъ внѣшняя квадратная терраса, такъ и остальныя концентрическія три были назначены для молитвеннаго обхожденія вокругъ ступы; выступы отъ ступы или алтари передъ ними для принесенія цвѣтовъ, свѣтильниковъ или возліянія благоуханій.

Вершина ступы совершенно обвалилась. О томъ, какъ она была въ древности украшена, въ 1874 г. можно было знать только изъ свидѣтельства хроники.

Самый куполъ былъ сложенъ изъ кирпича, плотно выложенъ кирпичемъ, и покрытъ штукатуркою; три концетрическія террассы были покрыты фресками; фрески эти были открыты въ 1874 году при реставраціи памятника и черезъ нѣсколько же дней по открытіи уничтожены невѣжественными рабочими и смотрителями за работами. Ступа реставрировалась не умѣло и несомнѣнно о первоначальномъ планѣ, по которому воздвигнуты были окружныя постройки, никто не думалъ; а потому назначеніе множества второстепенныхъ украшеній осталось неразгаданнымъ и этимъ въ высшей

степени роскошнымъ изящнымъ рѣзнымъ работамъ по гранитнымъ плитамъ вѣроятно суждено погибнуть.

А между тѣмъ для археолога именно эти украшенія и имѣютъ необыкновенную цѣну; въ его глазахъ они цѣнны не только по тому, что дѣйствительно изящны, но и по тому также, что въ Индіи, кромѣ какъ на Цейлонѣ нѣтъ ничего подобнаго имъ, какъ по рисунку, такъ и по выполненію: таковыхъ камней много около всѣхъ ступъ въ Анурадхапурѣ, но особенно богата ими Золотая ступа и Абхаягирская. Послѣдняя въ мое время еще не вполнѣ была разчищена и о реставраціи ея никто не думалъ.

Махавансо цейлонская хроника сохранила намъ весьма обстоятельное описаніе, какъ построенія ступы, такъ плана, по которому она была воздвигнута. Она была воздвигнута внѣ города, къ югу, въ увеселительномъ саду Махамегха. Первоначально на этомъ мѣстѣ было небольшое озеро Какудха; по преданію первый апостолъ Цейлона Махинда указалъ на находящійся около озера небольшой холмъ и разъяснилъ, что мѣсто это было посѣщено Буддою и что тутъ воздвигнута будетъ ступа. Царь Деванамъ Пія Тисса воздвигъ на этомъ мѣстѣ столбъ, а на самомъ столбѣ приказалъ вырѣзать пророчество Махинды. Преданіе о посѣщеніи этого мѣста Буддою зналъ и Фасянь, но онъ передаетъ его съ нѣкоторыми варіантами. Будда, говоритъ онъ, пришелъ въ эту страну (т. е. на Цейлонъ) съ желаніемъ обратить злостнаго змѣя. Чудотворно ставъ одною ногою къ сѣверу отъ столицы, другую же ногу опустилъ онъ на вершину горы; между двумя пунктами разстояніе — 15 іожанъ. Надъ слѣдомъ къ сѣверу отъ столицы воздвигнута высокая башня, имѣющая въ вышину 470 ф. Она украшена золотомъ и серебромъ и т. д. Такъ какъ далѣе вблизи этой башни онъ помѣщаетъ монастырь Абхаягири, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ разу-

мѣлъ въ этомъ мѣстѣ описанія своего путешествія Золотую ступу. Остается непонятнымъ однако-же, какимъ образомъ онъ могъ описывать Золотую ступу, какъ находящуюся къ сѣверу отъ столицы и въ тоже время монастырь Махавихара, находящійся отъ Золотой ступы къ югу, не болѣе какъ въ полуверстѣ, онъ-же помѣщается къ югу отъ столицы въ семи ли?

Во II столѣтіи до Р. Х. царь Гамини началъ построеніе ступы; на сто локтей въ глубину былъ заложенъ фундаментъ изъ громадныхъ валуновъ, затѣмъ ихъ покрыли слоемъ глины, выложили кирпичами, на которые послѣдовательно положили слой цемента, камни курувинда (?), желѣзные листы и кристаллы, обыкновеные камни, мѣдные листы и серебряныя листы.

Въ этомъ описаніи фундамента ступы несомнѣнно есть доля преувеличенія, хотя все, что тотъ-часъ перечислено весьма вѣроятно и было положено въ основаніе: серебрянные, мѣдные и желѣзные листы быть можетъ были только небольшіе пластинки, и слой кристалловъ состоялъ весьма вѣроятно изъ одного куска кристалла, положеннаго въ центрѣ фундамента.

Закладка зданія сопровождалась празднествомъ: до сихъ поръ это повторяется на Цейлонѣ при построеніяхъ ступъ, все равно какъ въ Европѣ при построеніи храмовъ. На празднество сошлись монахи изъ разныхъ мѣстъ, изъ Индіи даже изъ греческаго города *Аласадда*.

Ступу предполагалось воздвигнуть въ формѣ пузыря, на поверхности воды.

Всѣ работы, какъ по перевозкѣ матерьяла, такъ и по постройкѣ должны были оплачены самимъ царемъ; не одна работа не должна была производиться даромъ. Таково было желаніе царя. Извѣстно, однакоже, что не только въ древности но и до 1832 года на Цейлонѣ существовала *царская служба* (ражакарія).

Требовать отправленія этой службы для себя или для пользы государства могъ не только царь, но и всѣ высшія чиновники всѣхъ степеней. Служба эта была народнымъ обычаемъ, освященнымъ вѣками. Царь считался безусловнымъ обладателемъ всей земельной собственности во всемъ царствѣ. Мужчины всякой семьи, владѣющіе землею, обязаны были пятнадцать дней въ году отправлять даромъ царскую службу. Служба эта была не одинакова для людей различныхъ общественныхъ положеній или различныхъ кастъ: землею оплачивался всякій трудъ; солдатъ владѣлъ землею и за это долженъ былъ служить. Адигаръ (министръ), Диссава (областный начальникъ) не получали за свою службу жалованья, а помѣстья. Землею оплачивался также трудъ людей низшихъ кастъ: прачекъ, барабанщиковъ, носителей паланкиновъ, и т. д. На такихъ условіяхъ производились всѣ общественныя работы: за землю жители должны были строить каналы, мосты, проводить дороги и т. п. Отправивъ *царскую службу*, владѣвшій не платилъ затѣмъ никакихъ податей. Хотя по закону *царская служба* должна была продолжаться только пятнадцать дней въ году, но было въ обычаѣ добровольно служить добавочныхъ пятнадцать дней. Въ случаѣ когда правительство злоупотребляло своимъ правомъ на даровой трудъ за пользованіе землею, владѣвшій землею могъ отказаться отъ отправленія ражакарія и тогда онъ долженъ былъ отдать назадъ свою землю. Правомъ этимъ рѣдко пользовались, такъ какъ въ сущности оно равнялось праву умереть голодною смертью; рискъ былъ великъ, такъ такъ смѣльчакъ неминуемо долженъ былъ навлечь на себя гнѣвъ или царя или своего землевладѣтеля.

Гамини не окончилъ построеніе ступы: при немъ были положены въ особенномъ роскошномъ помѣщеніи мощи, завершенъ куполъ, но верхнихъ украшеній, т. е. водрузить chatta или зонтъ онъ не успѣлъ. У восточныхъ воротъ двора ука-

зываютъ на то мѣсто, гдѣ царь Гамини, умирая, прощался съ міромъ и каялся въ грѣхахъ передъ лицемъ собравшагося народа.

Черезъ дорогу прямо противъ восточныхъ вратъ находятся дѣйствительно нѣсколько любопытныхъ развалинъ: квадратный фундаментъ, нѣсколько четырехъ-гранныхъ столбовъ, лѣстница съ юга съ двумя изображеніями змѣй-юношей; посрединѣ этой постройки (вѣроятно часовни) стоитъ высѣченный изъ камня алтарь; именно этотъ алтарь и считается народомъ за предсмертное ложе Гамини.

Въ этомъ случаѣ преданіе расходится съ сказаніями мѣстной хроники. Махавансо разсказываетъ, что передъ смертью почувствовавъ упадокъ силъ, Гамини приказалъ принести себя къ *южнымъ* воротамъ ступы и здѣсь возлегъ: отсюда дѣйствительно онъ могъ видѣть многое изъ содѣяннаго имъ: съ одной стороны не оконченную ступу, съ другой къ югу Мѣдный дворецъ и святое древо, окруженное монастыремъ. Бурно протекла его жизнь въ удачной борьбѣ съ чужеземными завоевателями; побѣдивъ и изгнавъ чужеземцевъ, онъ построилъ множество храмовъ и подъ конецъ жизни пріобрѣлъ славу благочестиваго царя. Вокругъ него собрался народъ, считавшій царя избавителемъ отъ чужеземнаго ига, и пришли монахи; число ихъ должно было быть значительно, судя по оставшимся до нынѣ развалинамъ монастырей. Монахи запѣли сообща гимны. Обращаясь къ одному изъ монаховъ, своему бывшему боевому товарищу, царь сказалъ:

— Въ былое время вмѣстѣ съ тобою я воевалъ, а теперь одинъ на одинъ вступаю въ битву со смертью. И не одолѣть мнѣ врага!

Монахъ напомнилъ ему изрѣченіе Великаго учителя о невѣчности всего сущаго и закончилъ свою рѣчь такъ: „Вспомни о всемъ добрѣ содѣянномъ тобою, и да будетъ тебѣ благо!“

— Ты поддерживаешь меня и въ этой битвѣ со смертью! отвѣчалъ ему царь и приказалъ принести *книгу* своихъ *дѣяній.* Въ этой книгѣ были записаны всѣ дѣла царя; принесли книгу и стали ее читать, но царь вскорѣ прервалъ чтеніе и разсказалъ самъ всю свою жизнь.

Своему наслѣднику младшему брату Тиссѣ онъ завѣщалъ окончить все оставшееся не сдѣланнымъ въ Махаступѣ, утромъ и вечеромъ свершать приношеніе цвѣтовъ и трижды въ день обходить кругомъ ступы съ музыкою.

Какъ только царь окончилъ свою рѣчь, монахи запѣли гимнъ. Взирая на ступу царь умеръ, и духъ его, облекшись въ видимую форму, предъ глазами всего народа въ колесницѣ поднялся на небо.

Святая ступа и по смерти этого царя украшалась: его непосредственный наслѣдникъ воздвигъ на верхушкѣ зонтикъ и окружилъ ступу стѣною съ изображеніями слоновъ. Таковыя изображенія до сихъ поръ видны кругомъ внѣшней террасы.

Въ I столѣтіи до Р. Х. при его наслѣдникахъ кругомъ ступы были сдѣланы каменные алтари для приношенія цвѣтовъ, и вокругъ ступы стѣнами былъ обнесенъ квадратный дворъ. У южныхъ вратъ ступы до сихъ поръ показываютъ статую царя Бхатія. Говорятъ этотъ царь (царствовалъ около начала нашей эры) однажды принесъ въ жертву ступѣ столько цвѣтовъ, что весь памятникъ съ верхними украшеніями былъ покрытъ ими; въ то время когда свершалось это щедрое приношеніе до слуха царя донеслось пѣніе изъ того мѣста, гдѣ были зарыты святыя мощи. Бхатія пожелалъ проникнуть внутрь ступы, онъ отказался отъ пищи и постясь лежалъ передъ святымъ памятникомъ. Монахи открыли ему тайный входъ и привели его къ тому мѣсту, гдѣ возлежали святыя мощи. Блескъ и великолѣпіе, видѣнное имъ царь при-

казалъ изобразить на картинѣ, передъ которою онъ возжигалъ свѣтильники и дѣлалъ щедрыя приношенія.

Послѣдующія цари украшали также Великую ступу. Фасянь видѣвшій ее въ V ст. нашелъ, какъ самый памятникъ, такъ и зданія кругомъ въ полномъ процвѣтаніи. Позднѣйшая исторія всѣхъ намятниковъ въ Анурадхапурѣ пока еще неизвѣстна; мы знаемъ только, что въ XIII ст. Великая ступа была разрушена малабарцами.

4.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ Золотой ступы находятся два подобныхъ-же памятника: къ востоку оттуда Абхаягири, а на сѣверъ Тхупарама.

Абхаягирская ступа и монастырь были выстроены за 89 лѣтъ до Р. Х. или двѣсти семнадцать лѣтъ спустя по построеніи Великаго монастыря, или монастыря Святаго древа. Между монахами двухъ монастырей не было особеннаго ладу; выше было разсказано, о гоненіяхъ, которымъ подвергался Великій монастырь, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Абхаягирскій украсился на счетъ своего соперника. Фасянь, видѣвшій Абхаягирскій монастырь въ блестящій періодъ его существованія говоритъ, что въ этомъ монастырѣ было пять тысячъ монаховъ. Сюань-цзанъ-же описываетъ ученость и высокую нравственность монастырской братіи. Онъ говоритъ о монахахъ: они изучали Хинаяну и Махаяну, много объясняли св. слово. Монахи и послушники вели жизнь высокой святости: тѣ и другіе отличались разумностью и просвѣщеніемъ. Ихъ прекрасное поведеніе могло быть поставлено въ примѣръ. Держали они себя важно и величественно.

Во время Фасяня около Абхаягирской ступы находилась часовня, въ которой стояла яшмовая статуя Будды, имѣвшая въ высоту около двадцати двухъ футовъ. Она была роскошно

украшена различными драгоцѣнностями и въ ея правой рукѣ былъ вставленъ драгоцѣнный камень высокой цѣны. Около-же этой часовни находилось и св. древо, вывезенное изъ Индіи. По словамъ Фасяня оно имѣло двѣсти-двадцать футовъ въ вышину; подъ нимъ была построена часовня съ фигурою Будды созерцающаго. Монахи и міряне почитали и молились этой статуѣ безпрерывно.

Абхаягирскую ступу ясно можно видѣть стоя на внѣшней террасѣ Золотой ступы; она стоитъ на востокъ отъ послѣдней среди почти сплошнаго лѣса. По преданію эта ступа имѣла въ вышину четыреста пять футовъ. Въ настоящемъ видѣ она имѣетъ болѣе двухсотъ футовъ въ вышину; внѣшнія стѣны простираются на $1^{3}/_{4}$ мили. Какъ самая ступа, такъ и все кругомъ покрыто густою растительностью: дерева ростутъ по террасамъ, по куполу и на самой верхушкѣ.

Отъ Золотой ступы по направленію къ Абхаягирской протоптана тропинка. Между двумя ступами, поближе къ Абхаягирской, когда то протекала рѣка, русло которой до сихъ поръ ясно видно.

Недоходя рѣки, отъ тропинки, идущей къ Абхаягирской ступѣ, отдѣляется боковая дорожка въ лѣво къ ступѣ Санлачетія, выстроенной одновременно съ Абхаягирской. Ступа очень невелика и совершенно разрушилась: невысокій памятникъ совершенно спрятанъ въ лѣсной чащѣ. Съ южной стороны сохранились однакоже ступеньки, ведшія на внѣшнюю террассу.

Судя по тому, что видимо въ настоящее время около Абхаягирской ступы, можно предположить, что она выстроена была по тому-же плану какъ и Золотая. Подходя къ ступѣ съ запада находишь нѣсколько ступеней; здѣсь вѣроятно были въ древности первые врата. Затѣмъ черезъ нѣкоторое пространство начинается лѣстница на внѣшнюю террассу; девятнадцать сту-

ценей вели сюда; лѣстница была выстроена съ уступомъ: присутствіе колоннъ на уступѣ заставляетъ предполагать, что она была по всей вѣроятности или крытою или же на первомъ уступѣ устроена была часовня.

Съ четырехъ сторонъ ступы есть также выступы и рядомъ другіе алтари.

Рѣзныя украшенія вокругъ ступы по рисунку отличаются нѣсколько отъ подобныхъ-же украшеній Золотой ступы; ихъ вообще не такъ много, какъ около послѣдней, но по всей вѣроятности много еще можно отыскать кругомъ въ лѣсу.

Слѣдовъ окружныхъ построекъ вокругъ ступы въ бытность мою въ Анурадхапурѣ не было отыскано, главнымъ образомъ потому что никто ихъ тутъ въ густомъ лѣсу не искалъ.

Тхупарама лежитъ на сѣверъ отъ Золотой ступы; тропинка ведущая отъ одной ступы къ другой пролегаетъ полемъ среди небольшихъ кустарниковъ и разнообразныхъ остатковъ, отъ нѣкогда стоявшихъ здѣсь зданій: здѣсь виднѣются низверженныя колонны, гранитныя ступени съ рѣзьбою, громадныя плиты и т. п.

Тхупарамская ступа нынѣ отдѣлана вновь: т. е. куполъ возобновленъ, заново оштукатуренъ и на верхушкѣ красуется новый мѣдный шпицъ; съ западной стороны верхушки, подъ шпицомъ есть изображеніе солнца. Террасы, колонны и развалины кругомъ остались не тронутыми.

Развалинъ кругомъ очень много около ступы, главнымъ образомъ это остатки нѣкогда стоявшихъ здѣсь храмовъ, часовенъ, зданій проповѣди и т. д.

Главный входъ въ бывшій тхупарамскій монастырь былъ съ востока; монастырь стоялъ по свидѣтельству хроники за южными воротами древней столицы; дорога изъ города вѣроятно шла приблизительно по тому-же направленію, по которому въ настоящее время идетъ дорога отъ святаго древа къ

Жетаванской ступѣ, т. е. между ступами Ланкарама, Тхупарама и Золотой съ западной стороны и абхаягирскимъ монастыремъ вмѣстѣ съ небольшою каменною ступою (Сайлачетія) съ восточной стороны; съ этой дороги сворачивали богомольцы на право и на лѣво къ главнымъ святынямъ, между которыми тянулись тѣнистые сады, съ часовнями, храмами второстепенной святости.

Входъ въ то пространство, гдѣ разсѣяны развалины бывшаго тхупарамскаго монастыря отмѣченъ двумя пунктами: къ сѣверу указываютъ на могилу святой Сангхамитты, къ югу на развалины храма св. Зуба. Небольшая насыпь съ нѣсколькими поверженными колоннами, и разукрашенными рѣзьбою ступенями не составляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ сѣверу отъ восточныхъ воротъ была какая-то постройка: можетъ быть ступа или-же часовня, такъ какъ колонны и ступени могли принадлежать, какъ тому, такъ и другому вооруженію.

Мѣстное преданіе, называя это мѣсто могилою Сангхамитты въ этомъ случаѣ расходится лишь въ второстепенныхъ подробностяхъ съ извѣстіями цейлонской хроники.

Махавансо разсказываетъ, что святая Сангхамитта сестра святаго Махинды умерла послѣ брата, въ 259 г. до Р. Х. Тѣло ея было принесено на востокъ отъ Тхупарамской ступы, въ то мѣсто гдѣ тогда стояло зданіе, называвшееся Читтасала или Пестрое зданіе и по близости къ святому древу, находившемуся также около Тхупарамской ступы. Здѣсь вблизи святаго древа тѣло было предано сожженію, и царь Уттіо надъ пепломъ воздвигъ ступу.

Разсматривая и взвѣшивая эти извѣстія, приходишь къ заключенію, что мѣстное преданіе о могилѣ Сангхамитты, имѣетъ за собою много вѣроятія; относительно втораго пункта, именно храма св. Зуба, оно сообщаетъ прямо противуположное извѣстіямъ цейлонскихъ хроникъ.

То что нынѣ называется храмомъ св. Зуба дѣйствительно есть остатки храма.

Храмъ этотъ былъ не великъ, судя по сохранившемуся фундаменту; на мѣстѣ удержалось отъ него немного: поднявшись на шесть ступень вступаешь въ предверье или въ внѣшнюю часть храма; отъ входа на право и на лѣво стоятъ два ряда колоннъ по шести въ каждой. На право отъ входа стоитъ paniyathalî. Во второй половинѣ храма стоятъ такія-же ряды колоннъ. Кромѣ этихъ столбовъ разбросаны общія всѣмъ анурадхапурскимъ постройкамъ украшенія: рѣзною работою украшенныя ступени; перилы лѣстницы, съ изображеніями морскихъ чудовищъ, змѣи-юноши, стоявшіе у входа на лѣстницѣ и т. д.

Св. Зубъ былъ привезенъ въ Анурадхапуру изъ Индіи, въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. при царѣ Мегхаваннѣ, который по словамъ Махавансы помѣстилъ его въ зданіи выстроенномъ еще въ III ст. до Р. Х. и называвшемся Дхаммачакка. О томъ гдѣ стояло это зданіе хроника ничего не сообщаетъ. Тотъ-же царь, читаемъ въ ней, учредилъ празднество въ честь св. мощей и торжественный ходъ съ мощами въ Абхаягирскій монастырь. Спеціальная исторія св. Зуба разсказываетъ, что когда св. мощи были принесены въ Анурадхапуру, царь не зналъ куда ихъ помѣстить и собралъ на совѣтъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей. Монахи стали на перерывъ восхвалять свои монастыри. Царь не отвергъ ни одного предложенія и не принялъ ни одного; онъ рѣшилъ, что сами св. мощи выберутъ себѣ мѣсто пребыванія.

Отданъ былъ приказъ украсить городъ и дороги; вымели улицы, полили ихъ, усыпали пескомъ, воздвигли во многихъ мѣстахъ торжественныя арки, на домахъ развѣсили флаги; въ разныхъ мѣстахъ разставили временные павильоны. Народъ собрался разряженный въ праздничныхъ одѣяніяхъ; многіе

пришли съ цвѣтами: другіе принесли съ собою благоухающаго порошку; нѣкоторые несли въ рукахъ зонтики.

Поставили св. мощи на колесницу, запряженную бѣлыми конями. Двинулись кони никѣмъ не сдерживаемые и не управляемые. Городъ, по словамъ хроники, уподобился бушующему океану; въ воздухѣ носились крики необозримой толпы, ржаніе коней, барабанный бой и ревъ слоновъ. Женщины срывали съ себя золотыя украшенія и приносили ихъ въ жертву св. мощамъ, усыпали цвѣтами улицу и махали своими одѣяніями. Сопровождаемая такою толпою колесница приблизилась къ восточнымъ городскимъ воротамъ. Тутъ народъ сталъ опять чествовать св. мощи. За тѣмъ колесница обошла кругомъ всего города и окончательно остановилась у сѣверныхъ воротъ, т. е. въ такомъ мѣстѣ Анурадхапуры, которое еще не отыскано, такъ какъ намъ извѣстны пока южныя окрестности города. Хроника не говоритъ гдѣ именно, въ какомъ зданіи были помѣщены св. мощи: Фасянь видѣлъ часовню св. Зуба и разсказываетъ, что она была выстроена въ самой столицѣ; Сюанъ-цзанъ прибавляетъ къ этому, что часовня св. Зуба стояла около дворца: часовня имѣла въ вышину нѣсколько сотъ футовъ и была украшена различными драгоцѣнностями; на ней былъ воздвигнутъ шпицъ съ драгоцѣннымъ рубиномъ. Царь, говоритъ китайскій путешественникъ, три раза въ день омываетъ св. зубъ; онъ или орошаетъ его благоуханною водою, или возжигаетъ передъ нимъ благоуханный порошокъ. Всѣ эти свидѣтельства единогласно указываютъ, что храмъ св. Зуба не стоялъ въ четвертомъ, пятомъ и седьмомъ столѣтіи около Тхупарамской ступы: трудно предположить, чтобы этотъ храмъ былъ выстроенъ позднѣе, такъ какъ въ VIII вѣкѣ столицею Цейлона сталъ городъ Полланарруа, гдѣ также есть развалины храма св. Зуба: а потому

нужно признать, что въ данномъ случаѣ мѣстное преданіе сомнительной вѣрности.

Около Тхупарамской ступы есть нѣсколько развалинъ очень схожихъ съ сейчасъ описанною; можетъ быть въ одной изъ нихъ нужно искать остатки *зданія* для принесенія исповѣди, каковое зданіе было воздвигнуто здѣсь около начала нашей эры.

Тхупарамская ступа была воздвигнута въ III ст. до Р. Х.; по общему плану она отличается какъ отъ абхаягирской, такъ и отъ Золотой ступы. Она имѣетъ видъ колокола и не высока: около семидесяти футовъ въ вышину и столько же футовъ въ діаметрѣ. Ступа была воздвигнута на возвышенной платформѣ и окружена тремя рядами колоннъ, расходящихся радіусами отъ купола, какъ отъ центра. Внутренній рядъ находится въ разстояніи двухъ футовъ отъ купола; между первымъ и вторымъ десять; между вторымъ и третьимъ столько-же футовъ; въ вышину колонны имѣютъ двадцать шесть футовъ; при основаніи (9 ф.) онѣ четырехгранныя; выше до капители, осьмигранныя. Капитель украшена роскошною рѣзьбою.

На платформу поднимаешся по лѣстницѣ: 12 ступеней до первой площадки, за тѣмъ двѣ ступени и площадка; 6 послѣднихъ ступеней приводятъ на платформу гдѣ стоитъ ступа. Самый куполъ ступы былъ поставленъ на террассѣ, имѣвшей около девяти футовъ въ вышину и предназначенной для молитвеннаго обхожденія вокругъ ступъ. Молитвенное обхожденіе по верхней террассѣ свершается богомольцами понынѣ. Платформа была выложена плитами: на одной изъ этихъ плитъ у самаго восточнаго входа сохранились нѣсколько буквъ отъ древней (судя по очертанію литеръ) надписи. Слѣдуя по платформѣ на юго-западъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго входа можно различить остатки какой-то постройки; ибо здѣсь сохранились ступени, и лежитъ изображеніе морскаго чудовища, служившее вмѣсто перилъ для лѣстницы.

Ступа эта была воздвигнута надъ мощами Будды.

Она до нынѣ болѣе посѣщается нежели отдаленныя, напримѣръ, Жетаванская, по этому вѣроятно она и была отчасти возобновлена, но за всѣмъ тѣмъ очень много древняго еще можно найти здѣсь, произведя правильно раскопки, и разчистивъ ближайшее къ платформѣ пространство; въ бытность мою въ Анурадхапурѣ высокія пальмиры росли у самой платформы; ползучія растенія, колючія кустарники виднѣлись всюду кругомъ, между развалинами, они росли въ трещинахъ плитъ, обвивали колонны. Эта тропическая роскошная растительность, придавая такую красоту окружному пейзажу, во многомъ способствуетъ однакоже разрушенію старыхъ построекъ.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Тхупарамской находятся двѣ ступы: ближайшая возвышается на с.-з., въ лѣсной чащѣ и называется Ланкарама; она была выстроена гораздо позднѣе Тхупарамской и, очевидно, по образцу послѣдней; отличаясь отъ Тхупарама нѣсколько по своей формѣ, новѣйшая ступа поставлена гораздо ниже старѣйшей и хотя подобно Тхупарамской была окружена рядами колоннъ, но не производитъ того же впечатлѣнія красоты и нетяжеловѣсности, какъ древнѣйшая ступа Анурадхапуры. На верху ступы я замѣтилъ изображеніе солнечнаго диска. Съ запада и съ с.-з. куполъ совершенно обвалился.

Жетаванская ступа есть крайняя ступа на сѣверъ отъ теперешняго города Анурадхапуры. Это самый отдаленный пунктъ въ окрестностяхъ Анурадхапуры. Далѣе лѣсъ въ 1874 году не былъ изслѣдованъ и туземцы увѣряли, что тамъ ничего нѣтъ. Жетаванская ступа дѣйствительно стоитъ въ самой глухой части окрестностей. Ступу выстроилъ царь Махасена (IV ст. по Р. Х.), тотъ самый который воздвигъ гоненіе на монаховъ Махавихары; онъ выстроилъ этотъ гигантскій памятникъ въ

саду Жоти, принадлежавшемъ Махавихарѣ и имъ же отнятомъ отъ монастыря. Ступа имѣла четверо вратъ или двара мандапа. Ея внѣшняя терраса была выложена гранитными плитами. У вратъ стоятъ два рѣзныхъ изображенія Бхаиравы, каковыя изображенія не встрѣчаются около другихъ ступъ. По террассѣ разставлено нѣсколько алтарей разной формы, круглыхъ и квадратныхъ. Кругомъ въ лѣсу валяется нѣсколько осколковъ какихъ-то статуй: монахъ, сопутствовавшій мнѣ къ Жетаванской ступѣ, указывалъ *ноги* царя Махасены и станъ его царицы. Жетаванская ступа имѣетъ въ поперечникѣ триста шестьдесятъ футовъ, а въ вышину двѣсти сорокъ девять футовъ. По разсчету сэра Е. Теннента, для того, чтобы сложить эту массу кирпичей, при современныхъ усовершенствованіяхъ строительнаго искусства, нужно имѣть пятьсотъ рабочихъ, въ продолженіи шести или семи лѣтъ и истратить около милліона фунтовъ стерлинговъ. Въ этой ступѣ собрано столько матерьялу, сколько потребовалось бы для построенія стѣны въ одинъ футъ толщины и десяти футовъ въ вышину, отъ Лондона до Эдинбурга.

Кромѣ тѣхъ святынь о которыхъ было говорено выше, въ разныхъ мѣстахъ анурадхапурскихъ окрестностей разсѣяны развалины особаго рода построекъ, различной величины, но сходныхъ какъ по плану, такъ и по орнаментаціи. Назначеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ построекъ загадочно; другія, судя по окружнымъ развалинамъ, должны были быть мѣстами жилыми, можетъ быть дворцами, за таковые ихъ считаетъ мѣстное преданіе. Самая значительная изъ таковыхъ развалинъ находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Жетаванской ступы, на юго-западъ.

Отъ озера Буланкуламъ къ этимъ развалинамъ ведетъ тропинка лѣсомъ, слѣдуя по ней въ сѣверо-восточномъ направленіи, проходишь мимо другихъ мелкихъ развалинъ: два грота

или пещеры монаховъ, фундаментъ какой-то постройки. Монахъ, шедшій со мною назвалъ пещеры: Намгуттхаванка паривена, т. е. кельями кривыми въ хвостѣ. Но дальнѣйшихъ объясненій этого страннаго названія онъ не могъ дать; вторую развалину онъ назвалъ домомъ Ратанапалы, неизвѣстно когда жившаго монаха.

Въ одномъ мѣстѣ по той же дорогѣ стоитъ громадная фигура Будды, еще далѣе проходишь мимо ряда столбовъ. Затѣмъ начинаются развалины, названныя монахомъ дворцемъ царя Махасены, того самого, который выстроилъ Жетаванскую ступу и разрушилъ Махавихарскій монастырь.

Развалины эти состоятъ изъ трехъ павильоновъ и *хаттхисала*, конюшни слоновъ. Изъ павильоновъ средній самый большой; по обѣимъ сторонамъ находятся павильоны поменьше; всѣ три выстроены по одному образцу: восемь ступеней ведутъ на платформу, окруженную рядомъ колоннъ. Ступени покрыты изысканною рѣзною орнаментаціею; фигура карлика Кибиссо—раздѣляетъ каждую ступень на двѣ панели, края ступень украшены гирляндою листьевъ. Перила изукрашены рѣзными изображеніями львовъ и макара, т. е. морскаго чудовища. У входа съ обѣихъ сторонъ стоятъ два изображенія жадатхаровъ, т. е. фигуръ съ змѣиными хоботами на головѣ. Передъ лѣстницею лежитъ гранитный полукругъ, извѣстный у мѣстныхъ англичанъ подъ именемъ moon-stone. Такихъ полукруговъ въ Анурадхапурѣ многое множество, они попадаются въ Полланаруѣ и даже около Бинтенны; но самые изящные по рисунку и выполненію полукруги сохранились въ Анурадхапурѣ; здѣсь безъ нихъ не обходилась ни одна лѣстница. Полукруги эти встрѣчаются различной величины; сообразно съ длиною ступень, передъ которыми они находятся. Рисунокъ вырѣзанный на нихъ очень красивъ: внутри полукольца разнообразной орнаментаціи изображены: слонъ, левъ, конь и

быкъ; слѣдующее полукольцо состоитъ изъ пестрой орнаментовки, затѣмъ рядъ птицъ, отдѣляющійся отъ центра полукольцемъ изъ цвѣтовъ лотуса. Въ центрѣ находится дискъ, окруженный листьями лотуса. Хаттхисала состоитъ изъ нѣсколькихъ громадныхъ монолитовъ, къ которымъ привязывались слоны. Рядомъ съ этими столбами показываютъ два *поила* или корыта выдобленныя изъ гранита; большое изъ нихъ имѣетъ въ длину 63 фута, второе значительно меньше.

Подобныя же развалины сохранились по дорогѣ въ Арипно, въ разстояніи около двухъ съ половиною миль отъ Rest-hous'а къ западу. Развалины эти также точно расположены въ глухомъ и малопосѣщаемомъ лѣсу, и сохранились гораздо лучше сейчасъ упомянутыхъ. Въ этомъ мѣстѣ павильонъ былъ обнесенъ кругомъ стѣнами, внутрь которыхъ вели ворота или двара-мандапа. Двара-мандапа состояла изъ осьми столбовъ, по четыре столба съ двухъ сторонъ; съ каждой стороны четыре столба размѣщены были въ квадратѣ: каждые два соединены перекладиною, а на перекладинахъ лежали гранитные плиты. Такимъ образомъ на дворъ были три входа, одинъ срединный, болѣе широкій, и два узкихъ входа по обѣимъ его сторонамъ между двухъ колоннъ справа и съ лѣва.

На дворѣ возвышался самый павильонъ, отъ котораго осталась теперь возвышенная платформа съ нѣсколькими колоннами. Павильонъ состоялъ изъ двухъ залъ одинаковой величины; между ними шелъ корридоръ, отмѣченный нынѣ двумя столбами; первоначально же ихъ было четыре, по два съ каждой стороны. Весь павильонъ и корридоръ былъ вымощенъ громадными гранитными плитами. Лѣстница, ведшая въ павильонъ, была построена и орнаментирована въ томъ же стилѣ, какъ и въ такъ называемомъ дворцѣ Махасены.

Въ оградѣ, кромѣ еще одного павильона меньшихъ размѣровъ, находился искусственный бассейнъ: сохранилась лѣст-

ница, по которой спускались къ уровню воды, а на одномъ уровнѣ съ павильономъ, въ наружной стѣнѣ, окружавшей дворъ сохранился искусственный гротъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ этихъ развалинъ въ окружномъ лѣсу разсѣяно нѣсколько совершенно подобныхъ павильоновъ или платформъ съ колонами; орнаментировка въ нихъ также роскошна и изобильна: тонкая же разнообразная рѣзьба на перилахъ, колоннахъ и карнизахъ; всюду, кругомъ. виднѣются изящныя очертанія цвѣтовъ, коней, слоновъ, фламинговъ, и т. д. У каждаго павильона былъ искусственный прудъ.

По мѣстному преданію павильоны эти суть остатки дворцевъ. Разсказываютъ, что царь Гамини, построившій Золотую ступу, выстроилъ у четырехъ воротъ города, по дворцу для своего любимаго сына Сали. Принцъ Сали, также, какъ и его отецъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ цейлонскаго древняго эпоса.

Съ однимъ изъ его дворцовъ соединена легенда о такомъ происшествіи: однажды, на охотѣ царевичъ встрѣтилъ дѣвушку низшей касты. Она явилась ему среди самой поэтической обстановки, въ чащѣ деревъ, среди цвѣтовъ. Пораженный ея красотою, Сали остановился, недоумѣвая о томъ, кто это, видѣніе или живое существо? Звучными стихами воспѣлъ какой-то неизвѣстный поэтъ эту встрѣчу; царевичъ говоритъ: богиня ты? или смертная? Откуда ты явилась? и кто ты? И затѣмъ потокомъ полились восточныя метафоры, описывающія ея красоту. Дѣвушка, однакоже, знала, что видитъ предъ собою царевича, и въ отвѣтъ на его восторженную рѣчь скромно объявила, что она принадлежитъ къ кастѣ чандаловъ, къ одной изъ самыхъ низшихъ кастъ, которой въ городѣ былъ отведенъ отдѣльный кварталъ для жизни. Но обаяніе ея красоты было такъ сильно, что, несмотря на это признаніе, царевичъ тутъ же рѣшился жениться на ней. „Не покинетъ

человѣкъ,—говоритъ онъ,—дорогого перла, хотя бы и найденнаго въ грязи! Прекрасную дѣву, съ рѣчью пріятною, бери даже изъ низшей семьи!“ Но не такъ смотрѣлъ на это царь и весь городъ съ нимъ. Какъ только вѣсть о похожденіи царевича пронеслась по городу и дошла до царя, произошелъ скандалъ. Ни увѣщанія, ни угрозы, ничто не помогло, царевичъ настоялъ на своемъ, женился на дочери чандала. Долго и счастливо онъ жилъ съ нею, владѣя дворцами и творя добрыя дѣла.

5.

Кромѣ монастыря св. Древа къ югу отъ Rest-hous'a находятся слѣдующія значительнѣйшія развалины: 1) мѣдный дворецъ, 2) монастырь Вессагири, 3) храмъ Иссараманако, 4) Маричхаваттійская ступа и 5) гробъ Елалы.

За исключеніемъ Мѣднаго дворца, находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ Rest-hous'a, остальныя развалины лежатъ въ нѣкоторомъ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи оттуда; вблизи же въ какую сторону не пойдешь, непремѣнно найдешь какой нибудь остатокъ древняго города: высохшія бассейны, фундаменты загадочныхъ зданій, колонны, крыльца и т. д.

Мѣдный дворецъ былъ первоначально выстроенъ въ концѣ IV ст. до Р. X.; во II ст. до Р. X. царь Гамини расширилъ и увеличилъ его: описаніе его сохранилось въ Махавансѣ.

Зданіе это было одинаковыхъ размѣровъ въ длину, ширину и высоту; двѣсти двадцать пять футовъ считалось во всѣ стороны. Высота дѣлилась на десять этажей.

Въ каждомъ этажѣ было по сту покоевъ и во всемъ дворцѣ было до тысячи спаленъ. Въ срединѣ дворца находился павильонъ поддерживаемый золотыми колоннами съ изображеніями львовъ, другихъ звѣрей и боговъ; вокругъ колоннъ фестонами висѣли нитки жемчуга, а по срединѣ стоялъ тронъ изъ сло-

новой кости, украшенный золотыми и серебряными изображеніями солнца, луны и звѣздъ; на тронѣ положенъ былъ вѣеръ изъ слоновой кости, а на подножной скамьѣ жемчугомъ расшитыя туфли. Бѣлый зонтикъ высился надъ трономъ. Въ покояхъ находились другія ложа и сѣдалища, по полу были разосланы драгоцѣнныя ткани.

Дворецъ былъ обитъ мѣдными листами, отчего и сталъ называться *мѣднымъ*. Выстроенъ онъ былъ для монаховъ Махавихары или монастыря св. Древа; монахи жили по всѣмъ этажамъ: въ нижнемъ помѣщались наименѣе святые и неученые; во второмъ этажѣ жили тѣ, которые изучили все св. писаніе; въ остальныхъ этажахъ отличавшіеся особенно святостью жизни, и при томъ въ четырехъ послѣднихъ могли жить только арханы, т. е. монахи достигшіе конечной степени святости. При слѣдующемъ царѣ зданіе превратилось въ семиэтажное; въ I столѣтіи до Р. Х. около Мѣднаго дворца по словамъ хроники были выстроены тридцать два различныхъ зданія. Въ III ст. по Р. Х. Мѣдный дворецъ былъ только пяти этажей; но въ томъ же столѣтіи его перестроили и надстроили еще два этажа. Въ этомъ столѣтіи здѣсь во владѣніи у монаховъ находилась жемчужина необыкновенно высокой цѣны. Въ концѣ III ст. Мѣдный дворецъ былъ разрушенъ и хотя въ началѣ слѣдующаго столѣтія опять былъ возобновленъ, но уже въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшимъ блескомъ.

Отъ Мѣднаго дворца въ настоящее время сохранилось тысяча шестьсотъ столбовъ; они четырехгранные, выточены изъ гранита и имѣютъ въ вышину около 12 ф.; разстояніе между каждыми двумя столбами около 6 ф., они покрываютъ пространство имѣющее въ каждой изъ четырехъ сторонъ отъ 250 до 260 ф. Вся масса этихъ столбовъ вѣроятно имѣла назначеніе поддерживать много-этажное зданіе.

Говорятъ, по сіе время иногда монахи Великаго монастыря свершаютъ здѣсь, среди столбовъ бывшаго Мѣднаго дворца, упошатху или обрядъ всеобщей исповѣди. Я этого не видѣлъ, такъ какъ въ мое время въ Великомъ монастырѣ было только два монаха.

Развалины монастыря Вессагири и храма Иссарасаманако лежатъ къ Ю.-В. отъ Rest-hous'а въ сторонѣ отъ Курунегальской дорогѣ въ лѣсной чащѣ.

Монастырь Вессагири по словамъ цейлонской хроники былъ выстроенъ еще въ III ст. до Р. Х. Объ его исторіи намъ ничего неизвѣстно и монастырь въ настоящее время любопытенъ по сохранившимся на скалахъ надписямъ. Всѣ надписи безъ датъ, но писаны древнѣйшею индійскою азбукою.

Пройдя нѣсколько болѣе мили по дорогѣ въ Курунегалу и свернувъ налѣво, подходишь къ гранитнымъ скаламъ. Три громадныя скалы стоятъ рядомъ, четвертая нѣсколько выступя. Подъ каждою скалою, съ востока и запада находятся естественныя пещеры; скалы представляютъ нѣкоторый навѣсъ, подъ которымъ легко укрыться отъ дождя. Но естественныя пещеры вѣроятно были обращены въ искуственныя постройки. Теперь Вессагири—глухое мѣсто; кругомъ тянется мелкій лѣсъ. Дичь страшная, и подъ вечеръ здѣсь раздается неумолкаемый лай обезьянъ. Съ востока былъ главный ходъ, ибо тутъ видны, на землѣ, изъ гранита высѣченныя притолки двери, ступени, нѣсколько колоннъ и пр. Все это просто, безъ всякихъ рѣзныхъ украшеній, тогда какъ въ теперешнемъ городѣ, Анурадхапурѣ, на всѣхъ остаткахъ зданія видны украшенія въ изобиліи. Здѣсь около семи надписей, онѣ сохранили намъ имена строителей гротовъ. Естественный гротъ или былъ обращенъ въ домъ посредствомъ наружной кирпичной стѣны, нынѣ погибшей, или же, что еще болѣе вѣроятно, гротъ не имѣлъ четвертой стѣны. Скромная келейка, съ тремя стѣнами и

крышею, укрывала монаха отъ дождя и вѣтра. Здѣсь онъ могъ предаваться изученію писанія или созерцанію. Не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ большей части случаевъ, изъ гротовъ открывается широкій видъ на окрестности кругомъ; а на Цейлонѣ, всюду міръ Божій прекрасенъ. У монаховъ, какъ будто, въ сильной степени было развито чувство красоты природы. Они выбирали для своихъ монастырей мѣста уединенныя, на горахъ, устроивали кельи подъ навѣсомъ скалъ; отсюда, въ тиши, предъ ними раскрывались во всей роскоши картины тропической природы. Укрытые отъ полуденнаго зноя въ прохладной внутренности пещеры, они могли видѣть на мили кругомъ во всѣ стороны разнообразные пейзажи, одинъ прекраснѣе другого. Удивительно, что среди такой обстановки на Цейлонѣ не развилась описательная поэзія. Образцы здѣшней описательной поэзіи или не оригинальны, слабыя подражанія санскритскимъ произведеніямъ, или полны риторическихъ, условныхъ, утомительныхъ и совершенно ложныхъ выраженій.

Исарасаманако былъ выстроенъ одновременно съ монастыремъ Вессагири; его исторія и окончательное разрушеніе также неизвѣстны; храмъ этотъ особенно любопытенъ тѣми барельефами, которые покрываютъ стѣны ведущихъ къ нему террасъ. Храмъ высѣченъ въ скалѣ. Главный фасадъ и входъ въ храмъ обращены на востокъ; съ противуположной стороны скалы эти совершенно голы.

Остатки значительныхъ построекъ видны кругомъ въ лѣсу и по обѣимъ сторонамъ дороги идущей къ храму. Самый храмъ былъ обнесенъ кирпичною стѣною.

Высокая, но пологая лѣстница вела къ храму: шесть ступеней къ первой террассѣ, пять ко второй и семь къ третьей и послѣдней, съ которой былъ входъ въ искусственную пещеру, гдѣ находится сидящая фигура Будды, погружен-

наго въ созерцаніе. Притолки двери орнаментированы; особенно любопытно надъ дверью, въ медальонѣ изображеніе Будды между двухъ слоновъ съ поднятыми хоботами. Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать легенды о крещеніи Будды. Передъ дверью сохранилось по четыре колонны съ двухъ сторонъ.

Весь наружный фасадъ былъ покрытъ барельефами довольно грубой работы. Содержаніемъ многихъ изъ этихъ барельефовъ послужили различные моменты жизни Будды, такъ напр. на второй террасѣ съ лѣва изображены пять фигуръ: одна мужеская и четыре женскихъ. Здѣсь быть можетъ артистъ желалъ представить царевича Сакьясинху, будущаго Будду, забавляющимся въ домѣ отца, съ своими женами. На право отъ двери въ храмъ изображенъ человѣкъ въ шлемѣ съ конемъ. Тутъ мы видимъ того же царевича, но уже собирающагося покинуть отчій домъ.

Всѣ три террассы были обнесены каменными оградами, на которыхъ также кое-гдѣ сохранились барельефы. На первой террассѣ, на право, былъ прудъ; остальныя террассы были выложены гранитными плитами. Лѣстница была орнаментирована въ томъ же стилѣ, въ какомъ разукрашались всѣ мѣстности въ древнихъ памятникахъ Анурадхапуры: на ступеняхъ видны тѣ же карлики, на перилахъ морскія чудовища, по обѣимъ сторонамъ тѣже змѣи-юноши, а передъ входомъ лежитъ полукругъ или лунный камень, о которомъ говорено было выше. Рѣзьба на всемъ этомъ здѣсь однакоже не такъ отчетлива, какъ въ другихъ памятникахъ.

Маричхаватейская ступа и могила Елалы находятся къ югозападу отъ Rest-hous'a. Построеніе обоихъ памятниковъ относится ко времени царя Гамини, о которомъ уже было говорено нѣсколько разъ. На могилѣ Елалы ничего не осталось; это не болѣе какъ высокій курганъ, весь обросшій ку-

старниками. Быть можетъ первоначально на этомъ мѣстѣ стояла ступа; но теперь она обвалилась и разрушилась окончательно; взбираться на самую вершину не представляетъ никакой трудности. Въ недалекомъ разстояніи отсюда стоитъ высокая колонна, отмѣчающая то мѣсто, гдѣ палъ Елала.

Маричхаватіеская ступа воздвигнута тѣмъ же царемъ по одержаніи побѣды надъ Малабарцами и по изгнаніи ихъ изъ Цейлона. Елала былъ морской завоеватель, но въ народѣ, не смотря на это и не смотря также на его войны съ популярнымъ царемъ Гамини, о немъ сохранилась самая лучшая память; въ цейлонской хроникѣ записаны разсказы объ его мудрости и великодушіи.

Гамини воздвигъ павшему въ бою врагу памятникъ и отмѣтилъ колонною то мѣсто, гдѣ въ послѣдней битвѣ они оба сошлись на поединкѣ. Мимо этой могилы никто, въ старые годы, не смѣлъ ѣздить верхомъ; всякій проѣзжающій мимо или долженъ былъ спѣшиваться или выходить изъ паланкина. Обычай твердо соблюдался до послѣдняго времени. Разсказываютъ, что въ 1818 г., по усмиреніи англичанами Кандійскаго возстанія, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ Пиламе-Талаве бѣжалъ въ Анурадхапуру и когда добрался до могилы Елалы, то вышелъ изъ паланкина и не смотря на усталость пошелъ пѣшкомъ. Въ Анурадхапурѣ Англичане его схватили и сослали на Иль-де-Франсъ.

Маричхаватійская ступа, въ настоящее время, совершенно разрушена и сильно поросла лѣсомъ. Она была обнесена стѣною, остатки которой видны на востокѣ; внутри этой ограды были какія-то зданія, судя по сохранившимся крыльцамъ; кругомъ совершенно обвалившагося купола видны алтари и лежатъ колонны; куполъ былъ обнесенъ террассою вымощенною плитами, которыя еще уцѣлѣли.

По дорогѣ къ ступѣ проходишь мимо искуственныхъ пе-

щеръ и другихъ остатковъ неизвѣстныхъ зданій, окруженныхъ небольшими, нынѣ совершенно высохшими бассейнами.

Не малую красу древней Анурадхапуры должны были составлять искусственныя озера; въ древности ихъ было гораздо больше—нежели теперь и тѣ, которыя сохранились до нашихъ дней нѣсколько запущены. Климатъ Анарадхапуры нездоровъ именно въ слѣдствіе недостатка воды; но нѣкоторыя озера, какъ напр. Тиссавева или Буланкуламъ, до сихъ поръ еще значительны и поражаютъ своею красою. Оба озера также какъ и всѣ прочія, лежатъ въ сторонѣ отъ теперешняко новаго мѣстечка Анурадхадуры, которое само по себѣ можетъ считаться однимъ изъ скучнѣйшихъ и неопрятнѣйшихъ мѣстъ на землѣ.

6.

На востокъ отъ Анурадхапуры въ восьми миляхъ находится мѣстечко Мехинтале; оно расположено въ недалекомъ разстояніи отъ одинокаго холма имѣющаго въ высоту около тысячи футовъ.

Холмъ назывался въ древности Миссаканаббато, т. е. городъ Миссака, или Четіјопаббато, т. е. горою Четіјо. Здѣсь, на вершинѣ этого холма былъ обращенъ въ буддизмъ первый цейлонскій царь Деванамъ-Пія-Тисса и здѣсь-же жилъ и умеръ св. Махинда, возбудившій буддизмъ на Цейлонѣ. На вершинѣ холма были зарыты мощи и весь холмъ отъ подошвы до вершины былъ обращенъ въ одинъ храмъ.

Утромъ 6 октября 1874 года я пріѣхалъ въ Мехинтале Переѣздъ изъ Анурадхапуры сюда не дологъ, но и не особенно пріятенъ; во всю дорогу ѣдешь сплошнымъ мелколѣсьемъ; сушь стояла въ этотъ годъ необыкновенная; недостатокъ воды, ощутительный уже въ Анурадхапурѣ, здѣсь въ осьми миляхъ на востокъ давалъ себя чувствовать пренепріятно. За водою

приходилось посылать куда-то мили за полторы, къ какому-то не совсѣмъ пересохшему источнику. И воду эту нельзя было пить, она была непріятна на вкусъ и черна цвѣтомъ. Приносили ее при томъ въ такомъ маломъ количествѣ, что о купаніи нельзя было помышлять.

Rest-house помѣщался въ грязной, полуразвалившейся хижинѣ, по стѣнамъ которой днемъ ползали ящерицы, а подъ вечеръ порхали летучія мыши. Подъ этимъ обвалившимся кровомъ—гостепріимномъ для ползущихъ и летающихъ—не было никакой мебели и никакой посуды; но за постой взималась изрядная плата, хотя и не такая высокая, какъ въ Анурапхадурѣ. Тамъ въ Rest-hous'ѣ взималась плата за постой, около пяти шиллинговъ въ день и какая-то малость за *bedding*, хотя въ Rest-hous'ѣ постелей не было и стояли полуразломанныя кровати съ дырявыми пологами для защиты отъ москитовъ, которые однакоже давно разгадали, что пологъ своего назначенія не исполняетъ, безпрепятственно влетали миріадами и во всю ночь жужжали и носились надъ головою утомленнаго путешественника, обреченнаго отдыхать на казенной кровати. Британскій чиновникъ, заведшій лондонскія цѣны въ цейлонской глуши, въ отвѣтъ на ропотъ обыкновенно указывалъ на дорогой обѣденный сервизъ, заведенный имъ въ анурадхапурскомъ Rest-hous'ѣ. Кромѣ куръ и рису здѣсь ничего нельзя было достать, но то и другое подавалось на великолѣпныхъ тарелкахъ и блюдахъ; грязную воду наливали въ граненые графины. Если вамъ не нравился цвѣтъ или запахъ воды вы могли перемѣнить воду на Бассовъ эль, заплативъ за бутылку такую цѣну, каковая даже въ С.-Петербургѣ показалось-бы нѣсколько высокою. Многихъ можетъ быть займетъ вопросъ, зачѣмъ эль, граненыя графины и роскошный сервизъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подъ-часъ нечѣмъ

умыться?—Британскій чиновникъ заводившій упомянутые порядки не давалъ отвѣта на таковой вопросъ.

Въ Мехинталѣ не было даже и того, за что въ Анурадхапурѣ взимали дорогую цѣну: мѣстечко еще глуше, несчастнѣе и заброшеннѣе нежели Анурадхапура.

Сингалезцевъ здѣсь очень мало, и почти все населеніе состоитъ изъ Тамильцевъ.

Самое примѣчательное мѣсто въ окрестностяхъ мѣстечка есть та гора-храмъ, на вершинѣ которой стоитъ амбустелская ступа.

По цейлонскому преданію подъ этою ступою были зарыты часть костей Будды и его чаша. Весь сѣверный склонъ холма раздѣленъ на три террасы, обстроенъ кельями, часовнями, и такимъ образомъ обращенъ въ громадный храмъ вокругъ святыни.

Изъ гранита высѣченныя ступени начинаются отъ самой подошвы холма и ведутъ съ террасы на террасу до самой вершины. Первоначальное число ступень весьма трудно опредѣлить въ настоящее время; по словамъ монаховъ, живущихъ на вершинѣ горы, ихъ около двухъ тысячъ по нынѣ, онѣ были высѣчены изъ гранита и имѣютъ въ длину пятнадцать футовъ. Время и дожди совершенно расшатали ихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гора представляется какъ бы вымощенною гранитными плитами. Такова особенно часть между первою и срединною террассою, откуда на лѣво узенькая тропинка, на краю глубокаго обрыва, заросшаго густымъ лѣсомъ ведетъ къ ротамъ. Первая пещера принадлежала какому-то подвижнику Тиссѣ. Рядомъ еще двѣ пещеры, на которыхъ также сохранились надписи. Радъ широкихъ ступеней ведетъ со второй террассы на третью; отсюда своротивъ налѣво и пройдя десятка два шаговъ, мимо большой надписи царя Гамини Абхаіа, вырѣзанной на гладкой поверхности гранитной скалы,

достигаешь мелкихъ ступеней, ведущихъ на площадку или дворъ, гдѣ стоитъ ступа Амбаттхала.

На дворъ ступы входишь чрезъ крытыя ворота или двара-мандапа). Ворота эти новой постройки и замѣнили болѣе древніе, отъ которыхъ въ недалекомъ разстояніи сохранилось нѣсколько колоннъ. Дворъ былъ обнесенъ каменною стѣною; нѣсколько высокихъ кокосовъ растутъ вокругъ ступы и по двору.

Самая ступа по формѣ и по расположенію колоннъ вокругъ нея напоминаетъ Тхупарамскую. Колонны расположены кругомъ купола въ два ряда, вмѣсто же третьяго ряда (какъ въ Тхупарамской), находится низенькая оградка.

На В. отъ ступы на небольшомъ дворикѣ находится нѣсколько новѣйшихъ келій, гдѣ живутъ человѣкъ пять-шесть монаховъ. За этимъ дворикомъ есть еще второй, съ котораго узенькая тропинка на В. ведетъ къ двумъ пещерамъ. Спустившись нѣсколько ниже, достигаешь небольшой пещеры, извѣстной у монаховъ подъ именемъ пещеры Махинды. По ихъ разсказамъ святой удалялся сюда во время дневного зноя. Небольшая пещера, образована нависшею скалою на краю обрыва; взбираться въ нее можно по лѣсенкѣ, приставленной къ совершенно отвѣсной скалѣ.

Съ того двора, гдѣ стоитъ амбустелская ступа рядъ мелкихъ ступеней, высѣченныхъ въ горѣ ведетъ къ ступѣ Махасаіа. На этой возвышенной площадкѣ находятся двѣ ступы: одна поменьше, совершенно разрушена, другая обнесенная кирпичною оградою вполнѣ сохранилась и называется ступою Махасаіа. Ступа эта и находящаяся вблизи часовня не представляютъ ничего любопытнаго. Въ часовнѣ, кромѣ сидящей фигуры Будды есть статуи двухъ боговъ: Самана и Вишну; стѣны покрыты новою живописью: фигуры Будды смѣняются различными сценами изъ его перерожденій.

Видъ съ этой вершины одинъ изъ лучшихъ на всемъ Цейлонѣ: во всѣ стороны растилается необъятное пространство мелколѣсья, на западѣ виднѣются озера Мехинталевева, Нуваравева, колоссальныя ступы Анурадхапуры: особенно ясно выступаетъ на горизонтѣ Жетаванская ступа и озеро Буланкуламъ.

Ширина открывающейся здѣсь перспективы и грандіозность развалинъ, видимыхъ отсюда, поразительны: на картину можно залюбоваться и засмотрѣться до забвенія зноя.

Южный склонъ горы обрывистъ и онъ какъ кажется никогда не былъ застроенъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время нигдѣ съ этой стороны не замѣтно остатковъ какихъ-либо построекъ. За то на сѣверной сторонѣ, на каждой террасѣ найдешь признаки когда-то бывшихъ здѣсь различныхъ зданій. Здѣсь были вырыты бассейны, какъ напр. Нагапокуна, съ головою змѣя, вырѣзаннаго на скалѣ, или бассейнъ извѣстный подъ именемъ ванны св. Махинды, куда вода была проведена изъ Нагапокуна; стояли различныя часовни, статуи, напр. царя Деванамъ-Пія-Тиссы, осколки которой—голова и туловище—лежатъ около ступы Амбаттхала; въ настоящее время отъ всего этого осталось впрочемъ не много; и это не многое не совершенно еще разгадано, не опредѣлено и хорошенько не приведено въ извѣстность.

Ко многимъ древностямъ и развалинамъ, разсѣяннымъ въ окружныхъ лѣсахъ никто изъ европейцевъ вѣроятно еще и не пробирался. И монахи, и всѣ вообще туземцы не понимаютъ всей цѣны этихъ развалинъ. Простой народъ боится пещеръ, которыхъ около Мехиктале довольно много; сохранившіяся на нихъ надписи ясно разсказываютъ, кто ихъ строилъ, и для кого они назначены были; то были кельи монаховъ. Но, за исключеніемъ двухъ-трехъ, на всемъ островѣ монахи не умѣютъ читать этихъ надписей и эти мрачныя

гроты, расположенные большею частью въ непроходимомъ лѣсу, въ глуши понимаются народомъ какъ обиталища демоновъ, которымъ и приносятся жертвы.

Слѣды этихъ жертвоприношеній я видѣлъ около Мехинтале, у горы Ражагири, гдѣ нѣсколько пещеръ, и гдѣ несомнѣнно существовалъ когда-то монастырь.

Въ одной изъ пещеръ стоялъ грубо сложенный изъ кирпичей алтарь, на немъ лежало нѣсколько разбитыхъ кокосовъ, а по стѣнамъ виднѣлась копоть; по этимъ признакамъ можно было догадаться, что здѣсь приносилась жертва какому-нибудь Яккху.

Около Мехинтале есть еще нѣсколько примѣчательныхъ мѣстъ и развалинъ (Кадилія покупа, сейчасъ упомянутыя пещеры и развалины у горы Ражагири); есть нѣсколько ступъ, какъ напр. Села-четія, Етвихаре; ступы не велики и послѣ Анурадхапурскихъ не покажутся оригинальными или чѣмъ либо любопытными.

Орнаментовка здѣсь была гораздо проще и не въ такомъ обиліи какъ въ Анурадхапурѣ. Весьма часто, вмѣсто змѣй-юношей, у дверей выставлены плиты, на которыхъ вырѣзаны изображенія вазъ съ цвѣтами.

7.

Побывавъ въ Дунамале-кандѣ и, осмотрѣвъ тамъ буддійскій храмъ въ пещерѣ, я отправился въ Полланарруа или древній Пуластипуръ.

Изъ Махинтале я выѣхалъ въ Мараденкадавала и оттуда черезъ Хабарана въ Минери. Во всю дорогу мы ѣхали лѣсомъ и за исключеніемъ рѣдкихъ прохожихъ никого не встрѣчали.

Дорога пролегала по мѣстамъ наиболѣе глухимъ на островѣ и была необыкновенно дурна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее трудно различить, особенно подвечеръ; весьма часто случалось,

что часовъ около шести вечера, утомленные дневнымъ переѣздомъ быки сбивались съ настоящей дороги; тогда погоньщикъ зажигалъ фонарь и отправлялся самъ отыскивать въ лѣсу проѣздъ.

Къ озеру Минери мы подъѣхали съ запада и отсюда видъ озера не поражаетъ особенною красотою. Здѣсь берега его покрыты высокою, но сухою травою, и по нимъ паслись многочисленныя стада буйволовъ и быковъ. Озеро имѣетъ въ окружности около двадцати миль; оно было сооружено въ III ст. по Р. Х. царемъ Махасеною, память котораго очень ненавистна монахамъ Великаго монастыря въ Анурадхапурѣ, но около озера, Махасену чтутъ какъ бога или демона (яккхо). Ему воздвигнуть храмъ, гдѣ приносятся жертвы „*Господину озера*". (Минерія Свами).

Обогнувъ озеро съ запада мы направились отыскивать Rest-house, который долженъ былъ быть гдѣ-то въ недалекомъ разстояніи отсюда. Долго мы блуждали по берегу озера и наконецъ попали на тропинку, приведшую насъ въ дремучій лѣсъ.

Совершенно стемнѣло, начиналъ накрапывать дождь, вдали слышались раскаты грома и блистала молнія; мы двигались впередъ, въ надеждѣ наконецъ увидѣть Rest-house. Лѣсу казалось конца не будетъ и чѣмъ дальше тѣмъ глуше онъ становился, тропинка все болѣе и болѣе съуживалась и шла какими-то кочками. Безпрестанно банди цѣплялась своимъ верьхомъ за сучья и ежеминутно пыталась опрокинуться. По временамъ погоньщикъ начиналъ выкрикивать, но кромѣ своего эхо онъ не слышалъ другаго отвѣта. Мы ѣхали очевидно пустынною страною и не къ жилью, а въ глушь и въ даль отъ всякаго обитаемаго мѣста.

Наконецъ быки дотащились до какой-то живой изгороди. Ѣхать дальше, не смотря ни на какое сильное желаніе не

было возможности. Погоньщикъ очень хорошо это понималъ. Вѣроятно и прежде онъ уже зналъ, что рано или поздно мы должны будемъ дотащиться до какого нибудь подобнаго препятствія и пожалуй былъ не прочь переночевать въ лѣсу, у этой же самой изгороди. Тѣмъ не менѣе онъ слѣзъ и началъ кричать, давая знать о заблудившихся путешественникахъ.

Долго и неумолкаемо онъ кричалъ; отвѣту не было; и лѣсъ отзывался только эхомъ; ни единый звѣрь не подавалъ голоса и кромѣ жужжанія какихъ-то насѣкомыхъ ничего не было слышно.

Такъ прошло довольно продолжительное время. Погоньщикъ не уставалъ кричать. Вдругъ, гдѣ-то очень далеко послышалось отвѣтное ауканіе; оно стало мало по малу приближаться и мы услышали шлепаніе человѣческихъ шаговъ. Спасеніе приблизилось и начались переговоры.

— Кто тутъ? спрашивалъ голосъ изъ-за-изгороди.

— Махатмья! (т. е. господинъ, то-же что въ Индіи-сахабъ; но буквально это слово значитъ: великодушный) отвѣчалъ мой погоньщикъ.

— На конѣ? допрашивалъ голосъ.

— Нѣтъ, въ банди (иначе на быкахъ).

Голосъ услышавъ, что коня нѣтъ, почувствовалъ меньшее уваженіе къ Махатемьѣ, но впрочемъ вскорѣ-же согласился добыть огня и проводить насъ до Rest-hous'a.

Прошло еще полчаса, и предъ нами предсталъ юный Кули съ факеломъ.

Мы повернули назадъ и при свѣтѣ факела добрались черезъ часъ времени до такъ называемаго Rest-hous'a въ Минери. То былъ не болѣе какъ шалашъ, въ которомъ нельзя было даже хорошо укрыться отъ дождя.

На другой день утромъ дождь перересталъ; побродивъ въ

окрестностяхъ и посмотрѣвъ на запертыя двери храма посвященнаго Демону Озера Минери, я отправился далѣе.

Дорога опять шла лѣсомъ и также дурна какъ и та, которую мы проѣхали наканунѣ; послѣ дождя, шедшаго всю ночь, всѣ рѣчонки наполнились водою и намъ безпрестанно приходилось проѣзжать въ бродъ. Часа черезъ два мы проѣхали мимо озера Гиреталле; оно хотя меньше Минери, но гораздо красивѣе послѣдняго; послѣ ночнаго дождя холмы и луга вокругъ него зеленѣли; и при освѣщеніи полуденнымъ солнцемъ — видъ гладкой водяной поверхности производилъ сильное и очень пріятное впечатлѣніе.

До Топаре мы добрались въ этотъ день за-свѣтло. Здѣсь мы нашли Rest-house: такую же хижину, какъ и у озера Минери, только большихъ размѣровъ. Шалашъ стоялъ на берегу озера Топавевы. Въ октябрѣ 1874 г. въ озерѣ не было ни капли воды. Мнѣ разсказывали, что въ этомъ мѣстѣ три года не было дождя.

Вмѣсто гладкой поверхности воды предъ глазами тянулось заросшее травою дно пруда; на западѣ виднѣлись зеленѣющіе холмы. Отсутствіе воды въ прудѣ и полный недостатокъ дождя привели населеніе сосѣднихъ деревенекъ въ нищенство. Три года, какъ они не засѣваютъ своихъ полей.

Глушь здѣсь еще большая нежели въ Анурадхапурѣ. Около полуночи и предъ разсвѣтомъ окружный лѣсъ начинаетъ оживать и со всѣхъ сторонъ слышатся разнообразные звѣриные голоса; то вой шакала, то ревъ медвѣдя. Шакаловъ, обезьянъ и зайцевъ въ средневѣковой столицѣ Цейлона массы.

Развалины Полланарруы расположены вдоль берега нынѣ высохшаго озера Тупавевы: они начинаются въ не далекомъ разстояніи отъ Rest-hous'а и тянутся почти по прямой линіи съ юга на сѣверъ, мили на двѣ.

Стиль построекъ, характеръ и рисунокъ орнаментовки въ

въ Полланарруѣ совершенно отличны отъ анурадхапурскихъ. Полланарруа сдѣлалась столицею Цейлона въ VIII ст. по Р. X. Съ этого столѣтія начали сооружать здѣсь пруды, строить дворцы, воздвигать ступы и храмы; самымъ блестящимъ періодомъ исторіи этой столицы было царствованіе Пракрамабаху (XII ст.); къ этому времени относится большинство извѣстныхъ нынѣ развалинъ. Онъ обстроилъ, увеличилъ и обнесъ стѣнами городъ.

Украшая свою столицу Пракрамабаху призвалъ изъ южной Индіи художниковъ. Этимъ обстоятельствомъ отчасти также объясняется почему развалины двухъ древнихъ столицъ такъ мало похожи другъ на друга.

Въ цейлонской хроникѣ перечисляется длинный списокъ сооруженій царя Пракрамабаху; кромѣ ступъ, храмовъ, часовень, дворцевъ, зданій для проповѣди, онъ строилъ — больницы для народа, школы, библіотеки; въ его время въ Полланарруѣ по озеру Тупавева были построены общественныя купальни; и на улицахъ стояли зданія общественныхъ увеселеній: залы пѣнія и танцевъ.

Въ настоящее время въ Полланарруѣ находится около двадцати мѣстъ съ развалинами. Такъ какъ кругомъ лѣсъ правильно не былъ изслѣдованъ ни однимъ европейцемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что значительное количество развалинъ не извѣстно намъ и по слуху.

Подъѣзжая къ Топаре съ востока, на берегу озера, въ недалекомъ разстояніи отъ Rest-hous'а видишь нѣсколько столбовъ, частью низверженныхъ, частью стоящихъ на небольшомъ возвышеніи. Громадный левъ изъ гранита стоитъ въ этомъ мѣстѣ. По преданію здѣсь въ этомъ зданіи царь Пракрамабаху творилъ судъ и расправу. Нѣсколько южнѣе указываютъ на небольшой павильонъ, стѣны котораго были выштукатурены и окрашены въ голубой цвѣтъ. Назначеніе этого зданія очень загадочно.

Одинъ праздношатающійся сингалезецъ, сопутствовавшій мнѣ въ прогулкахъ по Полланаруѣ, увѣрялъ меня, что изъ этого павильона царь Пракрамабаху имѣлъ привычку любоваться на озеро Тупавеву. Неизвѣстно однако же откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія.

Отправляясь отсюда лѣсомъ на сѣверъ приходишь къ развалинамъ дворца: это квадратное зданіе было выстроено изъ кирпича и покрыто штукатуркою; всѣ стѣны за исключеніемъ западной цѣлы; западная же въ половину обвалилась. Внутрь стѣнъ пробраться не было никакой возможности, до того все пространство за стѣнами и частью извнѣ съ внѣшней стороны стѣнъ поросло фиговыми деревами.

Вблизи дворца разсѣяно нѣсколько разнообразныхъ развалинъ. *Царская купальня*—находится на востокъ отъ дворца. Входъ въ нее былъ съ сѣвера, гдѣ стоятъ нѣсколько восьмигранныхъ колоннъ, статуи львовъ и перилы съ изображеніемъ морскихъ чудовищъ. Купальня имѣла круглую форму и около шести футовъ въ глубину и была вымощена тесанными камнями.

Къ сѣверу же отъ дворца стоялъ храмъ св. Зуба. Онъ былъ выстроенъ изъ гранита и имѣлъ плоскую кровлю. Съ востока два входа вели въ открытый портикъ; восьмигранныя колонны окружавшіе этотъ портикъ лежатъ кругомъ вполнѣ сохранившейся платформы. Изъ этого портика на югъ и на сѣверъ было два выхода, а прямо на западъ былъ входъ въ то отдѣленіе, гдѣ хранилась святыня. Какъ въ большинствѣ здѣшнихъ развалинъ внутрь храма не было возможности пробраться. Весьма много различныхъ статуй разбросаны вокругъ храма.

Вблизи этого храма находятся развалины другого, съ громадной фигурой Будды и со скульптурными изображеніями различныхъ храмовъ по наружнымъ стѣнамъ. На мѣстѣ мнѣ называли этотъ храмъ Тхупорамою.

Въ той же мѣстности находятся еще двѣ примѣчательныя развалины: 1) Сатмахалъ и 2) такъ называемый круглый домъ.

Сатмахалъ или семи этажный храмъ, есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ на Цейлонѣ; снаружи онъ не очень высокъ и вполнѣ сохранился; внутренняя же часть остается до сихъ поръ не изслѣдованною. Передъ храмомъ лежитъ монолитъ, имѣющій 26 ф. въ длину, 4 ф. въ ширину и 2 ф. въ толщину. Камень этотъ носитъ названіе Галпотъ (т. е. каменная книга), такъ какъ своею формою онъ напоминаетъ цейлонскую рукопись на пальмовыхъ листахъ; по краямъ монолита вырѣзаны священные фламинго или птица Ханса; исторія построенія памятника разсказана въ надписи вырѣзанной на камнѣ; камень этотъ привезенъ былъ въ Полланарруу за восемдесятъ миль, изъ Мехинтале. Сатмахалъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что видомъ своимъ напоминаетъ ассирійскія многоэтажныя постройки.

Такъ называемый круглый домъ имѣетъ видъ усѣченной и выдолбленной ступы. Онъ стоитъ на платформѣ, съ не широкою террассою для обхожденія кругомъ стѣнъ; терраса была обставлена рядомъ колоннъ, большая часть которыхъ до сихъ поръ или стоитъ, или низвержены вокругъ зданія. Четыре лѣстницы разукрашенныя въ анурадхапурскомъ стилѣ вели внутрь зданія; передъ ступенями лежитъ такъ называемый лунный камень, съ обѣихъ сторонъ входъ сторожатъ змѣи-юноши, а по периламъ вытянулись морскія чудовища. Самыя стѣны имѣютъ въ вышину около 20 ф.; внутри ихъ теперь ничего не находится.

Подвигаясь лѣсомъ далѣе къ сѣверу приходишь къ группѣ другихъ значительныхъ развалинъ, разбросанныхъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Тутъ находятся: Ранкотская ступа, Жетаванскій храмъ, ступа по имени Кири и Галвихара или храмъ пещера.

Ранкотская ступа находится южнѣе прочихъ развалинъ. Она имѣетъ въ діаметрѣ сто восемдесять футовъ, а въ вышину около двухъ сотъ. Ступа возвышается на террассѣ, обнесенной кирпичною стѣною; отъ купола съ четырехъ сторонъ есть по одному выступу или алтарю; съ каждой стороны алтаря по двѣ часовни, такимъ образомъ ступа имѣетъ четыре алтаря и восемь часовенъ. Потолокъ въ часовняхъ имѣетъ форму усѣченной четырехъгранной пирамиды. Присутствіе часовень по обѣимъ сторонамъ алтарей отличаетъ эту ступу отъ всѣхъ ступъ Анурадхапуры.

Къ сѣверу отъ ступы находится небольшое собраніе столбовъ.

Еще далѣе къ сѣверу находятся храмъ Жетавана и ступа Кири. Храмъ Жетавана былъ построенъ царемъ Пракрамабаху. Отъ него сохранились только три стѣны; двѣ стѣны имѣютъ въ длину сто семдесятъ футовъ, третья западная семдесятъ футовъ, съ востока былъ входъ между двухъ полигоновъ около пятидесяти футовъ въ вышину. Прямо передъ входомъ на противуположномъ концѣ храма стоитъ полуразрушенная статуя Будды. Она была сложена изъ кирпича, оштукатурена и въ настоящемъ своемъ полуразрушенномъ видѣ имѣетъ болѣе пятидесяти футовъ въ вышину.

Въ стѣнахъ были два ряда готическихъ оконъ; верхній рядъ однако же наглухо забитъ кирпичами; снаружи стѣны были оштукатурены и покрыты роскошною орнаментовкою.

Передъ входомъ въ Жетаванскій храмъ находится нѣсколько колоннъ, и гранитныя ступени; то и другое принадлежало нѣкогда къ храму.

Ступа Кири или молочная немного меньше Ранкотской и выстроена по одному плану съ ней. Она была въ древности бѣлаго цвѣта, (т. е. вѣроятно оштукатурена и выбѣлена), отчего и произошло ея теперешнее названіе. Въ недалекомъ

разстоянiи отъ этой ступы находится еще одна маленькая, вполнѣ разрушенная.

Галвихара находится еще далѣе къ сѣверу; это самый любопытный образецъ храма-пещеры на Цейлонѣ. Одинъ изъ подобныхъ храмовъ я имѣлъ случай видѣть передъ прiѣздомъ въ Поллонарруу, именно храмъ въ Дунумалекандѣ; тамъ подъ навѣсъ громадной гранитной скалы подведена кирпичная стѣна и внутренность естественнаго грота обращена въ храмъ со статуей Будды погруженнаго въ Нирвану; на гладкой поверхности скалы надъ самою дверью въ кирпичной стѣнѣ вырѣзана надпись; на основанiи азбуки этой надписи можно предположить, что дунумалекандiйскiй храмъ гораздо древнѣе Галвихары.

Въ Галвихарѣ мы имѣемъ искусственный гротъ, выточенный въ скалѣ. Входъ въ эту небольшую пещеру съ востока между двухъ колоннъ, выточенныхъ въ самой скалѣ; между этихъ колоннъ вдѣлана кирпичная стѣна. Внутри пещеры стоитъ образъ Будды созерцающаго (т. е. въ сидящемъ положенiи); предъ образомъ поставленъ небольшой алтарь, и стѣны покрыты фресками новѣйшей работы.

Снаружи, у скалы направо и налѣво отъ входа во храмъ находятся три статуи Будды, въ трехъ различныхъ положенiяхъ: сидящемъ, стоящемъ и лежащемъ, или статуи Будды созерцающаго, учащаго и погруженнаго въ Нирвану. Фигура налѣво отъ входа во храмъ изображаетъ Будду созерцающаго. Будда представленъ возсѣдающимъ на тронѣ, роскошно разукрашенномъ. Фигура эта имѣетъ въ вышину шестнадцать футовъ. Направо отъ входа двѣ фигуры: первая, представляющая Будду стоящаго, т. е. въ моментъ произнесенiя проповѣди, имѣетъ въ вышину двадцать пять футовъ, вторая, изображающая Будду погруженнаго въ Нирвану, имѣетъ въ длину сорокъ пять футовъ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ развалинъ въ Полланаруѣ есть много другихъ, которыхъ въ настоящее время на островѣ никто не знаетъ какъ и назвать. Немного извѣстно изъ древней исторіи острова, а средневѣковая его исторія еще менѣе пояснена, вслѣдствіи этого множество мѣстъ въ Полланаруѣ, не разчищено, не приведено въ извѣстность, и пока не останавливало на себѣ должнаго вниманія; но хотя эти столбы и развалины не напоминаютъ никакого историческаго факта, тѣмъ не менѣе они любопытны сами по себѣ, независимо отъ своего прошлаго. Все здѣсь оригинально и свидѣтельствуетъ о другой эпохѣ, когда цейлонцы вѣровали уже въ другое, молились нѣсколько иначе, и самое изящное понимали иначе. Въ Полланаруѣ не тѣ же колонны, что въ Анурадхапурѣ, не тотъ орнаментъ, что въ древней столицѣ; рѣзной работы здѣсь не такъ много какъ въ Анурадхапурѣ, въ большинствѣ случаевъ ее замѣнила лѣпная. Въ Полланаруѣ и культъ былъ иной: рядомъ со ступами здѣсь строились храмы индускимъ богамъ въ южно-индійскомъ стилѣ; образцемъ такихъ построекъ можетъ служить храмъ бога Вишну, находящійся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Галвихаре, къ югу.

V.

Канди.

1.

Канди, резиденція послѣднихъ цейлонскихъ царей и нынѣ главный городъ центральной провинціи, лежитъ въ долинѣ, на высотѣ 1400 ф. надъ уровнемъ моря. Къ этому центральному городу острова сходятся нѣсколько главныхъ дорогъ.

Во время моихъ поѣздокъ по острову мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ Канди и подъѣзжать къ городу съ различныхъ сторонъ. Въ первый разъ я увидѣлъ Канди въ августѣ 1877 г., во время *Перагары.*

Ежегодно, въ августѣ, въ различныхъ городахъ Цейлона празднуется „Перагара", по улицамъ города проходитъ нѣсколько ночей къ ряду оригинальная процессія. Я добивался напрасно отвѣта на вопросъ, что это за процессія? Въ память чего устроенъ праздникъ? Оевропеившіеся сингалезцы говорили, что праздникъ нѣчто подобное нашимъ ярмаркамъ; другіе утверждали, что процессія была учреждена на потѣху кандійскихъ царей, въ память рожденія бога Вишну. Но были и такіе, которые разсказывали очень любопытную легенду въ объясненіе Перагары. Слушая различные толки о Перагарѣ, становится ясно, что смыслъ праздника забытъ народомъ и его учеными; но изъ тѣхъ-же разсказовъ выяснилось, что праздникъ очень оригиналенъ и посмотрѣть на него стоитъ.

26-го августа, я отправился по желѣзной дорогѣ изъ Коломбо въ Канди.

Поѣздъ въ Канди пришелъ поздно, часовъ въ семь. Уже совсѣмъ стемнѣло и, отправляясь со станціи въ отель, я могъ только разглядѣть громадные холмы кругомъ города. „Queen's Hôtel, куда меня привезли, былъ полонъ пріѣзжими; Перагара привлекла немногихъ, но на другой день члены атлетическаго клуба должны были прыгать, скакать, бѣгать, плавать и многими другими способами выказывать свою физическую силу; посмотрѣть на эту потѣху съѣхались англичане изъ разныхъ мѣстъ острова. Съ большими затрудненіями я добылъ комнату. Но мои усилія были вознаграждены: мнѣ досталась небольшая комната съ великолѣпнымъ видомъ на озеро. Направо, вдоль озера вилась дорога въ гору, къ монастырю Малвата; налѣво, я могъ видѣть знаменитый храмъ св. зуба Будды.

Едва окончился обѣдъ, и мы сидѣли еще за кофе, какъ издали стали доноситься нестройные звуки барабановъ и тометома. Томе-томъ тотъ же барабанъ, но покрытый кожею только съ одной стороны. Звуки становились все яснѣе и яснѣе. Я поспѣшилъ выдти на улицу. Пройдя лугъ, растилавшійся передъ отелемъ, я увидѣлъ, что процессія уже вышла изъ храма св. Зуба и направлялась обходить городъ. Первое впечатлѣніе и сильно, и смутно. Въ ясную, лунную ночь, какія только бываютъ на югѣ, вы видите передъ собою оригинальную процессію. Сперва несутся факелы, знамена, различные значки, на нѣкоторыхъ изображенія луны и солнца; затѣмъ идутъ плясуны съ барабанами и томе-томами; важно выступаетъ старшина, завѣдывающій хозяйствомъ и имуществомъ храма (св. Зуба), и вслѣдъ за нимъ еще съ большею важностью выступаетъ громадный слонъ съ святынями (но не св. зубомъ) изъ храма св. Зуба. Передъ большими слонами шли два маленькихъ слона, и далѣе опять знамена, факелы, плясуны,

люди на ходуляхъ, слоны изъ храмовъ боговъ: Вишну, Натха, Катрагама, Патани, слоны поменьше, на которыхъ сидѣли жрецы съ цвѣтами. Снова знамена, факелы, плясуны и, наконецъ, люди съ громадными ковчегами. Кругомъ стояла густая толпа, тихо и молча глазѣя на процессію. Кое-гдѣ виднѣлись полицейскіе, но они были совершенно лишни.

Прошла процессія, и за нею я пошелъ бродить по улицамъ; было довольно поздно для Цейлона, часъ десятый въ исходѣ; на улицахъ замѣтно было особенное движеніе; кругомъ храма св. Зуба виднѣлисъ огоньки у временныхъ лавочекъ со сластями. Повсюду слышался какой-то гулъ разговаривающихъ голосовъ, и видны были многочисленныя кучки людей. Но все было тихо и добропорядочно: ни драки, ни брани, ни пьяныхъ я не видѣлъ. Въ 11 часовъ процессія вернулась къ храму Зуба; святыни отнесли въ храмъ; слоны и люди разошлись по храмамъ четырехъ боговъ. Такъ кончилась процессія въ первый день моего пребыванія въ Канди.

На другой день, часовъ въ пять вечера, задолго до начала процессіи, я пошелъ, осмотрѣть храмъ Зуба. Процессія снаряжалась и дворъ былъ полонъ народа. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ богамъ, совершалось служеніе: женщины на колѣняхъ совершали приношенія цвѣтовъ; въ другихъ, передъ густою толпою плясуны выдѣлывали различныя фигуры. На дворѣ украшали слоновъ. Самый большой стоялъ у входа въ то зданіе, гдѣ хранится зубъ Будды. Въ тотъ вечеръ процессія, обойдя кругомъ города, должна была вернуться чрезъ губернаторскій садъ, въ храмъ Зуба. Губернаторъ въ тотъ день давалъ обѣдъ и созвалъ гостей посмотрѣть на процессію; ровно въ девять часовъ у главнаго подъѣзда собралось общество, исключительно англійское, мужчины во фракахъ, дамы разодѣтыя по бальному и въ цвѣтахъ. Вскорѣ послѣ девяти часовъ заслышались рѣзкіе и ди-

кіе звуки; мало по-малу они становились все громче и непріятнѣе, и наконецъ справа показались факелы, за факельщиками шли музыканты съ флейтами, барабанами, томе-томами. Далѣе въ стройномъ порядкѣ шли старшины, завѣдывающіе дѣлами храма Зуба. Костюмъ этихъ старшинъ очень живописенъ; особенно красива шляпа, въ родѣ нашей треуголки, надѣтой поперегъ, и вся изукрашенная золотымъ шитьемъ. Проходя мимо губернатора, старшины останавливались и отвѣшивали низкій, почтительный поклонъ За старшинами шли два небольшихъ слона, на нихъ сидѣло по три человѣка съ цвѣтами. Кругомъ слоновъ тѣснились люди съ барабанами, флейтами и т. д. За двумя слонами двигались три слона, посреди ихъ былъ громадный слонъ, везшій въ золотой клѣткѣ какія-то мощи Будды изъ храма Зуба. Какъ только показались слоны, губернаторскіе слуги вынесли пуки сахарнаго тростника, и началось кормленіе слоновъ. Исключительное участіе въ этой потѣхѣ принимали дамы. Вдругъ одному изъ слоновъ, кажется наибольшему, съ мощами Будды, вздумалось зарычать. Произошла нѣкоторая суматоха, дамы попятились назадъ, стулья попадали. У всѣхъ были свѣжи въ памяти шалости одного слона: нѣсколько дней тому назадъ онъ вздумалъ показать публикѣ, во время процессіи, свою силу—и три человѣка изъ толпы поплатились жизнью. На этотъ разъ слонъ выражалъ свое удовольствіе. За слонами, прыгая и присѣдая, неслись плясуны и музыканты. Туземный балетъ не отличается граціей, и фигуры танцевъ не разнообразны. Плясуны становятся въ рядъ: присѣдаютъ, выбиваютъ дробь ногами, встаютъ, кружатся, поднимаютъ, ломаютъ руки и т. д. Ихъ костюмъ увѣшанъ колокольчиками, а потому каждое движеніе сопровождается необыкновеннымъ шумомъ. Въ числѣ плясуновъ были два человѣка на ходуляхъ. За плясунами важно выступалъ Basnayaka-

nileme, т. е. главный старшина храма св. Зуба. Кругомъ него неслись вѣера, и шли знаменщики. Этимъ закончилось первое отдѣленіе процессіи. Было еще четыре отдѣленія: въ томъ же порядкѣ шли слоны изъ храма четырехъ боговъ. Передъ и за слонами въ томъ же порядкѣ шли факельщики, плясуны, старшины, kapurale (жрецы). На слонахъ неслась святыня храмовъ, и вся процессія закончилась громадными ковчегами съ водою.

Болѣе часа двигалась процессія чрезъ садъ. Гулъ отъ барабановъ, томе-томовъ, колокольчиковъ, плясуновъ, стоялъ невообразимый; въ воздухѣ чувствовался сильный, непріятный запахъ кокосоваго масла отъ факеловъ. А картина была оригинальная и сильно напоминала сцену изъ какого-нибудь фантастическаго балета; кругомъ была такая декоративная обстановка: тихая, ясная ночь, роскошная растительность, и среди оглушительныхъ нестройныхъ звуковъ движется пестрая, оригинальная восточная процессія, не то религіозная, не то на потѣху какого-либо самодержавнаго властелина. У самой дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ проходящихъ громадныхъ слоновъ, стоятъ ряды стульевъ и разодѣтыя дамы въ цвѣтахъ и кружевахъ.

Въ пятницу, 28-го августа, была послѣдняя ночь Перагары; всю ночь ходила процессія; всю ночь на улицахъ слышался гулъ, нестройные крики различныхъ продавцовъ. Лавочекъ со сластями прибавилось. По улицамъ расхаживала громадная толпа; но при этомъ я долженъ опять замѣтить: сингалезская толпа—образецъ толпы. Ни драки, ни брани, ни даже особеннаго крика нельзя было замѣтить; пьяныхъ я не видѣлъ, а во многихъ лавочкахъ продавался аракъ, содовая вода и т. д. Въ четыре часа утра, въ тотъ же день, въ четырехъ миляхъ отъ города, на р. Махавелли-гангѣ свершился послѣдній актъ празднества. Къ сожалѣнію, я не видалъ его.

До разсвѣта, жрецы (kapurale) изъ храмовъ четырехъ боговъ отправились на рѣку; здѣсь они садятся въ разукрашенную лодку, и главный жрецъ храма бога Вишну, разсѣкши золотымъ мечомъ волны, зачерпываетъ воду. Вода эта хранится до слѣдующаго года и во время процессіи выносится въ тѣхъ ковчегахъ, о которыхъ было упомянуто выше. Такъ закончился оригинальный праздникъ; но процессію я видѣлъ еще разъ, 29-го августа. У старшинъ есть обычай, по окончаніи праздника благодарить мѣстнаго Governement Agent'а за содѣйствія различнаго рода, вѣрнѣе, благодарить правительство за терпимость. Въ два часа дня процессія въ томъ же составѣ и томъ же порядкѣ, какъ выше описано, подошла къ дому правительственнаго агента, бывшему дворцу кандійскихъ царей. М-r Р. созвалъ гостей полюбоваться на церемонію принесенія благодарности и послушать его краснорѣчіе. Все это было довольно оригинально. Подошла процессія къ дому; слоны выстроились въ рядъ передъ террассою; старшины явились на террассу, выстроились въ рядъ и долго говорили по-сингалезски; но смыслъ долгой рѣчи былъ кратокъ, хотя и очень утѣшителенъ: мы вами молъ довольны. М-r Р. отвѣчалъ по-англійски, что онъ также доволенъ благополучнымъ окончаніемъ празднества и старшинами, и въ заключеніе попросилъ старшинъ составить группу и дать снять съ себя фотографію. Старшины, улыбаясь, согласились. На террасу ввели громаднаго слона, и съ него и со старшинъ сняли фотографію.

Я уже сказалъ, что напрасно искалъ отвѣта на вопросы, что такое Перагара? Когда, гдѣ въ первый разъ прошла эта пестрая, оригинальная процессія? Одинъ монахъ изъ храма св. Зуба, на мой вопросъ о томъ же, отвѣтилъ изъ св. писанія буддистовъ: „взошла полная луна и начался праздникъ; заслышался въ городѣ сильный гулъ!“ Глядя на террасу, я

понялъ мѣткость этой фразы, такъ часто встрѣчающейся въ буддійскихъ книгахъ. Кратче и вѣрнѣе нельзя описать мѣстнаго праздника: ясная ночь, гулъ туземной музыки и всюду праздничная, разряженная толпа. Въ такія тихія, свѣтлыя ночи завязывались тѣ фантастическіе романы, которые буддисты подобрали въ народѣ и записали въ свои священныя книги. Придѣлавъ душеспасительное начало и конецъ, наивные монахи воображали, что середина перестанетъ быть соблазнительной для читателя.

Перагара не есть буддійскій праздникъ; монахи не уважаютъ его и не принимаютъ въ немъ никакого участія; ни одного монаха не видать въ процессіи. Правда, выносится святыня изъ храма св. Зуба; но и это началось только въ концѣ прошлаго столѣтія. Во дни царя Киртисри (1747—80) въ Канди пріѣхали сіамскіе монахи для положенія предѣла какимъ-то раздорамъ по поводу посвященія. Однажды ночью отцы были пробуждены необыкновеннымъ шумомъ. Что такое? Что за шумъ?—спрашивали отцы. Имъ отвѣтили, что городъ чествуетъ четырехъ боговъ, когда-то преклонившихся предъ господомъ Буддхою. Какъ вѣрующіе буддисты, монахи не удовлетворились такимъ отвѣтомъ, они возроптали передъ самимъ царемъ на чествованія не буддійскихъ святынь. Царь былъ находчивъ; несмотря на ропотъ и выговоръ святыхъ отцовъ, Перагары онъ все-таки не уничтожилъ, а чтобы успокоить своихъ дорогихъ гостей, приказалъ выносить какія-нибудь мощи Будды; такимъ образомъ, Перегара стала полубуддійскимъ праздникомъ. Первоначально это былъ вѣроятно индійскій, браминскій праздникъ. На браминское индійское происхожденіе праздника намекаетъ одна легенда, слышанная мною въ Коломбо. Она была записана и въ книгахъ, и до сихъ поръ кое-гдѣ еще живетъ въ народѣ. Въ городѣ Анурадхапурѣ царствовалъ Гажабаху; онъ наслѣдовалъ царю Ва-

лагамбаху, въ царствованіе котораго на Цейлонъ напали малабарцы, разграбили храмы и ушли со множествомъ плѣнныхъ и унесли съ собою священные сосуды изъ храмовъ. Однажды ночью, Гажабаху, переряженный, прогуливался по городу. Въ одномъ домѣ царь увидѣлъ горько плачущую старуху; она плакала о своихъ сыновьяхъ, плѣненныхъ малабарцами. Ея безутѣшная скорбь сильно поразила царя; онъ рѣшился идти въ походъ, отнять у малабарцевъ плѣненныхъ. Вмѣстѣ съ царемъ отправляется въ походъ нѣкій великанъ Нила. Какъ только войско дошло до берега океана, Нила сталъ выказывать свою могущественную силу: жезломъ ударилъ онъ по волнамъ, и воды разступились. По-суху прошла царская рать и предстала предъ стѣнами главнаго города малабарцевъ. Малабарскій царь не испугался враговъ и отказался выдать плѣнныхъ. Тутъ начинается рядъ чудесъ, творимыхъ великаномъ и цейлонскимъ царемъ. Нила схватываетъ двухъ слоновъ и, ударяя ихъ головами, убиваетъ. Гажабаху извлекаетъ воду изъ желѣзнаго посоха и пригоршни песку. Устрашенный чудесами и вѣря въ могущество своихъ враговъ, малабарскій царь выдаетъ все захваченное: людей и сосуды изъ храмовъ. И въ память удачнаго похода Гажабаху учредилъ Перагару (113 по Р. Х.).

Такъ гласитъ о началѣ Перегары легенда. И какъ будто есть нѣкоторая связь между содержаніемъ легенды и праздникомъ. Люди на ходуляхъ, быть можетъ, изображаютъ великана Нилу, а послѣдній актъ праздника, у рѣки, его же чудо, когда онъ провелъ царскую рать по морю, яко по-суху.

2.

Передъ отъѣздомъ изъ Цейлона мнѣ пришлось ѣхать въ Канди изъ Матале, т. е. съ сѣвера. Передъ тѣмъ я провелъ нѣкоторое время, около двухъ мѣсяцевъ, въ глуши, среди

древнихъ столицъ, описанныхъ въ предъидущей главѣ; тамъ по необходимости нужно было странствовать пѣшкомъ, за быками, среди цейлонскаго мелколѣсья. Около Хабараны я выбрался на торную дорогу и отсюда, далѣе къ югу, шли страны, которыя густо заселили европейскіе цивилизаторы, въ образѣ владѣтелей и управителей кофейныхъ плантацій. Переходъ отъ старой, запущенной, забытой жизни, къ жизни новой, въ полномъ разцвѣтѣ, начинаетъ уже чувствоваться въ Хабаранѣ, гдѣ я нашелъ Rest-house, правда, весьма скудно меблированный, и отсюда къ югу, по направленію къ Канди, черезъ Дамбулъ и Матале шла шоссейная, великолѣпная дорога. Шоссейныя дороги на Цейлонѣ не всюду проложены, но тамъ, гдѣ онѣ уже есть, дороги поддерживаются съ великимъ тщаніемъ и составляютъ не малую красу острова. Въ Хабаранѣ я переночевалъ и на другой день (18-го октября) въ пять часовъ утра выѣхалъ въ Дамбулъ, гдѣ и былъ въ 12-ть часовъ.

Дамбулъ, деревенька, расположенная у подошвы горы, на вершинѣ которой есть храмъ и монастырь. Храмъ носитъ названіе „пещеры золотой горы“, но ни въ горѣ, ни въ храмѣ нѣтъ золота. Золотая гора не очень высока, но подниматься по ней, особенно послѣ дождя, по скользкой гранитной поверхности не легко: ступени, весьма не отчетливо высѣченныя въ гранитѣ, начинаются въ недалекомъ разстояніи отъ вершины и прямо приводятъ къ воротамъ (Dvaramandapa) сложеннымъ изъ кирпича; чрезъ нихъ вступаешь на дворъ, гдѣ ростутъ роскошныя пальмы, и большое дерево Бо (ficus religiosa); здѣсь, подъ нависшей громадной гранитной глыбой, устроены храмы; и съ внѣшней стороны и внутри они очень безъискусственны. Внѣшняя стѣна воздвигнута изъ кирпичей и оштукатурена; въ ней сдѣлано восемь дверей, ведущихъ въ восемь отдѣльныхъ пещеръ. Вокругъ двери, въ одну изъ пе-

щеръ, стѣна покрыта грубо сдѣланною лѣпною работою. Внутри храмовъ очень много фресковъ, но всѣ они новѣйшей работы и изображаютъ или сцены изъ жизни Будды: его бѣгство изъ родительскаго дома, пренія и состязанія съ Марою или чертомъ, смерть Будды и т. д., или святыхъ и различныхъ буддъ.

Статуй Будды очень много; по словамъ монаха, провожавшаго меня, въ храмахъ сто тридцать двѣ статуи Будды, но кромѣ того есть статуи различныхъ индусскихъ боговъ, и въ нѣкоторыхъ храмахъ стоятъ статуи царей. благодѣтельствовавшихъ монастырю. Храмъ существовалъ уже до Р. Х. Намъ ничего не извѣстно о томъ, кто его выстроилъ, или что было первоначально на мѣстѣ теперешнихъ построекъ. Монахи утверждаютъ, что храмы были воздвигнуты царемъ Валагамбаху; и показываютъ его статую въ одномъ храмѣ. а въ другомъ статую Будды, имъ же подаренную. Другое, болѣе достовѣрное извѣстіе сохранилось въ надписи, высѣченной на гранитной скалѣ, образующей естественную кровлю храмовъ. но здѣсь упоминается имя другаго строителя. Архаическія письмена этой надписи должны быть отнесены къ III—II вѣку до Р. Х. и содержаніе ея слѣдующее: „(сія) великая пещера (есть) даръ духовенству настоящаго и будущаго времени, четырехъ странъ свѣта, отъ великаго царя, богами возлюбленнаго Гамини Тиссы". Къ сожалѣнію, такого царя не знаютъ цейлонскія хроники и вопросъ о томъ, когда именно онъ жилъ, гдѣ царствовалъ, нисколько не разъясняется надписью. Еще менѣе ясно, что именно построилъ онъ и какое было первоначальное назначеніе этихъ пещеръ: были ли онѣ въ началѣ только жилищами монаховъ и затѣмъ уже обращены въ храмы. или же съ самаго начала эти естественныя пещеры были обращены въ храмы? Несомнѣнно—все, что теперь показывается въ храмахъ, очень не старо; но, тѣмъ не менѣе, оно не лишено интереса для спеціалиста.

Я провелъ въ Дамбулѣ около двухъ дней и затѣмъ отправился далѣе къ югу. Около Матале есть монастырь, по имени Алувихаре, здѣсь за сто лѣтъ до начала нашей эры было записано слово Будды, до тѣхъ поръ, хранившееся устною передачею. Преданіе объ этомъ важномъ происшествіи общепринято между южными буддистами, и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности самаго факта; современному человѣку, привыкшему все записывать для памяти, можетъ казаться невѣроятнымъ, чтобы какое бы то ни было ученіе сохранялось чрезъ устную передачу въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; хранимое при такихъ условіяхъ, оно необходимо должно было измѣняться какъ въ своемъ содержаніи, такъ и съ внѣшней стороны, со стороны языка, на которомъ оно было первоначально выражено: было бы смѣло и почти невозможно отрицать эти два слѣдствія устнаго способа храненія ученія; но, съ другой стороны, нужно признать, что и при устной передачѣ могло сохраниться очень много древняго и первоначальнаго; это послѣднее явленіе нисколько не изумительно тамъ, гдѣ туземное ученіе до сихъ поръ, главнымъ образомъ, направлено къ упражненію и развитію памяти. Напримѣръ, на Цейлонѣ ученый монахъ непремѣнно обладаетъ громадною памятью. Ихъ знаніе св. писанія изумительно; оно не ограничивается одною какою-либо книгою; весьма часто монахъ изучилъ всѣ *трипитаки* (т. е. всѣ свои св. книги), укажетъ цитату, найдетъ параллельныя мѣста, не прибѣгая къ справкамъ въ указателяхъ, о которыхъ онъ не имѣетъ понятія. Онъ съ дѣтства училъ книги на память, для него изучить книгу, значитъ выучить ее на память. При такомъ способѣ изученія св. слова, не смотря на неблагопріятныя условія, въ немъ могло удержаться и дѣйствительно удержалось много древняго. Храмы въ Алувихарѣ выстроены по одинаковому образцу съ Дамбульскимъ; хотя пещеры здѣсь

гораздо меньше и почти совершенно лишены фресокъ; кое-гдѣ видны ихъ остатки, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на скалахъ, видны отдѣльныя буквы исчезнувшей надписи.

Монастырь лежитъ въ двухъ миляхъ, не доѣзжая до Матале, города, въ которомъ большіе склады кофе. Кругомъ множество кофейныхъ плантацій и обозы съ кофе тянутся во всю дорогу сюда и далѣе къ Канди. Небольшой городокъ, состоящій изъ одной длинной улицы и базара очень оживленъ; здѣсь живетъ много малайцевъ и малабарцевъ. Дорога отсюда въ Канди пролегаетъ по живописной и воздѣланной мѣстности; она извивается среди холмовъ и послѣ четвертой мили начинаетъ подниматься въ гору; хотя отъ Матале до Канди ходитъ общественный экипажъ, обязанный совершать переѣздъ въ опредѣленное время, тѣмъ не менѣе, когда я ѣхалъ, по дорогѣ тянулось такое множество обозовъ съ кофе, что мы опоздали въ Канди.

Канди городъ небольшой, но очень красивый и лежитъ въ живописной долинѣ, у небольшаго озера. Здѣсь далеко не такъ жарко, какъ въ Коломбо, а по ночамъ ощущаешь даже нѣкоторую прохладу, о чемъ въ Коломбо совершенно забываешь. Въ этомъ городѣ постоянно встрѣчается много европейцевъ, и всѣ дома выстроены по европейски; кое-гдѣ еще уцѣлѣли открытыя лавки, выстроенныя по мѣстному образцу. Туземное населеніе города очень разнообразно: здѣсь много малабарцевъ, малайцевъ.

Кандійскіе сингалезцы по физическому типу отличаются отъ сингалезцевъ другихъ мѣстъ; между ними не попадается рослыхъ, но большинство мужчинъ красивы и цвѣтъ кожи свѣтлѣе нежели у приморскихъ жителей. Я не жилъ тамъ на столько, чтобы составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе объ ихъ нравственномъ характерѣ. Они очень любезны и предупредительны; но тоже самое можно

сказать о большинствѣ туземнаго населенія на Цейлонѣ: къ англичанамъ они не чувствуютъ особой любви, но при этомъ сильно англичанятся Случается весьма часто слышать неудовольствіе на гордость и исключительность англичанъ, притомъ отъ такихъ людей, которые безъ всякой нужды и пользы для себя, заискиваютъ во всякомъ англичанинѣ: и это заискиваніе весьма часто доходитъ до самоуничиженія. Англичане съ своей стороны, относятся къ туземному населенію на Цейлонѣ еще съ большимъ пренебреженіемъ, нежели въ Индіи. Сингалезецъ кротокъ по природѣ, и притомъ не имѣетъ въ настоящее время богатой и родовитой аристократіи; не помышляетъ объ отторженіи отъ Англіи, а потому англичанинъ, чувствуя себя на Цейлонѣ вполнѣ безопаснымъ, позволяетъ себѣ на островѣ то, что немыслимо на материкѣ Индіи. На англійскую оффиціальную несправедливость мнѣ не случалось слышать жалобъ; предъ закономъ всѣ подданные ея величества равны; англійская несправедливость, принижающая туземца, сказывается въ рядѣ мелкихъ общественныхъ явленій: я ни разу не видалъ сингалезца, путешествующаго по желѣзной дорогѣ въ 1-мъ классѣ; меня увѣряли, что хотя закономъ это и не запрещено, но сложился такой обычай и таково требованіе англійскаго населенія на островѣ, что ни одному сингалезцу не дадутъ у кассы билета перваго класса. Одинъ очень умный и ученый сингалезецъ говорилъ мнѣ объ англичанахъ: „каждый изъ нихъ гордъ и презираетъ насъ, по тому только, что мы *black-nigger*'ы. На аукціонѣ казенныхъ земель всякій солдатъ, рабочій бѣлой кожи сидитъ, а мы, которые вѣдь *gentry* этой страны, мы должны стоять и не смѣемъ сѣсть. Они намъ руки не подаютъ, а если кто и подастъ, такъ тутъ-же, передъ глазами вынетъ платокъ и вытретъ свою руку!“ Дѣйствительно, англичане на островѣ не охотно пожимаютъ черную руку; одинъ англійскій судья пріобрѣлъ популярность

между туземцами только тѣмъ, что не гнушался пожимать черную руку; и таковыхъ немного. Но и онъ скоро доходилъ до крайняго предѣла своего либерализма. Разъ, въ одну изъ продолжительныхъ прогулокъ съ этимъ англичаниномъ, мы зашли въ домъ сингалезца. Хозяинъ былъ очень любезенъ и предложилъ намъ завтракъ, отъ котораго мы не отказались, потому что были голодны. Завтракъ явился скоро и былъ очень обиленъ. Предъ вкушеніемъ его въ головѣ либеральнаго англичанина возникъ очень оригинальный вопросъ, который онъ мнѣ тутъ-же и предложилъ на обсужденіе: „слѣдуетъ ли намъ сажать съ собою за одинъ столъ хозяина?“ Вопросъ былъ рѣшенъ положительно и я видѣлъ картину, какъ гость, сѣвъ за столъ, упрашивалъ хозяина присѣсть вмѣстѣ съ нимъ и вкусить отъ своего-же щедраго завтрака. Нужно сказать, что хозяинъ былъ человѣкъ очень достаточный, принадлежалъ къ высшему туземному обществу и не былъ подчиненъ англичанину гостю. По поводу сидѣнія туземца за однимъ столомъ съ англичаниномъ, я слышалъ въ Канди разсказъ, за достовѣрность котораго, впрочемъ, не ручаюсь. На Цейлонѣ, въ мое время былъ одинъ *баронетъ* изъ бюргеровъ, т. е. смѣшанной рассы, съ черною кровью въ жилахъ. Однажды онъ явился за табль-дотъ въ одной гостинницѣ и былъ выведенъ самимъ хозяиномъ, объявившемъ ему, что тамъ, гдѣ сидятъ бѣлые джентельмены, нѣтъ мѣста „черной кожѣ“. Можетъ быть этого и не случалось съ баронетомъ, но несомнѣнно, что ни одинъ человѣкъ съ черной кожей не является и не будетъ впущенъ въ гостинницу, гдѣ живутъ европейцы. Такіе порядки очень дурно отзываются на сингалезскомъ народномъ характерѣ; этотъ родъ порабощенія, исключеніе изъ европейскаго общества — развиваютъ многія дурныя наклонности въ туземцахъ. Жалобы англичанъ на лживость и фальшивость сингалезцевъ имѣютъ свои основанія, но отчасти эти стороны

народнаго характера объясняются тѣми оригинальными отношеніями, въ которыхъ стоятъ правящіе и управляемые.

Въ настоящее время въ Канди мало достопримѣчательнаго и стараго. Въ бывшемъ дворцѣ кандійскихъ царей живетъ Government agent: зданіе передѣлано и принаровлено къ европейскимъ вкусамъ и потребностямъ. Въ городѣ нѣтъ старыхъ домовъ и, бродя по улицамъ города, не видишь слѣдовъ прошлой жизни, временъ кандійскихъ царей, властвовавшихъ здѣсь до 1815 года. Объ ихъ щедрости и богатствѣ напоминаютъ отчасти религіозныя зданія, храмъ и два знаменитыхъ монастыря: Асгири и Малвате. Оба монастыря схожи между собою и расположены на холмахъ, въ противуположныхъ концахъ города. Въ обоихъ кельи и храмы разсѣяны по уступамъ холма. Многія зданія выстроены еще при кандійскихъ царяхъ: кельи такъ многочисленны, что въ нихъ, съ разрѣшенія монаховъ, живутъ даромъ бѣдные сингалезцы, иногда даже христіане-туземцы; зданія окружены со всѣхъ сторонъ богатою, тѣнистою растительностію и жить въ нихъ можно съ великимъ удобствомъ. Я бывалъ въ обоихъ монастыряхъ очень часто и всякій разъ все болѣе и болѣе восхищался прелестями этихъ отшельническихъ пріютовъ. Монахи очень добродушный и любезный народъ, но, къ сожалѣнію, и очень неученый; въ кельяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть книги и рукописи; но чтеніемъ они не занимаются; ни разу я не заставалъ ни одного за книгою; утромъ онъ бродитъ, собирая милостыню, затѣмъ отдыхаетъ цѣлый день, сидитъ у двери своей кельи и жуетъ бетель; къ нѣкоторымъ по утрамъ собираются мальчики учиться чтенію и письму; таковой классъ располагается подъ открытымъ небомъ и издали даетъ о себѣ знать громкимъ распѣваніемъ; сингалезцы иначе не читаютъ, какъ на распѣвъ и громко. Впрочемъ занятія не бываютъ продолжительны, и часа черезъ два дѣти распускаются, затѣмъ начи-

нают приходить взрослые посѣтители; разговоры при этомъ не всегда душеспасительны. Монахи, ведя совершенно праздную жизнь и будучи совершенно обезпечены матеріально. весьма охотно балагурятъ. Въ ноябрѣ они занимаются шитьемъ *чиваръ*, т. е. своихъ одѣяній; матерію желтаго цвѣта, изъ шелка и хлопка они обыкновенно получаютъ въ даръ, отъ какого нибудь доброхотнаго дателя. Кройкой-же и шитьемъ занимаются сами, собравшись всѣ вмѣстѣ въ келью по просторнѣе, или на монастырскомъ дворикѣ; на это время въ монастырь сходится много мірянъ и время проводится очень весело. Бываетъ-ли при этомъ душеспасительное чтеніе — не знаю; хотя таковое занятіе и предписывается уложеніями, но мнѣ не приходилось заставать монаховъ за книгами. Я видалъ шитье *чиваръ* во многихъ монастыряхъ, находилъ всегда при этомъ нѣкоторое веселье, слышалъ много смѣху и оживленные разговоры, книгъ же не видалъ.

Въ Канди находится храмъ „Зуба" (Далада-Малигава). Онъ стоитъ на берегу озера и въ близкомъ разстояніи отъ бывшаго дворца. Все это мѣсто обнесено рвомъ и стѣною, въ которой продѣланы трехъугольныя отверстія; въ дни праздниковъ въ эти отверстія ставились свѣтильники. На одномъ углу стѣны, ближайшемъ къ озеру, возвышалась шестиугольная двухъ-этажная башня: отсюда, въ торжественныхъ случаяхъ, царь показывался своему народу, на другомъ находилось помѣщеніе его женъ. Въ промежуткѣ между двумя крайними оконечностями стѣны находится входъ во дворецъ и въ храмъ Зуба; мостъ черезъ ровъ ведетъ подъ арку, пройдя которую и поднявшись на нѣсколько ступеней, вступаешь въ другую арку; отсюда на лѣво ходъ во дворецъ, направо же къ храму и шестигранной башнѣ.

Храмъ, въ которомъ хранится буддійская святыня, выстроенъ по обыкновенному плану цейлонскихъ храмовъ, только

гораздо просторнѣе, окруженъ верандою и двухъ-этажный. Въ верхнемъ этажѣ, въ небольшой, совершенно темной комнатѣ хранится святой зубъ. Воздухъ здѣсь отъ жары и благоуханія цвѣтовъ удушливъ. Святыни не показываютъ; она заключена въ золотыхъ ступахъ, формою похожихъ на колоколъ; ихъ шесть числомъ. Въ обыкновенное время можно видѣть только одну внѣшнюю; она пяти футовъ въ высоту, сдѣлана изъ вызолоченнаго серебра, обильно украшена различными драгоцѣнными каменьями и увѣшана золотыми цѣпями, остальныя пять ступъ имѣютъ ту же форму и постепенно уменьшаются въ размѣрахъ; подъ самой послѣдней, въ одинъ футъ, высоты находится золотой лотусовый листъ, на которомъ покоится зубъ. Святыня стоитъ на столѣ, обитомъ парчею; также украшены стѣны комнаты; на другомъ столѣ, стоящемъ впереди положены цвѣты и зажжены свѣтильники. Притолки двери, ведущей въ эту комнату выложены слоновою костью, съ очень изящною рѣзьбою. Безъ главнаго настоятеля, доступъ сюда невозможенъ; у него находится ключъ отъ двери; добродушный старецъ, впрочемъ, очень охотно показываетъ святыню не вѣрующимъ глазамъ, и не требуетъ даже денегъ за посмотрѣніе.

Зубъ, который здѣсь хранится, по твердому убѣжденію, вѣрующихъ буддистовъ, принадлежалъ Буддѣ; изъ описаній видѣвшихъ святыню извѣстно, что укрытая золотомъ кость довольно значительныхъ размѣровъ и вовсе не похожа на чей-либо зубъ: онъ двухъ вершковъ въ длину и вершокъ въ ширину, у основанія. Но, такъ какъ по мнѣнію буддистовъ Будда былъ гигантскаго роста, то ясно, что и зубы у него были большіе.

Почитаніе мощей между буддистами началось еще до Р. Х. и вѣроятно одновременно съ построеніемъ ступъ, которыя первоначально воздвигались надъ бренными останками Будды.

его учениковъ и святыхъ, затѣмъ ступы стали строиться и надъ другими святынями, и также въ мѣстахъ, ознаменованныхъ какимъ либо происшествіемъ. Въ настоящее время ступа воздвигается непремѣнно надъ какою либо святынею, всего чаще надъ мощами, ибо добыть ихъ всего легче. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ съ Цейлона, около Галле, въ мѣстечкѣ Паременда, я видѣлъ закладку новой ступы. Ступа закладывалась небольшая; я пришелъ въ монастырь, на другой или третій день торжества; мощей еще не клали, но уже фундаментъ ступы былъ воздвигнутъ и посрединѣ виднѣлось четвероугольное отверстіе, куда предполагалось поставить ящикъ съ мощами. Надъ фундаментомъ ступы былъ поставленъ наскоро сдѣланный павильонъ; рядомъ стоялъ другой подобный же, въ которомъ устроена была каѳедра; здѣсь два монаха читали св. книги (пиритъ). Оба павильона были весьма странно разукрашены,—дешевыми литографіями, картинами, вырѣзанными изъ англійской иллюстраціи, объявленіями о лучшихъ сухаряхъ, ярлыками съ бутылокъ и т. п. Рядомъ съ первымъ павильономъ, на большомъ и высокомъ столѣ помѣщался ящикъ съ мощами; кругомъ его стояли разныя статуэтки европейской работы, фигуры звѣрей и птицъ. По этой обстановкѣ нельзя было подозрѣвать, что въ стеклянномъ ящикѣ заключена святыня. Религіозное торжество имѣло видъ ярмарки. Народа было много; но, никто не молился и не внималъ словамъ св. писанія. Сами монахи, какъ то лѣниво и, озираясь по сторонамъ, тянули въ носъ святыя слова. Я спросилъ у одного монаха, чьи мощи они думаютъ положить въ ступу".—„Господа" (т. е. Будды)! отвѣчалъ онъ мнѣ.—„Откуда вы ихъ достали?"—„Изъ старой ступы!"—„А въ старую ступу откуда они были принесены?" Этого онъ не зналъ и не желалъ знать. Мелкія мощи не имѣютъ исторіи; объ ихъ происхожденіи знаютъ монахи, сотворившіе ихъ. Но святой

зубъ, какъ главная буддійская святыня, имѣетъ длинную и несовершенно проясненную исторію. Онъ принесенъ былъ на Цейлонъ изъ Индіи въ IV вѣкѣ и первоначально хранился въ Анурадхапурѣ. Оттуда его перенесли въ Полланарруа; по разрушеніи этой столицы святыня была перенесена въ Дамбаденію. Говорятъ, онъ хранился одно время въ Япаху, затѣмъ въ Курунегалѣ и наконецъ въ XIII вѣкѣ былъ окончательно помѣщенъ въ Канди. Весьма вѣроятно, что та же самая святыня хранится до сихъ поръ въ Канди; хотя и есть извѣстіе, не подлежащее никакому сомнѣнію, что въ XVI ст. (1560) португальцы, занявъ Жафну, овладѣли тамъ какимъ-то св. зубомъ. Пегуанскій царь, узнавъ объ этомъ несчастномъ для буддистовъ событіи, прислалъ къ Константину Браганцскому, португальскому вице-королю Индіи, посольство съ предложеніемъ большаго выкупа; переговоры по дѣлу о выкупѣ зуба были прерваны вмѣшательствомъ католическаго духовенства; по ихъ настоянію португальцы отказались отъ выкупа,— торжественно истолкли и сожгли св. зубъ въ Гоа. Самый фактъ сожженія португальцами какого-то зуба или кости, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но, затѣмъ возникаетъ вопросъ, какой это былъ зубъ? тотъ ли самый, что, побывавъ въ разныхъ столицахъ Цейлона съ XIII вѣка хранился въ Канди? Изъ мѣстныхъ хроникъ не извѣстно, чтобы въ Жафнѣ когда-либо хранился св. зубъ; Жафна никогда не была столицею Цейлона, и никогда буддизмъ тамъ не процвѣталъ; а потому совершенно необъяснимо, какимъ образомъ португальцы нашли святыню именно въ этомъ городѣ? На основаніи этихъ соображеній можно было бы признать, что португальцы сдѣлались жертвою обмана, и что древняя святыня до сихъ поръ хранится въ Канди цѣла и невредима. Но, съ другой стороны переговоры съ пегуанскимъ царемъ неопровержимо

доказываютъ, что имъ удалось въ Жафнѣ овладѣть какою-то святынею.

Цейлонскіе буддисты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что въ Канди хранится настоящій зубъ Будды и что португальцы никогда не владѣли имъ.

VI.

Поѣздка въ Алутъ-Нувару и цейлонскіе черти.

1.

Къ востоку и юго-востоку отъ центральной провинціи острова тянется на десятки миль лѣсная страна, иногда называемая стариннымъ именемъ Ведда-ратъ, т. е. страна веддовъ. Ведды не многочисленный народецъ, посмотрѣть на который старается почти всякій попавшій на сказочный островъ, гдѣ столько различныхъ диковинъ. Но видѣть настоящіе образцы этого народа вовсе не такъ легко, и вѣроятно совершенно невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей. Въ города по своей волѣ ведды не заходятъ, они бродятъ и охотятся въ лѣсной глуши; коренной, первобытный ведда избѣгаетъ даже сосѣднихъ ему сингалезскихъ деревенекъ. Случается иногда, что, удовлетворяя любопытству какого-нибудь высокопоставленнаго лица, мѣстныя власти излавливаютъ нѣсколько веддовъ и приводятъ ихъ напоказъ или въ Канди, или въ Нуварелія. Такъ было въ пріѣздъ герцога Эдинбургскаго на Цейлонъ. Ему представили диковинныхъ стрѣлковъ въ Канди. То были, такъ сказать, казовые ведды: угрюмы на видъ, косматы, грязны; молча они продѣлаютъ нѣсколько своихъ штукъ предъ лицомъ важной особы и его свиты: постреляютъ, попляшутъ и т. д., и затѣмъ уйдутъ къ себѣ, унося Богъ знаетъ какое представленіе о бѣломъ человѣкѣ. Ведды

остались народомъ дикимъ и почти первобытнымъ, по сосѣдству съ кофейными плантаціями, шоссейными дорогами и всѣми успѣхами европейской цивилизаціи, занесенными англосаксонцами въ колонію. Народъ не далеко ушелъ отъ того состоянія, въ какомъ его застаетъ исторія за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; ведда и нынѣ такъ же напоминаетъ демона, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, когда болѣе культурный сингалезецъ прозвалъ его Яккхомъ (Yakkho—демонъ). Несмотря на всѣ старанія мѣстнаго правительства сдѣлать изъ веддовъ народъ осѣдлый и земледѣльческій, ведды до сихъ поръ главнымъ образомъ полубродячее или совсѣмъ бродячее племя; нѣкоторымъ успѣхомъ, впрочемъ, старанія правительства увѣнчались: ничтожное меньшинство веддовъ живетъ въ деревенькахъ и кое какъ обработываетъ свои поля; масса же народа осталась по прежнему бродячими стрѣлками; такихъ веддовъ, съ древесною корою у чреселъ, всего труднѣе увидать, они скрываются въ лѣсной глуши и избѣгаютъ людей, имъ неподобныхъ.

На Цейлонѣ ходятъ разнообразнѣйшіе толки объ этомъ народцѣ; всѣ почти согласны, что трудно и даже почти невозможно увидать настоящихъ веддовъ, совершенно нетронутыхъ быстро распространяющеюся здѣсь европейскою цивилизаціей или сношеніемъ съ болѣе культурными сингалезцами; диковинныя вещи разсказываются о языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ веддовъ. Нѣкоторые писатели утверждали, что у веддовъ нѣтъ религіи, и сомнѣвались въ существованіи языка у нихъ. Объ ихъ обычаяхъ повѣтствуется много любопытнаго и много до крайности несообразнаго. Такими странными красками рисуется жизнь лѣсныхъ стрѣлковъ, что ведды легко могутъ представиться скорѣе звѣрьми, нежели людьми. Нѣтъ возможности давать вѣру всѣмъ толкамъ, и достовѣрная полная характеристика веддовъ поистинѣ должна считаться

благодарною проблемою для будущаго изслѣдователя; описаніе народа: его языка, религіи, обычаевъ, составитъ въ высшей степени важный вкладъ въ этнографію. По возможности полное описаніе веддовъ было бы любопытно въ двухъ отношеніяхъ: изъ этого описанія, какъ изъ характеристики всякаго народа дикаго, можно было бы извлечь факты, неоцѣненные для разрѣшенія великой задачи, какимъ путемъ шло развитіе человѣчества, гдѣ его приблизительное начало и какія фазы оно переходило. Но описаніе веддовъ важно и въ другомъ отношеніи. Они живутъ и долго жили на небольшомъ островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженные болѣе культурными сингалезцами, необходимо должны были быть и дѣйствительно были постоянно въ сношеніяхъ съ сосѣдями, буддистами, къ тому же негнушавшимися веддами и непрезиравшими ихъ. Въ продолженіи столѣтій жители острова приходили въ столкновеніе съ многими народами, сюда являлись и завоеватели, и купцы. Исторія, литература, архитектурные остатки свидѣтельствуютъ о высокомъ культурномъ развитіи сингалезцевъ, а также, что разнообразныя столкновенія съ другими народами не прошли безслѣдно для нихъ; они отразились и въ ихъ народномъ характерѣ, и въ памятникахъ умственной жизни. А между тѣмъ ведда все такъ же дикъ и такъ же страшенъ, какъ тѣ яккхи, о которыхъ говоритъ легенда. И, глядя на этотъ народъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, почему онъ такъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ впервые является на страницахъ мѣстныхъ хроникъ?...

Пріѣхавъ въ Бадулла, я сталъ въ тотъ же день хлопотать объ устройствѣ поѣздки въ страну веддовъ. Рекомендательныя письма къ мѣстнымъ властямъ помогли мнѣ, и черезъ два дня я былъ на пути въ Алутъ-Нувара. Я выѣхалъ изъ Бадулла въ одноколкѣ, запряженной однимъ быкомъ; моимъ спутникомъ былъ одинъ полу-объевропеввшійся сингалезецъ, состоя-

щій на британской службѣ. Въ нашемъ неудобномъ экипажѣ мы должны были сдѣлать около десяти миль, до Талденія. Дорога отъ Бадулла до Талденія торная и пролегаетъ по очень красивой мѣстности; она вьется внизъ, по скату холмовъ, и хотя очень ровна, но узка и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже двумъ одноколкамъ было бы затруднительно разъѣхаться. Но человѣкъ приложилъ свои руки къ этой мѣстности; внизу стелются кофейныя плантаціи, виднѣются домики европейцевъ; вокругъ холмовъ по отлогому склону вьется шоссе. Въ день нашего выѣзда изъ Бадулла шелъ сильный дождь; съ шумомъ каскадами стекали ручейки съ вершинъ холмовъ; въ одномъ мѣстѣ на самомъ шоссе образовалось нѣчто подобное очень бурной рѣчкѣ: не безъ затрудненій переправилась одноколка чрезъ потокъ. Бычокъ тащится далеко не борзо, и десять миль мы проѣхали въ шесть слишкомъ часовъ. Поздно вечеромъ мы добрались до *Rest-hous'a*, въ Талденія. На постояломъ дворѣ, въ такомъ глухомъ мѣстѣ, конечно нельзя было ожидать какихъ-либо удобствъ: никакой ѣды невозможно было добыть; стояли кровати, но постелей на нихъ не было. Помѣщеніе не отличалось также чистотою: бѣлые муравьи, москиты и обиліе другихъ насѣкомыхъ наполняли столовую. Здѣсь мы узнали непріятную новость: вслѣдствіе дождей, ѣхать прямою дорогою отсюда въ Алутъ-Нувара не было никакой возможности; рѣки разлились и переправляться чрезъ нихъ было невозможно; приходилось ѣхать до Бубуле и оттуда свернуть въ сторону, къ сѣверу въ Алутъ-Нувара. Перемѣна въ маршрутѣ составляла разницу на десять миль, и при этомъ приходилось слѣдовать по отвратительной дорогѣ. Дождь шелъ во всю ночь. На другой день, рано утромъ, мы сѣли на коней и пустились въ путь. Сначала мы ѣхали въ гору, по лѣсной тропинкѣ; кони безпрестанно спотыкались, путь былъ каменистый; громадныя глы-

бы, мелкіе камни покрывали тропинку; на рѣкахъ, рѣчонкахъ не было мостовъ. Приходилось переѣзжать ихъ въ бродъ. Тащились мы шагомъ. Казалось, лѣсу не будетъ конца, и только поздно вечеромъ, однако же до обѣда, добрались до Бубуле. Здѣсь мы переночевали и на другой день отправились въ Алутъ-Нувара. Дорога шла лѣсомъ и хотя на картѣ она обозначена какъ малая, но была несравненно лучше той, по которой мы ѣхали вчера и которая считается большою. Въ другое время года шесть миль отъ Бубуле до Алутъ-Нувара легко проѣхать часа въ полтора, мы употребили на этотъ переѣздъ четыре съ небольшимъ часа; при этомъ, въ одномъ мѣстѣ мы потеряли настоящую дорогу и сдѣлали мили двѣ лишнихъ. Наконецъ, часовъ въ десять, среди густой зелени завиднѣлась обвалившаяся вершина ступы Махіянганы, и мы были въ Алутъ-Нувара.

На ряду съ другими святыми мѣстами, вся мѣстность кругомъ ступы считается буддистами святою. Ежедневно благочестивый буддистъ долженъ памятовать о Махіянганѣ; мысленно обращаться къ ней и въ молитвахъ чтить ее. Исторія ступы, конечно, легендарная, начинается за пять столѣтій до Р. Х. На первыхъ страницахъ туземныхъ хроникъ упоминается о живописной и пріятной мѣстности въ центрѣ острова, гдѣ жили во дни Будды демоны. И дѣйствительно, деревенька, около которой въ настоящее время высится святая ступа, расположена на плоскомъ берегу рѣки Махавелли и лежитъ среди очаровательной мѣстности. По ту сторону рѣки высятся значительные холмы; и холмы и вся мѣстность кругомъ покрыты роскошною зеленью; кругомъ обиліе разнообразной дичи. Здѣсь, говоритъ легенда, былъ когда-то, въ отдаленныя времена, за двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ, великолѣпный садъ, куда собирались демоны или тѣ первобытные обитатели острова, которые и въ настоящее время живутъ кругомъ Алутъ-

Нувара. Вся мѣстность кругомъ удивительно живописна; густой, сплошной лѣсъ стелется на мили во всѣ стороны. Въ декабрѣ, послѣ дождей, здѣсь все цвѣло и необыкновенно сильное и очень пріятное благоуханіе наполняло воздухъ. По преданію, ступа Махіянгана стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Будда явился и подчинилъ своей власти демоновъ. Онъ явился въ ихъ собраніи, и среди ливня, вихря и тьмы остановился въ воздухѣ, надъ ихъ головами. Демоны, въ испугѣ, стали молить Вѣщаго о пощадѣ. „Избавлю васъ отъ страха и скорби,—сказалъ милосердый,—дайте мнѣ мѣсто, среди васъ!“—„Даруй намъ безопасность, и мы отдадимъ тебѣ весь островъ!“ Разостлалъ Будда кожу, и какъ только сѣлъ на нее, края кожи воспламенились и стали распростираться во всѣ стороны. Демоны, побѣжденные зноемъ, должны были удалиться. На этомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ быть произошло первое столкновеніе культуры и первобытности, память о чемъ сохранилась въ оригинальной и нѣсколько уродливой легендѣ, стоитъ одна изъ древнѣйшихъ, а потому самому любопытныхъ ступъ; но она такъ часто разрушалась и возобновлялась, что въ настоящее время въ ней можно видѣть странную смѣсь древняго и новаго. Ступа имѣетъ видъ колокола и окружена была террассою; кругомъ видны во множествѣ гранитныя плиты и четырехгранные столбы; кое-гдѣ сохранились гранитныя ступени, покрытыя очень красивою рѣзьбою. Эти ступени вели къ алтарямъ, примыкавшимъ къ ступѣ, съ четырехъ сторонъ. Ступа стояла среди квадратнаго двора, окруженнаго кирпичною стѣною. Главный входъ во дворъ былъ съ востока; съ сѣвера же примыкаетъ другой, меньшій дворъ, среди котораго стоитъ святое древо, Ficus religiosa. Предъ древомъ возвышается алтарь и коегдѣ правильно расположенные столбы указываютъ на то, что здѣсь была какая-то постройка, можетъ быть капелла. Внѣ ограды двора, въ недалекомъ разстояніи, находится храмъ бога Самана.

Здѣсь, въ Алутъ-Нувара, среди остатковъ глубокой древности, хотя и сильно подновленныхъ (ступа реставрируется въ настоящее время), я увидѣлъ первыхъ веддовъ. Какъ только я пріѣхалъ въ Rest-house, и пока наша прислуга хлопотала о завтракѣ, въ домъ явился первый образецъ веддовъ. То былъ, однакоже, цивилизовавшійся ведда: ребенкомъ былъ онъ взятъ въ сингалезскую семью, вскормленъ ею и женился на сингалезкѣ. Онъ почти забылъ въ настоящее время свой родной языкъ и какъ будто сталъ настоящимъ сингалезцемъ. Но дикій человѣкъ еще былъ видѣнъ въ немъ, хотя Пачча (такъ его звали) значительно цивилизовался: говорилъ мягкимъ голосомъ, улыбался во весь ротъ, кланялся, слагалъ руки въ знакъ почтенія. Онъ былъ малъ ростомъ, косматъ, грязенъ и чуть-чуть не совсѣмъ нагъ. Перевести нѣсколько сингалезскихъ словъ на родной языкъ онъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ. Онъ говорилъ по-сингалезски и, казалось, зналъ только сингелезскія слова. Чрезъ нѣсколько часовъ, при помощи мѣстнаго сельскаго старшины, я увидалъ настоящихъ веддовъ. То были, однакоже, образцы той части народа, которая приходитъ въ сношеніе съ сингалезцами, живущими въ окружныхъ деревенькахъ; самыми дикими веддами ихъ нельзя было назвать. Они были малы ростомъ, косматы, угрюмы на видъ; носы имѣли плоскіе, губы толстыя и голыя тѣла ихъ были до крайности грязны. Сингалезцы увѣряютъ, что ведды никогда не моются, опасаясь ослабѣть отъ мытья. Говорили они крикливымъ, очень громкимъ голосомъ, какъ бы съ нѣкоторою грустью и гнѣвомъ. Пониже живота спускалась небольшая тряпочка, а не кусокъ древесной коры. Замѣна коры тряпочкою знаменовала прогрессъ, и въ этомъ состояло все ихъ одѣяніе. Въ рукахъ они держали топоры, луки и стрѣлы; желѣзныя оконечности стрѣлъ—работа сингалезская, и пріобрѣтаются веддами въ обмѣнъ на добычу охоты и дикій медъ.

Въ языкѣ этихъ веддовъ (насколько я могъ убѣдиться изъ записаннаго мною словарика), множество чисто сингалезскихъ словъ для самыхъ первоначальныхъ понятій; такъ: рука, нога, волосы, пальцы, ногти называются сингалезскими словами. Для ногтя эти ведды употребляютъ весьма любопытное сингалезское слово kâtu, отъ санскритскаго корня *kart*—рѣзать: katu, острый. Слово „ноготь", этимологически значущее не болѣе какъ рѣзакъ, остатокъ глубокой древности и, конечно, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то состояніе, въ которомъ находился человѣкъ, когда онъ впервые назвалъ ноготь „рѣзакомъ". Тогда, конечно, у него не было ни топора, ни желѣзной оконечности стрѣлъ. Для многихъ животныхъ они имѣютъ сингалезскія слова, для другихъ названія сходныя съ палійскими. Такъ, „рыбу" они называли словомъ „*macchi*" (на палійск. maccha, по скр. matsya), а курицу „*chapi*" (на палійс. chapa значитъ птенецъ). Многихъ звѣрей они называли совершенно оригинальными именами, и для слона и лошади имѣютъ одно и то же названіе. „Сколько у тебя пальцевъ на рукѣ?" спросили старѣйшаго изъ веддовъ. „Tunai!"—три! (сингалезское слово) отвѣчалъ онъ не задумавшись, хотя и не былъ безпалымъ. Другой бойко пересчиталъ сингалезскими числительными пять пальцевъ на одной рукѣ, на второй сбился и упорно называлъ девятый палецъ десятымъ, а десятый девятымъ. Прощаясь съ ними, я далъ имъ нѣсколько мелочи. Пересчитать монеты никто изъ нихъ не могъ. И на вопросъ: „сколько?", каждый отвѣчалъ: „kati-ak", много, а монетъ было всего четыре. Насколько возможно было убѣдиться изъ разспросовъ, чрезъ переводчика, у веддовъ есть опредѣленныя религіозныя представленія. Они имѣютъ и названія боговъ, и съ нѣкоторыми цвѣтами соединяютъ религіозныя представленія. Такъ они говорили, что цвѣтокъ Dematu-mal особенно любимъ ихъ богами. Въ заключеніе нашего перваго свиданія ведды пля-

сали. Подъ звуки заунывной однообразной пѣсни, ставъ въ кружокъ, они толклись на одномъ мѣстѣ. Лица оставались по прежнему суровы и неподвижны. Они пѣли: „плету цвѣточки Dematu-mal, плету цвѣточки Kadiran-val, разставляйте навѣсъ", и т. д. Мало-по-полу темпъ пѣсни ускорялся, ведды какъ будто оживлялись и даже начинали приходить въ какой-то дикій экстазъ: они потрясали головами и, кружась, высоко поднимали то ту, то другую ногу. За пляской слѣдовала стрѣльба изъ лука. Особеннаго искусства ни въ томъ, ни въ другомъ я не замѣтилъ.

Когда ведду что-либо не нравится, онъ произноситъ: „me-me!" Такъ, при видѣ своего изображенія въ зеркалѣ онъ произноситъ тотъ же звукъ. Опытъ съ зеркаломъ повторялся нѣсколько разъ, многими лицами, и всегда получался тотъ же результатъ: посмотритъ на себя ведда и тотчасъ же отвернется, произнося: „me! me!".

Изъ Алутъ-Нувара я долженъ былъ ѣхать въ Бубуле, гдѣ мнѣ обѣщали показать другихъ веддовъ. Дорога отсюда до Бубуле пролегаетъ также по лѣсу. Мѣстность во всю дорогу, какъ и во всемъ центрѣ острова, необыкновенно живописна. Мы выѣхали въ свѣтлый день и всю дорогу ѣхали въ тѣни, подъ густымъ сводомъ деревъ. Лѣсъ, послѣ ночного дождя накапунѣ, сильно благоухалъ. Чѣмъ ближе мы были къ Бубуле, тѣмъ чаще попадались сингалезскія деревеньки. На половинѣ дороги мы сдѣлали привалъ у одного *ambalam* (постоялый дворъ, родъ павильона для пѣшеходовъ), вблизи котораго находится источникъ необыкновенно чистой и холодной воды.

Совершенно почти стемнѣло, когда мы достигли мѣстечка Бубуле. По дорогѣ стояла толпа народу, и нашъ караванъ двигался медленно, среди праздно зѣвавшаго народа. Нашихъ лошадей вели подъ уздцы, и по четыре человѣка несли два

кресла, на длинныхъ палкахъ. Утомленные долгимъ переѣздомъ, мы шли пѣшкомъ. Передъ Rest-hous'омъ была воздвигнута арка, въ изобиліи увѣшанная зеленью, и сдѣлана была аллея также изъ зелени. Въ домѣ комнаты были увѣшаны нѣсколько грязноватыми, но бѣлыми тканями, словомъ, мѣстный старшина постарался сдѣлать намъ пріемъ любезный и торжественный. Неудобный Rest-house былъ превращенъ его стараніями въ очень приличный и уютный домикъ; на полахъ были разостланы цыновки; незабыты были и спальни: на кроватяхъ были и мягкія постели, и сѣтки отъ москитовъ. Въ столовой горѣла свѣча, правда, единственная въ цѣломъ домѣ, но за то въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Но вмѣстѣ со всѣми этими удобствами, меня ждало горькое разочарованіе: старшина сообщилъ мнѣ, что за разливомъ рѣкъ увидать веддовъ очень трудно, они ушли въ глубь страны и приходъ ихъ въ Бубуле или мѣста окрестныя болѣе нежели сомнителенъ. На другой день, однакоже, часовъ въ двѣнадцать онъ досталъ откуда-то человѣкъ шесть дикарей. То были дѣйствительно ведды, хотя сначала я сомнѣвался въ томъ; но они были наименѣе любопытными образцами народа. Они пришли въ Rest-house подъ предводительствомъ сингалезца. Трое изъ нихъ были небольшаго роста и такъ же раздѣты, какъ и тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алутъ-Нувара; но у одного въ ушахъ были мѣдныя серьги и у всѣхъ мѣшочки съ бетелемъ. Трое другихъ были повыше ростомъ; у одного изъ этихъ послѣднихъ волосы были заплетены въ пучокъ; онъ бойко взошелъ, улыбаясь, и тѣмъ сразу изобличилъ свою цивилизованность; дикій ведда, говорятъ, никогда не улыбается и не смѣется. Улыбавшійся ведда не имѣлъ лука и стрѣлъ, онъ былъ вооруженъ однимъ топоромъ, который держалъ на плечѣ. Говорили эти ведды скороговоркою, но голосомъ тихимъ и даже глухимъ. На видъ они были также грязны и косматы, какъ и въ Алутъ-Ну-

вара. У тѣхъ и другихъ были усы и бороды, тѣло было покрыто волосами, но далеко не въ обиліи. У самыхъ дикихъ веддовъ, тѣхъ, которыхъ называютъ Галведда, т. е. веддами пещеръ, тѣло густо покрыто волосами. Такъ мнѣ сообщилъ, попавшійся по дорогѣ въ Бубулѣ, одинъ мавръ-торгашъ. Мавръ этотъ много бродилъ по лѣсамъ и постоянно вступалъ въ сношенія съ веддами, какъ съ живущими въ пещерахъ, такъ и съ тѣми, которые строятъ хижины. Они строятъ эти хижины или изъ древесной коры всякаго рода, или плетутъ ихъ изъ растенія varang и прикрываютъ травою mona или iluk. Слова, слышанныя мною въ Бубуле, изъ устъ веддовъ, были или чисто сингалезскія, или близко сродныя съ сингалезскими, но считать и эти не умѣли. Нѣкоторые изъ нихъ знали названія сингалезскихъ числительныхъ, но, повидимому, не соединяли опредѣленныхъ представленій съ произносимымъ звукомъ. Другіе на всѣ вопросы: „сколько?“ упорно отмалчивались, хотя охотно отвѣчали на иные вопросы. У одного спросили, какъ на его языкѣ туча; онъ сказалъ нѣсколько синонимовъ, и всѣ были сингалезскаго происхожденія; огонь онъ называлъ сингалезскимъ словомъ и таковыми же словами выражалъ понятіе „варить“; хижину они называли словомъ kuduai, что по сингалезски значитъ и „клѣтка“, и „гнѣздо“. Слово „Богъ“ не умѣли перевести, и называли kiri-amma (бабка —по-сингалезски), великая вѣдьма, и kiri-appai (дѣдъ—по-сингалезски), великій демонъ. Они вѣрятъ, что родители, отецъ и мать по смерти дѣлаются демонами, якхами. То же повѣрье я слышалъ въ Алутъ-Нувара. Трудно рѣшить, насколько это повѣрье оригинально у веддовъ, и не занесено ли оно къ нимъ изъ буддійскихъ книгъ сингалезцами. Такое же точно повѣрье извѣстно въ одной буддійской канонической книгѣ. Мертвыя тѣла зарываютъ въ ямы и при этомъ свершаютъ жертвы: приносятъ мертвому, ставшему чертомъ мясо обезьяны,

медъ. Все это поѣдается присутствующими при погребеніи. Плясали эти ведды совершенно такъ же, какъ ведды въ Алутъ-Нувара; сперва медленно и какъ-бы нехотя, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, кружась на одномъ мѣстѣ, подъ ускоренный темпъ заунывной пѣсни. Пѣли они здѣсь другую пѣсню; въ ней было множество припѣвовъ, смыслъ которыхъ ведды не умѣли объяснить. Ведда съ пучкомъ, умѣвшій улыбаться, говорилъ, что это очень старая пѣсня; ихъ отцы пѣвали ее передъ кандійскими царями. Я отпустилъ ихъ, давъ имъ по шиллингу на человѣка; дикари попросили рису. Я прибавилъ еще шиллингъ, и приказалъ сторожу постоялаго двора дать имъ рису. Они ушли, но скоро вернулись съ просьбою дать имъ горшокъ. Эти мелочи рисуютъ, насколько ведды, видѣнные мною въ Бубуле, тронуты цивилизаціей черезъ сношенія съ болѣе культурными сингалезцами. Коренные ведды, даже тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алутъ-Нувара, къ серебру относятся равнодушно и приняли отъ меня деньги даже нехотя, ибо не знали, что съ ними дѣлать. Они вообще не жадны, никогда не крадутъ, но въ то же время далеко не такой безобидный народъ, какимъ они иногда рисуются. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бинтенѣ, т. е. около Алутъ-Нувара, произошло слѣдующее: въ одну изъ деревушекъ веддовъ зашелъ охотникъ, сингалезецъ; утомленный ли долгимъ путемъ, или вслѣдствіе другихъ причинъ, ему пришла несчастная мысль прилечь въ тѣни у одной изъ хижинъ. Хозяина хижины не было дома; но въ хижинѣ спала его жена, и это обстоятельство было поводомъ трагической развязки. Вернувшійся домой хозяинъ убилъ непрошеннаго гостя; онъ убилъ его, какъ самъ показалъ на судѣ, внезапно: увидавъ странника у своей хижины, онъ быстро подошелъ къ невинно спавшему и однимъ взмахомъ топора лишилъ его жизни. Мертвое тѣло онъ бросилъ въ лѣсъ. Мать убитаго хватилась сына очень скоро; но горя-

чимъ слѣдамъ трупъ отыскали въ короткое время. При убитомъ нашлось нетронутымъ все его достояніе, въ томъ числѣ нѣкоторая сумма денегъ. Убійца не тронулъ ничего и добровольно, безъ всякихъ запирательствъ, сознался въ своемъ поступкѣ. Мотивовъ своего поступка онъ не съумѣлъ на судѣ объяснить съ ясностью; было, однакоже, очевидно, что имъ руководила ревность, какъ будто нѣкоторое сознаніе, что его домашній кровъ оскверненъ. Присяжные оправдали его.

Бракъ существуетъ у веддовъ; нѣкоторые писатели утверждаютъ даже, что онъ сопровождается особыми обрядами; на мѣстѣ мнѣ этого не подтвердили, но этому не слѣдуетъ придавать особаго значенія, такъ какъ современные сингалезцы относятся къ веддамъ свысока и безпрестанно повторяютъ фразу: они подобны звѣрямъ. Тѣ же сингалезцы говорили мнѣ, что ведды женятся на младшихъ сестрахъ. Старшую сестру почитаютъ наравнѣ съ матерью. Случается, что отецъ женится на дочери. Многоженство между ними неизвѣстно. Я старался добиться отъ веддовъ названія различныхъ степеней родства, и успѣлъ записать названія: отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, жены. Тетку они называютъ однимъ именемъ съ матерью; и для дяди я не могъ добиться перевода, такъ точно, какъ для дальнѣйшихъ степеней родства. Но, можетъ быть, это слѣдуетъ объяснять неумѣніемъ моего переводчика ставить вопросы и его плохимъ знаніемъ говора народа. Въ Бубуле одинъ изъ веддовъ, тотъ самый, который улыбался и завязывалъ волосы въ пучокъ, говорилъ сравнительно бойко по-сингалезски, но тамъ и онъ, и другіе говорили мнѣ все сингалезскія слова. Ведды преимущественно охотники, и потому главнымъ образомъ питаются мясною пищею; ѣдятъ они также сѣмя kukurang и охотно лакомятся мясомъ обезьянъ и слоновъ. Къ земледѣлію они не склонны, несмотря на всѣ усилія правительства пріучить ихъ къ тому. По прежнему

ведда, главнымъ образомъ, бродячій стрѣлокъ. Добываютъ они также дикій медъ и ведутъ имъ мѣновую торговлю, главнымъ образомъ, чрезъ посредство мавровъ, которые весьма часто попадаются въ этихъ лѣсныхъ мѣстахъ.

Собранные мною матеріалы далеко не достаточны для совершенно точнаго опредѣленія отношенія языка веддовъ къ языку сингалезскому. Несомнѣнно однакожъ, что ихъ языкъ принадлежитъ къ числу индо-европейскихъ. Самое названіе этого народа: „ведда" (вѣроятно, данное ему сосѣдями)—индо-европейскаго происхожденія; оно объясняется изъ сингалезскаго слова „bedi" лѣсъ (лѣсъ ведды называли въ Алутъ-Пувара словомъ veddai), которое въ свою очередь можно сблизить съ палійскимъ veddha (скр. vyaddha)—охотникъ, отъ корня vyadh—бить; лѣсъ понимался народомъ дикимъ, какъ мѣсто охоты, гдѣ онъ билъ звѣря и добывалъ себѣ пропитаніе. Первоначальное этимологическое значеніе мало по малу затѣмнилось, лѣсъ пересталъ считаться единственно какъ поприще для охоты, но старое слово, какъ прозвище народа, удержалось и въ смыслѣ „народа стрѣлковъ" и „народа лѣсного, лѣсовиковъ".

2.

Говоря сейчасъ о веддахъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ упоминать о яккхахъ. Яккхомъ на Цейлонѣ называютъ черта: вѣра въ чертей есть одинъ изъ любопытныхъ остатковъ древности на островѣ.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ какъ Цейлонъ считается страною буддійскою; и буддизмъ до сихъ поръ религія господствующая на островѣ: буддистовъ здѣсь болѣе нежели поклонниковъ всѣхъ другихъ религій. индуизмъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно на сѣверѣ острова; поклонниковъ его немного въ сравненіи съ буддистами; хри-

стіанъ и магометанъ еще меньше. Рядомъ съ этими религіями на островѣ распространена „вѣра въ чертей"—въ *яккховъ*, или *яксаевъ*; буддисты, поклонники индуизма, магометане и даже туземцы христіане вѣруютъ въ существованіе чертей и чтутъ ихъ. Начало этой вѣры теряется въ глубокой древности и не связано съ именемъ историческаго лица; народъ ее создалъ и продолжаетъ творить и развивать отдѣльныя повѣрія, обряды и спасительныя заговоры, зачастую принимая совершенно готовыя представленія изъ-внѣ. Масса повѣрій, составляющихъ эту религію, не представляетъ законченной системы и состоитъ изъ элементовъ, взаимно противорѣчащихъ другъ другу, но эта сторона вѣры не поражаетъ ума вѣрующихъ; вѣрующій не останавливается на противорѣчіяхъ, считая ихъ необъяснимыми или выше человѣческаго пониманія.

Цейлонскій демонъ (яккхо) существо особаго рода и есть созданіе народнаго ума, находящагося на самой младенческой ступени развитія. Яккхо не безконечно силенъ, но многое онъ можетъ сдѣлать: наслать болѣзнь и исцѣлить ее; предохранить посѣвы, плодовыя дерева, поселить вражду въ семьѣ, помочь добиться женской любви, отыскать кладъ, уморить врага и т. д. Это существо безъ состраданія, справедливости и доброты, но не безначальное и не безконечное; большая часть яккховъ родились отъ людей и умираютъ, хотя иногда и черезъ большой промежутокъ времени. Имъ не молятся, а закупаютъ ихъ милость приношеніями, и льстивыми обращеніями, они не всевѣдущи, ибо ихъ можно обмануть. На видъ они страшны и отвратительны; они черны, съ глазами на выкатъ, съ отвислыми губами, съ огромными выдающимися зубами; они являются людямъ съ змѣями (Cobra) кругомъ шеи. Въ древности они питались кровью и мясомъ человѣческимъ, теперь они живутъ тѣмъ, что ниспосылаютъ болѣзни на человѣка; родные больнаго устраиваютъ въ это время жертвоприноше-

нія яккху, а онъ поѣдаетъ приношеніе, считая его тѣломъ человѣческимъ.

Есть люди, особенно искусные въ служеніи яккхамъ; эти священники чертовой вѣры, называются якадура, или якдесса, капуа, каттадія.

На Цейлонѣ, почти въ каждой деревнѣ есть такой знахарь; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ на югѣ острова, ихъ особенно много. Они изучаютъ заговоры, пѣсни, необходимыя для свершенія служенія демону, но при этомъ занимаются и другими дѣлами, тѣми же, что и остальные ихъ односельчане; съ виду они не отличаются отъ простыхъ смертныхъ, носятъ тотъ же костюмъ, что и остальные сингалезцы; не живутъ особнякомъ и не пользуются особымъ уваженіемъ въ своей средѣ. Доходы ихъ не одинаковы и зависятъ отъ количества вытверженныхъ заговоровъ. Иной знаетъ ихъ столько, что можетъ, начиная съ шести часовъ вечера, во всю ночь и до шести часовъ утра читать все различные заговоры и при этомъ безобразно и неистово плясать въ честь яккха. За такую церемонію съ иного богача онъ получаетъ рублей до ста на наши деньги. Заговоры частью состоятъ изъ безсмысленнаго набора словъ, частью занесены на Цейлонъ изъ Индіи и суть санскритскіе заговоры, сильно обезображенные непонимающими переписчиками и невѣжественными знахарями. Видѣть самую церемонію не легко для европейца, хотя за деньги всего можно добиться; церемонія, пляска, бормотаніе заговора не оригинальны и не любопытны. Характеръ ея разсчитанъ на то, чтобы запугать яккха неистовою пляскою и страшнымъ барабаннымъ шумомъ.

На югѣ острова, гдѣ нибудь въ захолустьѣ, этотъ барабанный бой слышится чуть ли не каждую ночь: и повсюду на островѣ встрѣчаешь признаки служенія яккхамъ. Многіе изъ демоновъ обитаютъ на деревахъ, для другихъ выстроены

храмы; нѣкоторые изъ такихъ деревъ пользуются большою извѣстностью не только въ ближайшей окрестности, но и далѣе. Такъ, около Коломбо, въ деревнѣ Ратмалана есть дерево Бо (ficus religiosa); живущій на немъ яккхо за всякаго рода приношенія исцѣляетъ отъ болѣзни и даже облегчаетъ роды женщинамъ. Около Курунегала мнѣ случилось видѣть одно дерево на которомъ, говорятъ, жилъ демонъ; дерево стоитъ на дорогѣ, но не на бойкомъ мѣстѣ. Оно было обнесено оградою изъ грубо набросанныхъ камней; съ одной стороны, передъ самымъ деревомъ была наложена груда камней и на верхнемъ камнѣ лежали цвѣты, стояла чаша съ нѣсколькими мѣдными монетами и обыкновенная мѣстная лампа. Кругомъ ограды, на длинныхъ шестахъ, развѣвалися знамена; на нѣкоторыхъ были изображенія солнца и луны. Встрѣчаются еще болѣе простыя формы культа, такъ напр. въ милѣ отъ Анурадхапуры, по дорогѣ въ Арешпо, стоитъ полузасохшее дерево; въ дуплѣ одного изъ его стволовъ зачастую бываетъ всаженъ пучекъ различныхъ сухихъ вѣтокъ, а у корня лежитъ безобразно сложенная груда камней, на которыхъ почти всегда можно видѣть два, три разбитыхъ кокоса. Меня увѣряли, что на этомъ деревѣ живетъ демонъ Пуліаре, о которомъ я не могъ узнать никакихъ подробностей. Бываютъ случаи, когда демонамъ приносятъ болѣе существенныя жертвы: имъ закалываютъ куръ, приносятъ въ жертву изображеніе человѣка, грубо сдѣланное изъ глины; нѣчто подобное я видѣлъ по дорогѣ изъ Нуварелія въ Бадуллу; на половинѣ пути, около Wilson's bungolow, есть небольшой буддійскій монастырь, Палугамъ-Пансалъ. Во дворѣ этого монастыря стоитъ часовня, посвященная яккху, по имени Меникъ-бандаръ. Яккхо изображенъ отвратительнымъ, со всѣми обыкновенными признаками цейлонскаго черта; онъ желтаго цвѣта и сзади него на стѣнѣ нарисованъ бѣлый слонъ; а по бокамъ два молящихся

сингалезца со сложенными почтительно руками. На алтарѣ, передъ идоломъ стояли чаши, наполненныя маленькими четвероугольными пластинками, на которыхъ были выбиты изображенія людей, коровъ, лошадей и т. д.; онѣ замѣняли собою существа, которыя предназначены въ жертву богу. Не только можно видѣть мѣстожительство яккховъ, но и ихъ самихъ можно повстрѣчать въ иную пору дня или ночи въ уединенномъ мѣстѣ. Они или показываются человѣку въ образѣ страшныхъ звѣрей, или же даютъ знать о своей близости возгласами, толчками, бросаніемъ камней, песку и т. п. штуками. Идетъ прохожій въ мѣстѣ уединенномъ, вдругъ услышитъ за собою крикъ: „ху-у-у!“ Испуганный, онъ оглядывается назадъ: ни тамъ, ни кругомъ, нѣтъ никого; нѣсколько успокоившись, прохожій продолжаетъ свой путь далѣе, тутъ яккхо выкидываетъ новую штуку, или ударитъ холодной ладонью по спинѣ прохожаго, или обдастъ его пескомъ, или броситъ въ него камнемъ.

Разсказовъ о такихъ встрѣчахъ съ демонами на Цейлонѣ можно наслушаться вдоволь. Люди, имѣющія частыя сношенія съ рабочими, передаютъ, что вѣра въ чертей у этого люда развита до болѣзненности. Рабочіе очень часто видятъ чертей. Случается, что рабочій, выйдя ночью изъ своего жилища, обыкновенно очень убогой хаты, вдругъ жалобно вскрикиваетъ и падаетъ замертво. Въ безсознательномъ состояніи его приносятъ домой. По прошествіи нѣкотораго времени онъ приходитъ въ себя и съ ужасомъ разсказываетъ, что видѣлъ демона; описанія видѣннаго обыкновенно бываютъ очень смутны; но его умъ зачастую такъ разстраивается и весь организмъ бываетъ такъ потрясенъ видѣннымъ, что онъ заболѣваетъ послѣ того, а иногда даже умираетъ. Болѣзнь эта носитъ названіе *Тоникама* (по сингалезски), что значитъ уединенность. Ей подвержены не одни рабочіе, но и люди

достаточныхъ классовъ; иногда человѣкъ заболѣваетъ ею не вслѣдствіе самаго появленія демона, а ему можетъ показаться, что онъ ощущалъ такъ или иначе близость демона, и на него нападаетъ страхъ, соединенный съ болѣзненными припадками. Родные въ такомъ случаѣ обыкновенно бросаются къ каттадіи и чтеніе заговоровъ излѣчиваетъ несчастнаго.

Яккховъ очень много, они до сихъ поръ нарождаются. Въ каждой мѣстности есть особые яккхи и что не вѣрующій, то своеобразное представленіе о демонахъ. О томъ, каковы бываютъ цейлонскіе черти, можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Въ Коломбо, около Качхари, т. е. зданія, гдѣ засѣдаетъ Governement Agent и собираются подати, есть небольшой переулокъ, по имени Pieris Laiba-lane. Въ этомъ переулкѣ стоитъ домъ, въ которомъ нѣкогда и еще очень недавно жилъ Pieris Laiba; онъ былъ мавръ и при жизни ни чѣмъ не заявилъ себя, по крайней мѣрѣ никто, ничего не помнитъ о немъ, но жилъ онъ долго, болѣе ста лѣтъ, а по смерти прослылъ чудотворящимъ яккхомъ. Онъ не видимъ теперь, хотя и живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ будто бы находится и его могила; сюда стекаются съ приношеніями и сингалезцы буддисты и мавры магометане. Покойникъ былъ магометаниномъ, но буддисты все-таки приносятъ жертвы на его гробницѣ, ибо вѣрятъ, что всякая подачка яккху предотвращаетъ смертность и облегчаетъ трудные роды. Въ двѣнадцати миляхъ отъ Коломбо, въ мѣстечкѣ Мороту, чтится особый демонъ; его называютъ просто Morotu-yako, т. е. моротуйскій демонъ. Мѣстная легенда повѣствуетъ о немъ, что онъ былъ разбойникъ, томилецъ съ Малабарскаго берега, грабилъ и угнеталъ при жизни, а по смерти сталъ „чтимымъ“, жертвы и ему приносятся. Исторія этого демона разсказывается и иначе; онъ называется также Rata-yako, т. е. иностранный демонъ. Прибылъ онъ дѣйствительно съ Малабарскаго берега,

но не былъ разбойникомъ, а какимъ то колдуномъ, жилъ на деревѣ, мучилъ окрестныхъ жителей, особенно же дѣтей и беременныхъ женщинъ, насылая болѣзни: вся страна кругомъ страдала отъ него. Происходило это въ XV ст. во время царствованія въ Коттѣ Пракрама-баху VI: однажды заболѣла царица, ни одинъ врачъ не умѣлъ ей помочь, выискался какой-то каттадія, который объяснилъ, что царицына болѣзнь ниспослана демономъ изъ Мороту и нужно ему сдѣлать приношеніе, что и было исполнено по царскому приказу. Царица послѣ того выздоровѣла: и слава о демонѣ въ Мороту распространилась между народомъ и держится до сихъ поръ. Въ шестнадцати миляхъ отъ Галле, у мѣстечка Хиккадуве, на берегу моря есть гранитная скала, прозванная Hinigama Déwala т. е. Хинигамскій храмъ, здѣсь дѣлается приношеніе демону, прозванному Devol-yaka: выставляютъ на скалу разную пищу, выкладываютъ даже деньги; говорятъ, что при жизни Devol-yako былъ фокусникомъ, родомъ съ Малабарскаго берега; его потомки до сихъ поръ живутъ въ окрестностяхъ и исправно собираютъ жертвы, назначенныя предку.

Таковыхъ мѣстныхъ демоновъ очень много на Цейлонѣ, но есть яккхи, чтимые повсюду на островѣ и всюду извѣстные: о нихъ разсказываются легенды чудеснаго характера. Такъ есть демонъ по имени Kalu-yaksayo, „черный демонъ“, иные называютъ его такъ же Kalu-kumaro „черный принцъ“ и говорятъ, что если онъ вселится въ женщину низшей касты, то просто называется чернымъ демономъ, если же въ женщину высшей касты, то именуется чернымъ принцемъ: другіе же, изъ двухъ именъ дѣлаютъ двухъ различныхъ демоновъ и о каждомъ разсказываютъ особыя легенды. О черномъ демонѣ, они повѣствуютъ, что при жизни онъ былъ великаномъ Нила, защитникомъ и сподвижникомъ царя Гажабаху (I в. по Р. Х.). Разъ великанъ, вмѣстѣ съ царемъ,

отправились въ Istripura городъ, гдѣ жили однѣ женщины, которыя, какъ только увидѣли великана, такъ всѣ разомъ и влюбились въ него. Сотни ихъ бросились на него и разорвали его въ клочки. По смерти онъ сталъ демономъ и мститъ съ тѣхъ поръ всему женскому полу... О черномъ принцѣ разсказываютъ, что онъ былъ при жизни знатнаго происхожденія; отецъ его былъ царемъ, но онъ сдѣлался буддійскимъ монахомъ и святостью жизни пріобрѣлъ способность летать по воздуху. Однажды двигаясь по воздуху, онъ увидалъ на землѣ какую-то царевну: пораженный ея красотою монахъ влюбился въ нее и тотчасъ же, утративъ свои сверхъестественныя способности, упалъ на землю и конечно разбился до смерти. По смерти онъ сталъ демономъ по имени Черный принцъ; всѣ преимущества знатнаго происхожденія остались за нимъ и по смерти. Приношенія, самыя изысканныя дѣлаются ему; для этого выбирается лучшій рисъ, лучшія платаны, сахаръ, кокосовые орѣхи, апельсины и т. д. Онъ темно-голубаго цвѣта и всегда облаченъ въ черное. Болѣзни, которыя онъ насылаетъ на женщинъ не опасны и не бываютъ смертельны. Самымъ страшнымъ мучителемъ женщинъ на Цейлонѣ считается демонъ Бахирава (тоже, что скр. Бхаирава), онъ живетъ на высокомъ холмѣ Бахирава-канда около Канди. Во времена кандійскихъ царей, т. е. до 1815 года, этому демону приносились въ жертву молодыя дѣвушки; на вершину холма врывался длинный шестъ, къ которому привязывалась несчастная, обреченная на смерть: тутъ же сооружался алтарь; на него ставили вареный рисъ и цвѣты; за тѣмъ каттадіи, собиравшіеся на такую церемонію во множествѣ, читали заговоры, неистово плясали подъ оглушительные звуки барабановъ. По окончаніи церемоніи всѣ, кто бы не былъ тутъ, уходили съ холма, и оставляли на всю ночь дѣвушку, привязанную къ шесту. На другое утро обыкновенно ее находили

мертвою, такъ сильно на нее дѣйствовалъ страхъ; каттадіи объясняли конечно смерть иначе: говорили, что дѣвушку увелъ къ себѣ демонъ Бахирава. Обычай этотъ былъ введенъ кандійскими царями по тому же поводу, по которому другіе цари стали чтить моротуйскаго демона.

На Цейлонѣ весьма часто между простымъ народомъ появляются женщины, одержимыя бѣсомъ. Припадки этой болѣзни не одинаковы у различныхъ субъектовъ: у иныхъ они повторяются ежедневно въ извѣстный часъ дня или ночи, у другихъ по временамъ, иногда правильно черезъ опредѣленное число дней, или же только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. во время чтенія св. писанія, въ ночи полнолунія, когда свершается обычное буддійское богослуженіе, о которомъ я имѣлъ случай говорить выше. Есть цѣлая сутра (атанатія сутта) особенно ненавистная бѣсноватымъ; какъ начнутъ читать эту сутру такъ съ больной свершается что-то необычайное: она начинаетъ выть, стонать, порывается безобразно плясать, говоритъ разной вздоръ; иногда у скромной въ обыкновенномъ состояніи женщины вырываются ужасныя ругательства. Больная бьетъ себя и истязается всячески, рветъ на себѣ волосы и съ дикими воплями повергается на землю. Или же вдругъ она впадаетъ въ обморокъ и за тѣмъ цѣлыми часами недвижимо лежитъ, только повременамъ вздрагивая и трепеща всѣмъ тѣломъ. Случается, что во время припадка бѣснованія, больная убѣгаетъ изъ дому и по нѣсколькимъ днямъ скрывается отъ людей.

Вылѣчить отъ этой болѣзни можетъ только *якадура*, т. е. служитель черта. Только онъ можетъ отчитать больную заговорами, изгнать бѣса и пригвоздить его къ какому-нибудь дереву или въ какое-нибудь мѣсто. Случается часто, что больная неизлѣчивается послѣ отчитыванія, тогда ея роднымъ остается испытать послѣднее средство: свести бѣснующую въ

храмъ Гал-капну-девале, находящійся въ 11-ти миляхъ отъ Канди, около Алутъ-нувара. Храмъ этотъ посвященъ богу, прозванному дворцовымъ или царскимъ (Vahala-deviyo). О построеніи этаго храма разсказывается фантастическая легенда. Однажды, дворцовому богу захотѣлось жить въ храмѣ. Онъ выбралъ высокую скалу мѣстомъ, для построенія храма: созвалъ своихъ подчиненныхъ демоновъ и приказалъ имъ, вооружась только ползучимъ растеніемъ, называемымъ по сингалезски way-well, безъ шума сточить скалу и не употребляя никакихъ молотовъ и орудій, воздвигнуть ему храмъ.

Въ одну ночь демоны снесли скалу и выстроили храмъ, потому самому прозванный „выточеннымъ изъ камня". Храмъ этотъ пользуется извѣстностью на всемъ Цейлонѣ: тысячи странниковъ и особенно странницъ являются сюда, ища облегченія отъ болѣзней. Сюда-же приводятъ бѣсноватыхъ. Разсказываютъ, что какъ только больная начинаетъ приближаться къ храму бѣсъ овладѣваетъ ею: съ дикими воплями и быстро двигаясь, она подходитъ къ храму; никто не въ силахъ остановить ее или преградить ей входъ въ храмъ. Взойдя въ храмъ, она забивается въ уголъ и молча сидитъ тамъ, по временамъ страшно вздрагивая. Въ это время родные больной, сдѣлавъ посильное денежное приношеніе мѣстному „служителю черта", приглашаютъ его отчитать бѣса и изгнать изъ больной.

Служитель, заручившись деньгами, начинаетъ церемонію изгнанія бѣса. Церемонія эта говорятъ бываетъ болѣе или менѣе продолжительна, или сложна, смотря по тому сколько денегъ дано было знахарю. Особенно любопытенъ діалогъ между служителемъ черта и самимъ чертомъ. Чертъ конечно говоритъ устами больной.

— Кто ты? какъ твое имя? спрашиваетъ знахарь черта.

— Я такой-то! отвѣчаетъ чертъ устами больной.

— Зачѣмъ ты вселился въ такую-то? спрашиваетъ опять знахарь.

— Потому что она самая хорошенькая изо всей деревни! Откровенно отвѣчаетъ бѣсъ устами больной. Или же заявляетъ: „Не уйду пока мнѣ не принесутъ человѣческой жертвы“. Затѣмъ служитель возвѣщаетъ бѣсу, что денежное приношеніе уже сдѣлано, что жертва и пляска будутъ свершены для бѣса, а потому и слѣдуетъ оставить такую-то (имя рекъ). При этомъ онъ кропитъ больную водою и тутъ-же или черезъ нѣсколько дней приноситъ въ жертву пѣтуха. Одержимыя бѣсомъ попадаются не рѣдко между сингалезсками католическаго вѣроисповѣданія; случается, что католическіе священники отчитываютъ бѣсноватыхъ, произнося при этомъ, кромѣ молитвъ, особенные заговоры. Если женщина не исцѣляется послѣ жертвы, то прибѣгаютъ къ церемоніи прибиванія демона гвоздемъ къ дереву. Гвоздь, надъ которымъ каттадія пробормоталъ нѣсколько заговоровъ, вколачивается въ какое-нибудь дерево; затѣмъ гвоздь обвязывается ниткою, окрашенной желтымъ шафраномъ и тѣмъ же способомъ какъ и гвоздь заговоренной. Такова вѣра въ могущество заговоровъ, что вслѣдъ за свершеніемъ всей церемоніи больная обыкновенно исцѣляется.

Всего этого я самъ не видѣлъ, хотя и былъ въ храмѣ дворцоваго бога.

Мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ Перадёніи, около знаменитаго ботаническаго сада, въ домѣ одного англійскаго чиновника. Отсюда мы ѣздили смотрѣть на извѣстный храмъ.

Мѣстный ратемахатмья (т. е. сельскій старшина) хотя и не подчиненный моему хозяину, но узнавъ о предполагаемой имъ поѣздкѣ въ сказанный храмъ, постарался устроить намъ на пол-пути торжественный пріемъ. Насъ торжественно при-

несли на литерахъ въ храмъ. Таковъ уже современный Сингалезецъ; онъ ропщетъ въ тихомолку на англичанина, но гдѣ можно не преминетъ подслужится тому-же англичанину. Такъ было и въ этотъ разъ.

Ничего не подозрѣвая, мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ изъ Пераденіи въ Кадуганнаву и отсюда пошли по старой дорогѣ въ Коломбо; до мѣста назначенія намъ нужно было пройти около пяти миль, но въ тѣни роскошной растительности, среди живописной мѣстности центральнаго Цейлона. При поворотѣ на малую дорогу, ведущую къ самому храму, мы совершенно неожиданно наткнулись на громадную толпу: тутъ были и ратемахатмья съ другими менѣе важными сельскими чинами, и слоны, и литеры, и плясуньи съ пѣсенниками, словомъ вся обстановка торжественнаго пріема въ мѣстномъ вкусѣ. Издали насъ привѣтствовали громкимъ барабаннымъ боемъ и неистовою, неграціозною пляскою. По настоянію ратемахатмья мы сѣли въ литеры и двинулись на плечахъ дюжихъ, полуголыхъ кули, предшествуемые слонами и плясунами, и окруженные со всѣхъ сторонъ густою толпою, которая шумно толкалась и вопила. Гулъ, повторяемый тысячнымъ эхомъ окружающаго лѣса, стоялъ невообразимый. Отъ поворота до самаго храма едва-ли болѣе трехъ миль, но на пол-дорогѣ, въ домѣ зятя Ратемахатмья мы принуждены были сдѣлать привалъ и позавтракать. Домъ былъ убранъ зеленью; изъ пальмовыхъ листьевъ сдѣланы были изящныя арки, чрезъ которыя насъ торжественно внесли на веранду.

Здѣсь-же послѣ обильнаго завтрака, насъ угощали зрѣлищемъ мѣстнаго балета: три мальчика и двое верзилъ плясали передъ нами, подъ крикливую пѣснь и нестройные звуки томъ-тома. Наѣвшись и насмотрѣвшись на балетъ мы двинулись далѣе въ храмъ, гдѣ къ сожалѣнію невидали ничего любопытнаго. Самый храмъ не любопытенъ; онъ новой постройки и

точно ожидая насъ, вынесли изъ него всѣ изображенія и украшенія. Кромѣ стѣнъ увѣшанныхъ тканями, намъ ничего не пришлось видѣть здѣсь. Кругомъ зданія крытая галлерея для перахары, буддійскій храмъ и т. д. были здѣсь полуразрушенные. По нѣкоторымъ признакамъ, по украшеніямъ надъ входною дверью, можно предполагать, что храмъ строилъ или окончательно отдѣлывалъ артистъ изъ южной Индіи, тамъ только умѣютъ рисовать такихъ чудовищъ (Макэра) съ перовидными хвостами. Стѣны внутри были увѣшаны тканями съ изображеніями различныхъ индусскихъ боговъ. Ни богомолокъ, ни богомольцевъ небыло въ нашъ приходъ туда и мы побывавъ въ храмѣ ничего любопытнаго не видѣли тамъ.

ОЧЕРКИ ИНДІИ.

ОЧЕРКИ ИНДІИ.

I.

Въ Бихарѣ.

1.

Въ концѣ февраля 1875 г., отправляясь въ Непалъ, я хотѣлъ побывать въ Бихарѣ или древней Магадѣ. Меня интересовала эта провинція своими разнообразными древностями, а также какъ мѣсто святое, имѣющее по нынѣ не малое значеніе въ жизни Индуса. Здѣсь стоитъ Гая, и правовѣрные Индусы говорятъ, счастливъ тотъ, кто въ Гангѣ купался, въ Праягѣ (то-есть, Аллахабадѣ) постригся, въ Бенаресѣ умеръ, и для кого въ Гаѣ свершилась сраддха или поминальная жертва. Ежегодно, во всякое время года тысячи пилигримовъ стекаются въ Гаю. Идутъ туда люди всѣхъ кастъ, изъ всѣхъ мѣстъ Индіи, люди достаточные и люди бѣдные. Всякому желательно свершить сраддху, то-есть, помянуть дѣдовъ въ мѣстѣ святомъ, тамъ, гдѣ показываютъ слѣдъ бога Вишну. Въ Бихарѣ, кромѣ того, родился буддизмъ; здѣсь онъ процвѣталъ въ продолженіи многихъ столѣтій, и здѣсь же до сихъ поръ существуетъ священное древо Бо (Ficus religiosa), главная святыня для буддистовъ всѣхъ странъ и всѣхъ сектъ. Понынѣ на поклоненіе этому дереву являются буддисты съ сѣвера изъ Тибета и Непала, съ юга и юговостока, изъ Цей-

лона, Бирмы и Сіама. Но Бихаръ считаютъ святою землею не одни буддисты, изгнанные изъ Индіи; сюда стекаются на богомолье не только правовѣрные Индусы всѣхъ сектъ; здѣсь и Жайны имѣютъ свои храмы и святыни; даже у мусульманъ здѣсь есть свои священныя гробницы. Эта страна, гдѣ буддисты отыскали центръ земли, по справедливости славится картинностью мѣстоположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдностью земледѣльческаго населенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неплодородіемъ: кое гдѣ около города Бихара собирается одна только жатва, и годъ тому назадъ жители сильно пострадали отъ голода.

Я выѣхалъ изъ Калькутты по желѣзной дорогѣ и на другой день рано утромъ былъ на станціи Бактіарпуръ, откуда должно было начаться мое странствованіе по Бихару. Для дальнѣйшаго слѣдованія къ югу, въ глубь страны, нужно было замѣнить вагонъ паланкиномъ; въ городъ Бихаръ иначе какъ этимъ способомъ нельзя было попасть. Мы двигались цѣлый день по мѣстности далеко не живописной, почти что по тому самому пути, которому слѣдовалъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ китайскій богомолецъ Фа-сянь; но голыя поляны далеко не напоминали собою его поэтическаго описанія Магадской страны. Первое впечатлѣніе въ странѣ, колыбели буддизма, было не въ ея пользу: жара, пыль, однообразная выжженная солнцемъ равнина, кое-гдѣ вдали по горизонту тощія пальмы, бѣдность и грязь по изрѣдка попадавшимся деревенькамъ,—все это далеко было не то, что говорилось встарь о Магадѣ, о ея обиліи, о многолюдныхъ ея городахъ и богатыхъ жителяхъ. Весь округъ Патны, за исключеніемъ южной холмистой части, состоитъ изъ большихъ равнинъ, кое-гдѣ усѣянныхъ небольшими группами деревъ; весною дерева и выжженныя поляны имѣютъ очень печальный видъ; почва главнымъ образомъ алувіальная и страна по

берегамъ Ганга славится какъ особенно плодородная. Лишь поздно вечеромъ мы добрались до города Бихара. Въ городѣ въ то время не жило ни одного Европейца, и меня пріютилъ у себя во флигелѣ одинъ Бенгалецъ, занимавшій въ то время должность Deputy Magistrate. Одну изъ комнатъ отведеннаго мнѣ помѣщенія украшалъ столбъ, высѣченный изъ песчаника съ надписью царя Скандагупты; къ сожалѣнію, столбъ этотъ былъ врытъ въ землю въ обратномъ положеніи, и часть надписи неизвѣстно для чего сточена. Уже по одному этому столбу можно было подозрѣвать о томъ, чѣмъ богатъ городъ Бихаръ. Имя города (отъ скр. vihara, монастырь), значащее собственно „монастырь-городъ", указываетъ на то, что здѣсь когда-то были буддисты, стоялъ буддійскій городъ, и дѣйствительно, изъ мусульманскихъ источниковъ намъ извѣстно, что когда Мохамедъ-Бахтіаръ взялъ приступомъ городъ, онъ нашелъ въ немъ множество *бритыхъ* брахмановъ (то-есть, буддійскихъ монаховъ), храмы, полные идоловъ, и въ обширномъ медресѣ невѣрныхъ—великое множество книгъ. Всего этого не пощадилъ завоеватель: жестоко перерѣзавъ жителей, онъ разрушилъ храмы, сжегъ книги и истребилъ идоловъ. Но какъ ни старались мусульмане уничтожить все относящееся къ религіи невѣрныхъ, они не съумѣли однако же вполнѣ стереть памяти о ней. Неизвѣстно, какой именно городъ въ древности стоялъ на мѣстѣ теперешняго Бихара. Массы находимыхъ здѣсь остатковъ изъ отдаленной, до-мусульманской эпохи свидѣтельствуютъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ большой и блестящій городъ. Онъ былъ, вѣроятно, расположенъ на берегу рѣки Панчана, которая въ настоящее время въ жаркую весну совершенно высыхаетъ, и окруженъ толстыми стѣнами, до сихъ поръ въ иныхъ мѣстахъ хорошо сохранившимися. Многое изъ древнихъ буддійскихъ храмовъ мусульмане перенесли, какъ украшенія, въ

свои мечети и на свои гробницы. Въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ весьма часто находятъ столбы, карнизы и даже изуродованныхъ буддійскихъ идоловъ. Теперешній Бихаръ, какъ городъ, ни чѣмъ не замѣчателенъ и не любопытенъ; жителей въ немъ считается около сорока пяти тысячъ. Новый городъ выстроенъ за рвомъ, окружавшимъ старый и разросся на очень значительномъ пространствѣ. Между отдѣльными кварталами тянутся поля и сады; улицы однакоже не широки и не чисты: всѣ онѣ, не исключая и базара, плохо вымощены камнями и кирпичами. По обѣимъ сторонамъ базара рядомъ съ домами солидной постройки тянутся полуразвалившіяся хижины. Большинство мечетей, находящихся въ городѣ полуразвалились.

Говорятъ, что голодъ 1770 г., нападеніе Махратовъ, бывшее передъ тѣмъ, привели городъ въ настоящее его состояніе. Съ тѣхъ поръ онъ не оправлялся, хотя по сихъ поръ имѣетъ торговое значеніе; черезъ Бихаръ не лежащій на берегу судоходной рѣки, и отстоящій далеко отъ желѣзной дороги, производится значительная торговля между городами Патною, Гаею, Хазарибагхомъ и Монгиромъ. Въ дождливое время и отчасти зимою по дорогамъ можно ѣздить только на быкахъ; на быкахъ же перевозятся товары. Торговцы имѣютъ обыкновеніе останавливаться въ Бихарѣ для распродажи части своихъ товаровъ. Одна четвертая бихарскихъ домовъ принадлежитъ хлѣботорговцамъ и продавцамъ бумажныхъ тканей. Въ этомъ городѣ, обиженномъ судьбой, столько разъ раззоряемомъ и нынѣ совершенномъ захолустьѣ, есть однакоже замѣчательное, хотя и небольшое собраніе древностей. Исторія этого мѣстнаго музея, совершенно заброшеннаго, такова: нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ Deputy Magistrate изъ Англичанъ, человѣкъ хотя и безъ большихъ свѣдѣній и безъ надлежащей подготовки, но великій энтузіастъ. Онъ дѣлалъ раскопки на свой счетъ и все, что не находилъ кругомъ въ

окрестностяхъ, все стаскивалъ въ Бихаръ, въ свой домъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; древностей накопилось изрядно при его усердіи къ собиранію, и неизвѣстно до какихъ размѣровъ разросся бы музей любителя археолога; но вдругъ среди этой вполнѣ полезной дѣятельности молва стала обвинять англійскаго чиновника въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи; уликъ было много, и чувствуя себя виновнымъ, археологомъ заблагоразсудилъ бѣжать изъ Индіи, неизвѣстно куда. Передъ этимъ онъ успѣлъ однакоже всѣ собранныя древности вручить на храненіе своему преемнику настоящему Deputy Magistrate. Когда правительство стало требовать ихъ выдачи, сей послѣдній отказался передать древности, утверждая, что онѣ составляютъ частную собственность бѣжавшаго обвиняемаго, но не осужденнаго преступника. Такъ на этомъ дѣло и остановилось; самое собраніе отъ этого много проиграло. Помѣщено оно дурно, да и въ захолустьѣ, а благодаря тому, что связано съ опозореннымъ именемъ, вѣроятно, еще долго ни одинъ Англичанинъ не захочетъ обратить на него надлежащаго вниманія, что очень жалко. Въ этомъ собраніи есть и надписи, и барельефы, и колонны, и статуи, и т. д. Многое весьма любопытно и заслуживало бы лучшаго призора и обнародованія въ фотографическихъ снимкахъ. Въ настоящее время всѣ вещи сложены въ саду и такимъ образомъ подвергаются вліянію измѣняющейся погоды; мокнутъ подъ дождемъ пылятся и мало по малу гибнутъ въ жаркую погоду; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, многое изъ собранія будетъ на всегда утрачено для науки. Уже теперь множество вещей разбито, и куски статуй, даже цѣлые предметы растаскиваются и изчезаютъ. Всѣ предметы музея собраны въ Бихарѣ и принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ буддизма, къ эпохѣ сильнаго развитія миѳологіи; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ цѣнности; съ помощью этихъ образовъ, а еще бо-

лѣе по прочтенiи надписей, является нѣкоторая возможность опредѣлить, какъ долго буддизмъ держался въ Бихарѣ, и какимъ онъ былъ въ послѣднее время своего существованiя въ Индiи. Въ художественномъ отношенiи все собранiе далеко уступаетъ таковымъ же предметамъ, находимымъ въ Пенжабѣ и собраннымъ въ Лагорскомъ музеѣ. Убѣжавшiй собиратель оставилъ подробный каталогъ всѣмъ предметамъ, котораго однакоже нѣтъ теперь въ Бихарѣ, и это очень важная утрата; самое описанiе предметовъ, конечно, можетъ быть вновь составлено, но никто здѣсь, въ настоящее время, не знаетъ, какой предметъ откуда вывезенъ, или гдѣ, въ какомъ положенiи онъ былъ найденъ.

Но музей этотъ составляетъ не болѣе, какъ временную и совершенно случайную красу города. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, опозоренное имя собирателя станетъ забываться, на самое собранiе обратятъ большее вниманiе, и такъ или иначе его должны будутъ перенести въ другое мѣсто; къ тому времени, нужно надѣяться, отстроится окончательно тотъ роскошный караванъ-сарай, который въ мое время начали только воздвигать на деньги, частью собранныя по подпискѣ, частью пожертвованныя однимъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ; и такимъ образомъ Бихару будетъ чѣмъ похвастать и послѣ отнятiя у города музея древностей. Да, никогда не отнимутся у города Бихара его окрестности, замѣчательныя по богатству доставляемаго ими археологическаго матерiала и живописнымъ мѣстоположенiемъ. Около самаго города Бихара есть небольшой холмъ; на немъ нынѣ возвышаются развалины мечети и нѣсколько мусульманскихъ гробницъ. Здѣсь находили буддiйскiя статуи и небольшiя чайтья, и на этомъ основанiи сдѣлано было весьма основательное предположенiе, что мечеть и кладбище заняли мѣсто, гдѣ до того былъ расположенъ буддiйскiй монастырь или храмъ.

О томъ, какой здѣсь былъ храмъ, какъ онъ назывался въ древности, археологи до сихъ поръ спорятъ. Положеніе холма на Ю.-В. отъ Патны и на С.-В. отъ Барагаона или Паланды, даетъ возможность предположить, что холмъ есть именно та уединенная гора, о которой говоритъ Фасянь въ V ст. Въ этомъ мѣстѣ, по его словамъ, находился монастырь, немногочисленные остатки отъ котораго, собраны теперь въ Бихарскомъ музеѣ. Нѣкоторые изъ образовъ, найденныхъ здѣсь были описаны Бродлеемъ и весьма любопытны по разобраннымъ на нихъ надписямъ, впрочемъ довольно позднимъ.

Въ Индіи, внутри страны, вдали отъ желѣзныхъ и большихъ дорогъ, обыкновенно путешествуютъ въ паланкинѣ на людскихъ плечахъ; лошадей не всюду можно достать, да и не всегда удобно проѣхать нѣсколько часовъ подъ вертикально падающими лучами солнца; часовъ въ десять солнце начинаетъ сильно жечь, даже въ декабрѣ или январѣ, то-есть въ срединѣ холоднаго *сезона*, позднѣе жара дѣлается еще томительнѣе.

Въ Бихарѣ плата носильщикамъ не высока и установлена мѣстными властями во избѣжаніе всякихъ пререканій между путешественникомъ и носильщиками: впрочемъ, носильщики такъ мало требовательны, что ничтожный *бакшишъ* удовлетворяетъ ихъ вполнѣ, и за него они готовы на лишнюю услугу. Проходятъ они въ часъ отъ трехъ до четырехъ миль; и чѣмъ больше носильщиковъ, тѣмъ скорѣе свершается передвиженіе. На маломъ разстояніи для одного путешественника вполнѣ достаточно четырехъ или шести человѣкъ. Туземцы весьма часто пускаются и въ дальній путь съ небольшимъ количествомъ носильщиковъ; европейцу, еслибы даже онъ и захотѣлъ такъ путешествовать, никогда это не удастся.

Плата рабочему въ Бихарѣ очень не высока: поденьщикъ получаетъ двѣ *анны*, т. е. $^1/_4$ шил. Поденьщикъ для земледѣль-

ческихъ работъ получаетъ половину этого, или-же онъ оплачивается рисомъ, что составляетъ еще меньше. Въ прежнее время плата была еще ниже. Женщины получаютъ гораздо меньше.

Положеніе земледѣльца въ этихъ мѣстахъ, около Бихара и Гаи не красиво; онъ не владѣетъ землею и по большей части есть только краткосрочный арендаторъ. Случается часто, что онъ не обезпеченъ никакимъ документомъ и во всякое время можетъ быть лишенъ своей аренды.

За аренду земледѣлецъ платитъ или деньгами или продуктами; въ первомъ случаѣ его аренда называется *накди*, во второмъ *бхаоли*. Аренда можетъ быть *вѣчною*, или *временною*, отъ трехъ до девяти лѣтъ. Рента деньгами платится два раза въ годъ, послѣ жатвы; если земледѣлецъ выплачиваетъ свою ренту продуктами, онъ можетъ быть изгнанъ послѣ каждой жатвы. Хотя въ теоріи земледѣлецъ долженъ получать половину продукта, но на самомъ дѣлѣ ему никогда не достается болѣе одной трети, иногда даже меньше. Обыкновенно за нѣкоторое время до жатвы агенты землевладѣльца производятъ оцѣнку будущей жатвы, и, имѣя въ виду пользу своего хозяина и свою собственную, стараются занести въ свои списки будущій урожай въ возможно большихъ размѣрахъ; земледѣлецъ бываетъ вынужденъ ихъ подкупать, для того чтобы добиться правильной оцѣнки, или же платить больше той половины, которую самъ получаетъ. Цѣны на землю около Бихары, какъ и всюду зависятъ отъ ея качества; лучшая земля сдается отъ 1 ф. 4 ш. за акръ до 4 ф. 17 ш. за ту же мѣру; нѣкоторыя земли около города Бихара сдаются по 6 ф. 4 ш. за акръ, но есть также земли по 6 ш. и по 12 ш. за акръ.

Земледѣлецъ арендуетъ большею частью отъ 2 до 16 акровъ; средняя аренда не превышаетъ шести съ половиною акровъ и земледѣлецъ арендующій таковое количество земли, счи-

тается болѣе нежели достаточнымъ. По вычисленію англійскихъ чиновниковъ ежемѣсячный доходъ въ 1 ф. вполнѣ обезпечиваетъ, въ этихъ мѣстахъ, существованіе земледѣльческой семьи, состоящей изъ шести человѣкъ.

Кромѣ земледѣльцевъ арендаторовъ въ округѣ Патны много безземельныхъ батраковъ, и даже поденьщиковъ доведенныхъ бѣдностью до рабства. Въ южномъ Бихарѣ весьма часто случается, что должникъ продаетъ или себя, или своихъ дѣтей въ рабство. Эти рабы, не признанные англійскими законами, существуютъ и носятъ здѣсь различныя названія: нафаръ, лаунди и гхуламъ. Свободному батраку жалованье платится натурою и конечно не высоко, какъ уже объ этомъ было выше замѣчено. Рабъ получаетъ не меньше; имѣя это въ виду онъ рѣдко ищетъ свободы и обыкновенно коратаетъ свой вѣкъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, удовлетворяясь пятью-шестью фунтами рису въ день.

Каміа или пахари нанимаются на цѣлый сезонъ. Обыкновенно имъ дается впередъ отъ 1 ф. до 2 ф. и пахарь сдѣлавшій таковой долгъ, обязанъ служить до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ своего долга. Заимодавецъ снабжаетъ его плугомъ и сѣменами и заставляетъ работать на себя около девяти часовъ въ день. Весьма часто случается, что долгъ никогда не уплачивается и онъ переходитъ отъ отца по наслѣдству къ сыну, который продолжаетъ нести тоже ярмо. Въ одномъ отношеніи положеніе раба (гхуламъ) лучше свободнаго поденьщика: хозяинъ снабжаетъ его не только пищею, но и одеждою; кромѣ того беретъ на себя расходъ при свадьбѣ его дѣтей.

Путешествіе въ паланкинѣ имѣетъ много неудобствъ, хотя и неутомительно. Въ жаркое время въ паланкинѣ душно и пыльно, двигаешься не быстро, и притомъ очень мало видишь окружающей мѣстности; читать въ паланкинѣ можно, но съ великимъ трудомъ.

Въ Бихарѣ не было выбора, и осматривать окрестности безъ лишней траты времени можно только въ паланкинѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Въ шести миляхъ отъ города къ юго-востоку лежитъ деревенька Барагаонъ, около которой есть нѣсколько значительныхъ искусственныхъ прудовъ и рядъ кургановъ, бывшихъ буддійскихъ ступъ. Прежде нежели археологи принялись здѣсь за раскопки, жители окрестныхъ деревень нещадно попользовались и древнимъ матеріаломъ и вымершею святынею. Изъ кирпичей, песчаника строились дома, иногда трехэтажные; земля кругомъ пахалась, и всякая древность, находимая при этомъ, ежели она оказывалась на что-либо годною, пускалась въ дѣло; притолки, карнизы, столбы стаскивались въ дома, старые идолы окрещивались новыми именами и становились предметами почитанія. Таковая эксплуатація древностей продолжается до сихъ поръ, но благодаря раскопкамъ Кеннингэма и Бродлея, многое спасено и вывезено изъ Барагаона, а самыя развалины были описаны, найдено древнее имя Барагаона.

Въ Барагаонѣ были отысканы два священныя изображенія (богини Vâgesvari и Ashta-Sakti), и изъ надписей на нихъ явствуетъ, что еще въ X вѣкѣ (а можетъ быть и гораздо позднѣе) это мѣсто называлось Наланда. Съ этимъ именемъ связана исторія буддійской учености позднѣйшихъ временъ: на мѣстѣ теперешней деревеньки стоялъ обширный и знаменитый монастырь, возникшій, вѣроятно, между V и VII вѣкомъ по Р. Х., хотя самое мѣсто считалось священнымъ гораздо ранѣе, ибо тутъ родился и умеръ Сâрипутра, одинъ изъ первыхъ и любимыхъ учениковъ Гаутамы; но Фасянь, посѣтившій Барагаонъ или Наланду въ V вѣкѣ, не упоминаетъ еще о монастырѣ, а говоритъ только о ступѣ, воздвигнутой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Сâрипутра. Чрезъ двѣсти съ небольшимъ лѣтъ здѣсь жилъ и учился другой китайскій

путешественникъ: Сюанъ-цзанъ нашелъ Наланду въ полномъ блескѣ. Наланда была въ то время и въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій мѣстомъ молитвы и разсадникомъ учености. Въ этомъ мѣстѣ основалось нѣчто подобное нашимъ университетамъ; рядомъ со ста-осьмью храмами здѣсь было столько же школъ, содержавшихся на приношенія отъ царей и богатыхъ людей. Тараната упоминаетъ объ одномъ царѣ, пожертвовавшемъ на школы Наланды сто кувшиновъ золота; другой царь завелъ здѣсь библіотеку, въ которой было громадное количество рукописей: говорятъ, триста двадцать милліоновъ слоговъ были написаны на нихъ. Въ Наланду не только приходили учиться, но являлись также еретическіе учителя оспаривать догматы и философскія положенія буддистовъ. При Арьясангѣ что ни день, то былъ диспутъ. Наланда сталъ процвѣтать вмѣстѣ съ развитіемъ Махаяны; какъ ни далеко отъ насъ это время, но многіе изъ тогдашнихъ порядковъ учебно-монастырской жизни живы въ современной Индіи. Передъ отъѣздомъ въ Бихаръ мнѣ случилось побывать въ Сомнагарѣ. Здѣсь на высокомъ берегу Ганга, въ виду и прямо противъ французскаго города Чендернагора, ража Тагоръ воздвигъ до шестнадцати храмовъ и завелъ школу, устроилъ нѣчто въ родѣ маленькаго монастыря университета Наланда. Храмы, школы, профессора, студенты содержатся на его счетъ. Большинство храмовъ посвящены Сивѣ, и только два составляютъ исключеніе: одинъ посвященъ богинѣ Кали, и кромѣ того, есть храмъ бога Кришны. Самъ ража Тагоръ не принадлежитъ къ сектѣ Вишнуитовъ, хотя и воздвигъ храмъ богу Кришнѣ: между его разнообразнымъ движимымъ имуществомъ нашелся богатый идолъ Кришны съ супругой и это было поводомъ къ постройкѣ шестнадцатаго храма. Всѣ храмы выстроены въ рядъ на берегу Ганга; за ними возвышается зданіе, гдѣ читаются лекціи и живутъ ученики. Въ школѣ изу-

чается исключительно брахманская мудрость и всѣ студенты брахманы. Кромѣ книгъ священныхъ, философскихъ, граматическихъ, здѣсь однако читаютъ и комментируютъ и поэтическія произведенія; также точно и въ Паландѣ отцы-отшельники не только умѣли философствовать о пустотѣ, вызывать духовъ, но и писывали разсужденія о мимикѣ, танцахъ и музыкѣ. Зданіе, въ которомъ читаются лекціи, напоминаетъ нѣсколько планы буддійскихъ монастырскихъ построекъ. Средину зданія занимаетъ обширная зала; къ ней съ двухъ сторонъ примыкаютъ маленькія аудиторіи, въ которыхъ собственно читаются лекціи. Профессоръ и ученики сидятъ на полу, на разостланныхъ цыновкахъ; учениковъ у каждаго профессора не много, человѣкъ пять-шесть, и всѣхъ ихъ считается въ школѣ не болѣе пятидесяти. Мнѣ сопутствовалъ одинъ извѣстный профессоръ философіи изъ Калькутскаго университета; передъ такимъ знаменитымъ посѣтителемъ и профессора, и студенты весьма естественно желали отличиться и показать товаръ лицомъ; въ одной аудиторіи мѣстный профессоръ логики (nyâya) затѣялъ-было даже диспутъ: по поводу одного мѣста разбиравшейся книги онъ сталъ доказывать бытіе Исвары (то-есть, Бога); вмѣшался профессоръ изъ столичнаго университета, и къ сожалѣнію, провинціалъ былъ побитъ, впрочемъ, послѣ долгихъ преній, продолжавшихся чуть ли не цѣлый часъ. Для житья студентамъ отведено особенное зданіе; у каждаго есть своя маленькая спальня; всѣ спальни очень чисты, и во всѣхъ полное отсутствіе всякой мебели; цыновка и подушка—вотъ и все, что требуется для комфорта мѣстнаго студента. Всѣ они стипендіаты и получаютъ, кромѣ квартиры и книгъ, отъ четырехъ до пяти рупи въ мѣсяцъ (то-есть, отъ 8 до 10 шиллинговъ). Жалованіе профессорамъ также умѣренно: есть такіе, которые получаютъ отъ шестнадцати до двадцати рупи въ мѣсяцъ; пятьдесятъ рупи получаетъ только

одинъ, именно профессоръ логики. Плата эта не покажется слишкомъ низкою, если принять въ расчетъ, какъ мало туземецъ можетъ тратить въ Индіи на свое помѣщеніе, одежду и ѣду. Всѣ потребности Европейца не существуютъ для него; онъ живетъ по своему и тратитъ баснословно мало. Въ Наландѣ было такое же учрежденіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и притомъ не брахманское, а буддійское. Тамъ было большое число какъ храмовъ, такъ и коллегій; но учились по тому же методу, какъ и нынѣ въ туземныхъ школахъ; диспутировали также, какъ и понынѣ препираются туземные діалектики.

Въ то отдаленное отъ насъ время въ Наландѣ было, конечно, гораздо болѣе матеріальныхъ средствъ, нежели въ современныхъ намъ подобныхъ учрежденіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ учащихъ было гораздо болѣе творческой силы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь именно выработалась окончательно та религіозная система, которая до сихъ поръ крѣпко держится въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ и Монголіи. Долгое время Наландскій буддійскій университетъ былъ центромъ буддійской учености, и до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій объ его окончательномъ разрушеніи; извѣстно только, что Наланда разрушался и возобновлялся нѣсколько разъ; враги не щадили ни его внѣшняго благолѣпія, ни его ученыхъ средствъ; разрушали храмы и другія зданія, сжигали библіотеки, разгоняли ученыхъ отшельниковъ. Разрушали Наланду не только войска еретическихъ царей, нападавшихъ на Магаду: университетъ Наландскій поджигали учителя враждебныхъ сектъ. И это повторялось не разъ въ теченіи многихъ столѣтій его существованія. Мы знаемъ, напримѣръ, что разъ въ Наландѣ происходило освященіе новаго храма, воздвигнутаго частною благотворительностью. Собралось множество народу, и монахи угощали гостей; въ числѣ гостей было два

нищихъ не буддиста; срамaнеры, то-есть, ученики-послушники, вздумали надъ ними подшутить; они облили гостей помоями, ущемили ихъ въ дверяхъ и натравили на нихъ собакъ; разгнѣванные нищіе отмстили за себя; они подожгли монастырь; погорѣли храмы, школы, кумиры; сгорѣло и книгохранилище. То было однако же не окончательное разрушеніе монастыря; послѣ того онъ возродился, и исторія знаетъ, что не разъ онъ подвергался нападеніямъ; поэтому, нисколько не удивительно, что въ настоящее время въ Барагаонѣ, на мѣстѣ прежняго Наландскаго университета, осталось очень не много отъ прежняго великолѣпія; надъ уничтоженіемъ древностей потрудилось не только время, но и люди, ибо Индійцы не умѣютъ цѣнить древности, не смотря на консервативность своего народнаго характера.

Развалины Наланды лежатъ на юго-западъ отъ деревеньки Барагаонъ; когда начинаешь приближаться къ деревнѣ, съ сѣверо-востока, то не видъ развалинъ бросается въ глаза — такъ онѣ незначительны, — а искуственныя озера, окружающія ихъ. Первое озеро, съ котораго я началъ обзоръ развалинъ, называется Диргха-Покхаръ; оно находится на сѣверо-востокъ отъ деревни; съ востока на западъ оно простирается по крайней мѣрѣ на милю, и на четверть мили съ сѣвера на югъ; кругомъ его осѣняетъ прекрасная роща деревъ манго. Нѣсколько южнѣе, къ востоку отъ развалинъ находится другое озеро Пансокаръ-Покхаръ, почти такихъ же размѣровъ, какъ и сейчасъ упомянутое. На югъ отъ развалинъ лежитъ третье большое озеро Индра-Покхаръ. Нѣсколько меньшихъ озеръ виднѣются кругомъ развалинъ въ разныхъ сторонахъ, всѣ эти озера искуственныя, и о нихъ уже говоритъ Сюанъ-цзанъ (VII в. по Р. Х.); въ его время они были покрыты лотусами, и тѣнистые сады тянулись по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь среди ровныхъ рисовыхъ полей, отъ сѣвера къ югу, видѣнъ,

рядъ кургановъ. Обиліе воды и тѣни не составляетъ въ полуденномъ климатѣ только роскошь; то и другое заводится не только ради красы, но и какъ предметы первой потребности; южанинъ сознаетъ это вполнѣ и вполнѣ умѣетъ цѣнить красу тѣни и воды. Здѣсь, среди обилія воды и тѣнистой прохлады разсѣяны были высокія башни, разукрашенные павильоны, въ которыхъ производились диспуты, и раздавалось слово поученія; возвышались тѣ зданія и храмы, о которыхъ Сюанъ-цзанъ восторженно говоритъ, что „ихъ купола достигали поднебесья, а изъ оконъ храмовъ виднѣлось мѣсторожденіе вѣтра и тучъ; луна и солнце показывались на уровнѣ ихъ высокихъ крышъ“.

Подвигаясь отъ озера Диргха-Покхаръ на юго-западъ, прежде нежели дойдешь до ряда бывшихъ ступъ, по дорогѣ встрѣчается нѣсколько остатковъ буддизма, котораго въ настоящее время народъ совершенно не помнитъ и не знаетъ даже по наслышкѣ. Проходишь мимо изображенія Будды; онъ представленъ сидящимъ, какъ бы погруженнымъ въ созерцаніе; кругомъ него стоятъ ученики, и надъ головою каждаго изъ нихъ надписи, изъ которыхъ явствуетъ, что четыре фигуры изображали: 1) Сарипутру, 2) Маудгальяяну, 3) Майтреянипутру и 4) Васумитру. У главной фигуры отколотъ носъ, а лобъ вымазанъ охрою *). Идолъ до сихъ поръ, подъ именами Теліа Бхандаръ и Бхайравы, чтится жителями сосѣднихъ деревень. Не въ далекомъ разстояніи отсюда стоитъ Ficus religiosa; дерево окружено маленькою террассой, на которой разставлено нѣсколько изображеній Будды; всѣ они вымазаны охрой, и значитъ, до сихъ поръ чтутся Индусами подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Рядомъ съ святымъ деревомъ отгороженъ кирпичною новою стѣною небольшой дворикъ;

*) Охрою мажутъ идола во время жертвоприношенія. Это вѣрный признакъ того, что изображеніе считается святымъ и чтится нынѣ.

нѣсколько фигуръ Будды разставлены на немъ въ рядъ, и одна изъ нихъ громадныхъ размѣровъ, не менѣе осьми футовъ въ вышину. Будда изображенъ погруженнымъ въ созерцаніе, вымазанъ охрой и въ настоящее время слыветъ подъ именемъ Теліабхандаръ. Кругомъ въ очень многихъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ стоятъ или лежатъ древніе идолы; между ними попадаются изображенія брахманическихъ боговъ, напримѣръ, изображеніе богини Дурги, съ буддійскимъ символомъ вѣры (ye dharma hetu и т. д.) кругомъ головы и съ изображеніемъ созерцающаго Будды въ волосахъ. Не въ далекомъ разстояніи отсюда начинается тотъ рядъ ступъ, о которомъ я упоминалъ выше; шесть изъ нихъ возвышаются одна за другою по одной линіи отъ сѣвера къ югу. Всѣ эти курганы подверглись раскопкамъ и доставили значительное количество идоловъ; часть этихъ идоловъ находится теперь въ Бихарѣ; нѣкоторые видны до сихъ поръ на мѣстѣ, и неизвѣстно, сколько изъ ихъ числа затерялось и погибло. Самый любопытный изъ кургановъ — центральный или четвертый отъ сѣвернаго конца; онъ разчищенъ на столько, что даетъ возможность безошибочно опредѣлить, что здѣсь стоялъ храмъ нижняя часть котораго еще сохранилась; онъ былъ, вѣроятно— на сколько можно судить по сохранившемуся, выстроенъ въ стилѣ храма въ Будда-Гаѣ и по времени относится къ X вѣку или нѣсколько ранѣе; объ этомъ можно заключить изъ надписи, найденной здѣсь у дверей храма, обращенныхъ на востокъ. Ни самой надписи, ни всѣхъ тѣхъ столбовъ и украшеній, о которыхъ говоритъ Бродлей, производившій раскопки, въ настоящее время нѣтъ на мѣстѣ. Можно предположить, что черезъ нѣкоторое время и самыя стѣны храма начнутъ разбираться, и память о барагаонскихъ развалинахъ останется только въ археологическихъ сочиненіяхъ. О самомъ храмѣ я не стану говорить, такъ какъ опишу этотъ стиль построекъ

въ Будда-Гаѣ. Географическое положеніе и надписи убѣждаютъ въ томъ, что на мѣстѣ Барагаона дѣйствительно стоялъ монастырь Наланда, но необходимо очень значительное усиліе фантазіи, для того, чтобы среди этихъ раскопанныхъ и ограбленныхъ кургановъ отыскивать слѣды тѣхъ зданій, о которыхъ упоминается въ VII вѣкѣ. Для того, чтобы наивно вѣрить въ таковыя отожествленія, нужно забыть все то малое, что намъ извѣстно изъ исторіи Наланды. Уцѣлѣли отъ того времени озера; такого рода сооруженія трудно уничтожить, да и не къ чему; на югѣ вода особенно дорога каждому. Къ тому-же одинъ изъ здѣшнихъ прудовъ *Сурожъ-талао*, т. е. прудъ Солнца до сихъ поръ считается святымъ. Въ дни праздника Чхатъ ежегодно сюда собираются для купанія до десяти тысячъ женщинъ.

Осмотрѣвъ Барагаонъ, я вернулся назадъ въ Бихаръ, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ Гаю и по дорогѣ побывать въ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ мѣстностяхъ. Ближайшее къ Бихару и наиболѣе примѣчательное есть Ражагриха; въ переводѣ это имя значитъ „царскій домъ“ или даже „царьградъ„, понимая *градъ* въ смыслѣ „городьбы“. Мой любезный хозяинъ, Бенгалецъ, вызвался доставить меня туда на лошадяхъ. 2-го марта, часовъ въ двѣнадцать, мы выѣхали изъ Бихара на юго-западъ, по большой дорогѣ. Было жарко, но поднятый верхъ экипажа защищалъ насъ отъ палящихъ лучей солнца; путь предстоялъ не долгій и по мѣстности очень красивой; мы безпрестанно проѣзжали мимо деревенекъ, группъ глиняныхъ мазанокъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ, съ узкими переулками между отдѣльными дворами. Рисовыхъ полей видно много; но въ деревняхъ не видно большаго довольства; жители были грязны и по обычаю страны совершенно почти раздѣты; самое необходимое прикрытіе наготы было на нихъ и грязно, и въ лохмотьяхъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ со-

бирается одна только жатва и о положеніи земледѣльческаго класса можно судить по тѣмъ немногимъ даннымъ которыя были приведены выше. На половинѣ дороги, у мѣстечки Seelao (а не Seetao, какъ обыкновенно стоитъ на картахъ) мы свернули съ большой дороги къ югу и около трехъ часовъ были въ Ражагрихѣ. Есть два города этого имени — старый, бывшій въ развалинахъ уже въ V вѣкѣ, и новый, въ которомъ живутъ до сихъ поръ, но гдѣ нѣтъ ничего древняго, ни любопытнаго. Оба города расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга: едва выѣдешь изъ новаго города, тотчасъ же на вершинѣ холмовъ показываются остатки древнихъ городскихъ стѣнъ; эти внѣшнія стѣны имѣютъ въ окружности около восьми миль; толщина ихъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ сохранились достигаетъ 13 ф. За этими стѣнами, бывшими въ развалинахъ уже въ VII вѣкѣ, при Сюанъ-цзанъ есть еще внутреннія, гораздо лучше сохранившіяся. Уже недоѣзжая послѣднихъ, необходимо оставить экипажъ и идти далѣе пѣшкомъ; ни одна лошадь и никакія колеса не выдержатъ прогулки по мѣсту, такъ обильно усѣянному старыми кирпичами и всякими осколками. Миновавъ стѣны черезъ узкій проходъ, вступаешь въ долину, гдѣ стоялъ старый городъ и, гдѣ теперь никто не живетъ. Въ буддійскихъ пѣсняхъ, прославлявшихъ первую дѣятельность великаго индійскаго учителя, это мѣсто названо giribbajja или загонъ, образуемый горами. Горы съ пятью выдающимися пиками образуютъ здѣсь долину; наибольшая ея длина отъ запада къ востоку, а наименьшая съ сѣвера на югъ; въ окружности она имѣетъ не болѣе пяти миль; когда глядишь въ нее съ сѣвера, долина кажется окруженною сплошною стѣною крутыхъ, хотя и невысокихъ горъ; по ихъ обрывистымъ склонамъ скудно растетъ кое-гдѣ травка, а на вершинѣ ихъ бѣлѣются новые жайнскіе храмы. По самой долинѣ съ сѣвера на югъ извивается по

каменистому руслу маленькая рѣчка Сарасвати. Ея берега буквально усѣяны кирпичами,—камнями старыхъ построекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимымъ мелколѣсьемъ изъ колючихъ кустовъ и высокой травы tulsi. Груды кирпичей, небольшіе курганы, остатки бывшихъ ступъ видны со всѣхъ сторонъ. Въ тѣни небольшой рощи, у сѣвернаго входа въ долину, намъ разбили палатку. Къ востоку поднималась гора Випула, съ бѣлымъ жайнскимъ храмомъ на вершинѣ, къ юго-западу гора Байбхаръ, гдѣ семь святыхъ теплыхъ источниковъ и нѣсколько новыхъ храмовъ, посвященныхъ Махадевѣ. Нѣсколько далѣе къ юго-востоку видна гора Ратнагири; узенькое ущелье, совершенно незамѣтное издали, отдѣляетъ ее отъ горы Удаягири. На югѣ долина замыкается горою Сонагиръ.

Старый городъ Ражагриха—мѣсто памятное и даже святое не только для однихъ буддистовъ. Начало его исторіи восходитъ въ глубокую древность; здѣсь стояла столица Магадскаго царства, и брахманское преданіе локализировало здѣсь много сагъ изъ великой индійской эпопеи Махабхараты. За брахманами пришли буддисты и говорятъ, что Бимбисара, первый царь, покровительствовавшій ихъ ученію, жилъ здѣсь; сюда явился испрашивать милостыню бѣжавшій изъ отчаго дома царскій сынъ Гаутама. Въ той горѣ, гдѣ теперь стоятъ храмы Махадевы, до сихъ поръ видна естественная пещера, куда онъ удалялся въ полдневный жаръ, на отдыхъ. Въ Ражагриху возвращался Гаутама нѣсколько разъ во время своей проповѣднической дѣятельности; послѣ его смерти сюда собрались его осиротѣлые ученики. За всѣмъ тѣмъ, городъ никогда не пользовался особеннымъ значеніемъ въ буддійскомъ мірѣ. Онъ былъ несомнѣнно хорошо обстроенъ храмами и ступами; были здѣсь и монастыри; но ни одинъ изъ нихъ не пользовался такою громкою извѣстностью, какъ Наланда или бенаресскіе

монастыри. Въ V вѣкѣ городъ былъ уже въ развалинахъ; нужно предполагать, что періодъ его упадка начался задолго передъ тѣмъ и еще въ то время, когда буддисты были сильны своимъ общественнымъ значеніемъ и богатствомъ въ другихъ мѣстахъ Индіи. За буддистами здѣсь стали преобладать брахманы; этихъ послѣднихъ смѣнили мусульмане. Брахманы настроили здѣсь своихъ храмовъ, мусульмане — мечетей и гробницъ; и не нужно большой зоркости, чтобъ убѣдиться, что какъ тѣ, такъ и другія, строились и украшались изъ стараго буддійскаго матеріала; самые кумиры брахманы усвоивали себѣ и чтили ихъ. И такъ, почти всюду въ Бихарѣ и въ остальныхъ древнихъ мѣстахъ Индіи совершенно неожиданно можно отыскать остатокъ глубокой древности въ зданіи выстроенномъ чуть-ли не наканунѣ. Въ Ражагрихѣ, кромѣ того, старымъ буддійскимъ матеріаломъ сильно попользовались Жайны, строившіе храмы по вершинамъ окружныхъ горъ. Хотя Ражагриха—мѣсто святое по настоящее время, но богомольцевъ здѣсь я нашелъ не много; не много ихъ было видно и по дорогѣ сюда; и только рано утромъ по долинѣ замѣтно нѣкоторое движеніе; пилигримы изъ отдаленныхъ мѣстъ Индіи, преимущественно Жайны, иногда изъ средины Пенжаба, сходятся около теплыхъ источниковъ; въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ носилкахъ разносятъ богомолокъ на вершины горъ, по разнымъ храмамъ: долина унылая и совершенно тихая въ остальные часы дня, часовъ въ шесть утра оживляется на короткое время; слышится говоръ у источниковъ; по склонамъ горы издали бѣлѣются чистыя одѣянія предпріимчивыхъ богомольцевъ, поднимающихся къ чудотворнымъ слѣдамъ жайнскихъ святыхъ. Во всѣхъ этихъ храмахъ, какъ я уже замѣтилъ, есть непремѣнно что-либо древнее, и къ каждому храму, расположенному на крутой высотѣ, подниматься не легко: подъемъ крутъ, и ничья рука не позаботилась облегчить путь

къ святынѣ. Женщинъ и стариковъ обыкновенно вносятъ на горы въ особоустроенныхъ носилкахъ; нельзя не подивиться искусству, выказываемому при этомъ носильщиками, а также и храбрости сидящихъ въ носилкахъ; когда смотришь на поднимающихся носильщиковъ снизу, кажется, что или сѣдока они выбросятъ, или носилки соскользнутъ съ ихъ плечъ и полетятъ внизъ по крутизнѣ. Но ни того, ни другаго никогда не случается.

Къ теплымъ источникамъ на Байбхарской горѣ поднимаешься по прекрасной каменной лѣстницѣ; у подошвы горы протекаетъ рѣчка Сарасвати, а у самыхъ источниковъ стоятъ нѣсколько брахманскихъ храмовъ, и здѣсь постоянный притонъ множества нищихъ, изъ касты брахмановъ; эти полунагіе попрошайки не даютъ проходу никому, и у Европейца, и у Жайна они вымаливаютъ милостыню, но особенно же привязчивы къ богомольцамъ Индусамъ. За всѣмъ тѣмъ доходъ ихъ не великъ. У этой одной горы теплыхъ источниковъ семь; они называются: Gangâ-Yamunâ-Kund, Anand-Rishi, Markand, Byâs, Satdvâra Brahma-Kund, Kasîtîrth; вода, температура которой въ Brahma-Kund доходитъ до 105° по F., вытекаетъ изъ каменныхъ трубъ, украшенныхъ головами львовъ и тигровъ, и собирается въ каменныхъ бассейнахъ. Уже Сюанъ-цзанъ упоминаетъ объ этихъ скулптурныхъ украшеніяхъ трубъ. Въ храмахъ поражаетъ обиліе буддійскаго наслѣдія; здѣсь даже небольшія чайтьи *) изъ гранита обращены въ lingam; много и другаго понатаскано сюда изъ бывшихъ буддійскихъ храмовъ и часовень. Къ юго-западу отъ источника Markanda-Kund, на высотѣ 276 футовъ, выдается довольно значительная платформа. Она сложена изъ громадныхъ не обточенныхъ

*) Чайтья то же, что ступа; онѣ бываютъ различныхъ величинъ и всегда имѣютъ форму опрокинутой вверхъ дномъ чаши: Иногда бока изукрашены рѣзьбой; lingam – phallus: эмблема Сивы или Махадевы.

камней и называется Jarasandhakâ baithak, то есть, тронъ Ж; высота этой платформы 28 футовъ; у ея подножія есть нѣсколько пещеръ, шести и восьми футовъ въ квадратъ. Въ иную пору года въ этихъ пещерахъ бываютъ временные жильцы, факиры различныхъ сектъ. Таковое ихъ назначеніе было издревле, и по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь образцы древнѣйшихъ буддійскихъ келій. Двѣ изъ этихъ келій находятся на восточной сторонѣ, пять — на сѣверной. Таковую же пещеру я замѣтилъ къ западу отъ Brahma-Kund, шаговъ въ сто съ небольшимъ; она высѣчена въ боку горы, на довольно значительной высотѣ. Еще далѣе къ западу въ гору вьется широкая тропинка, сильно поросшая колючимъ кустарникомъ. Плоскость платформы имѣетъ пятьдесятъ квадратныхъ футовъ; сзади ея находится большая пещера, въ которую спускаются по нѣсколькимъ ступенямъ, сложеннымъ изъ кирпича. Проникнуть въ эту пещеру въ мое время было нелегко, такъ она была завалена обрушившимися камнями и кирпичами. Размѣры ея впрочемъ извѣстны: 36 футовъ съ востока на западъ и 26 съ сѣвера на югъ; высота отъ 18 до 20 футовъ. Въ этой пещерѣ Бродлей нашелъ изображеніе Будды изъ чернаго базальта, и эта находка заставляетъ предполагать, что пещера была храмомъ такимъ же не замысловатымъ, какой до сихъ поръ существуетъ ниже, у одного изъ источниковъ (sâd-dvara), и называется храмомъ семи мудрецовъ. Онъ — также искусственная пещера, но гораздо меньшихъ размѣровъ, и кромѣ изображенія семи мудрецовъ, ничѣмъ не украшенъ. На платформѣ передъ пещерою, входъ въ которую обращенъ на востокъ, есть три мусульманскія гробницы. Поднимаясь выше къ вершинѣ, на высотѣ 800 фут. достигаешь второй платформы, очень схожей съ первою; отсюда вверхъ идутъ остатки стѣны отъ 14 до 15 футовъ ширины; по ней, какъ по тропинкѣ, взбираешься къ Жайнскому

храму, стоящему на высотѣ 1300 ф. Къ югу и юго-западу есть развалины двухъ буддійскихъ храмовъ. Особенно замѣчателенъ тотъ, который стоитъ къ юго-западу. Онъ очень хорошо сохранился; его главный ходъ былъ обращенъ на востокъ; на протяженіи пятнадцати футовъ идетъ колоннада, входящая въ квадратную комнату; двѣнадцать высокихъ колоннъ поддерживали нынѣ обвалившійся потолокъ, изъ этой комнаты три ступени вверхъ вели во вторую—меньшую, но болѣе высокую. Притолка двери, ведущей въ эту комнату, украшена скульптурною работою, очень грубою. Надъ дверью есть изображеніе Будды. Едва ли нужно упоминать, что съ этой высоты изъ храма открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ: отсюда видѣнъ новый городъ Ражагриха, Бихаръ и даже барагаонскіе курганы.

На вершинѣ Байбхарской горы есть нѣсколько жайнскихъ храмовъ; отсюда, не спускаясь въ долину, можно пробраться къ пещерѣ Sonbhandar, находящейся на южномъ склонѣ горы; я предпочелъ однакожь сойдти внизъ и дойдти до пещеры по долинѣ; отъ теплыхъ источниковъ до нея считается не болѣе мили. Сонбхандарская пещера или въ переводѣ „кладовая золота“ есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ остатковъ древностей, видѣнныхъ мною въ Бихарѣ. Она любопытна сама по себѣ, какъ памятникъ глубокой древности, независимо отъ той исторіи, которую навязываютъ ей мѣстные археологи, и которая болѣе нежели сомнительна. Пещера, въ которой — говорятъ – происходилъ первый соборъ буддистовъ, находится на южномъ склонѣ горы. Сюанъ-цзанъ, описывая свое пребываніе въ Ражагрихѣ, говоритъ между прочимъ, что онъ видѣлъ „большой каменный домъ“, гдѣ будто бы происходилъ этотъ первый соборъ и домъ этотъ стоялъ въ такомъ мѣстѣ, которое только съ великими натяжками можно пріурочить къ настоящему положенію пещеры. Если въ

VII вѣкѣ по Р. Х. память о первоначальномъ, настоящемъ мѣстѣ собраній святыхъ отцовъ на столько затемнилась, что для ихъ помѣщенія отводится большое зданіе, то не значитъ ли это, что уже тогда пещеры не помнили, и ея не существовало, а потому невѣроятно, чтобъ именно эта пещера отыскалась въ XIX вѣкѣ.

Къ пещерѣ нужно подниматься теперь по тропинкѣ, а первоначально вмѣсто нея, вѣроятно, на верхъ шла лѣсенка. Передъ самою пещерой находится платформа, около 100 футовъ въ квадратъ; часть этой плоскости, можетъ быть, была застроена крытою верандой, ибо на внѣшней стѣнѣ пещеры видны квадратныя правильныя углубленія, куда вставлены были балки. Кучи кирпича и камни разбросаны по платформѣ. Внѣшній фасадъ пещеры такъ гладокъ и ровенъ, что издали кажется полированнымъ, онъ —44 ф. въ длину и 16 ф. въ вышину. Съ западной стороны выдается скала, но на восточной высѣчены двадцать узенькихъ ступенекъ. Совершенно правильно вырубленная дверь ведетъ въ пещеру; ширина двери—$3^1/_2$ ф., высота—6 ф. 4 в. Толщина стѣнъ въ три фута; къ западу отъ двери есть окно, имѣющее три фута въ ширину и высоту. По этому же направленію находится безголовое изображеніе Будды и коротенькая надпись въ двѣ строки. Азбуку надписи должно отнести къ началу нашей христіанской эры. Какой-то Vairadeva, отшельникъ, пишетъ о себѣ, что онъ здѣсь жилъ и предавался созерцанію. Внутренность пещеры подъ сводомъ имѣетъ 33 фута въ длину и 17 футовъ въ ширину. По стѣнамъ есть нѣсколько надписей новѣйшею азбукою, но которыя, тѣмъ не менѣе, трудно разобрать. Внутри пещеры есть небольшая чайтья, изукрашенная изображеніями Будды, очень тонкой работы. Эта пещера есть древнѣйшій образецъ индійской архитектуры: нѣсколько подобныхъ безъискусственныхъ пещеръ находятся на островѣ Цейлонѣ. Сонб-

хандарская пещера есть образецъ древней буддійской кельи, превращавшейся иногда, то-есть, во время „обряда исповѣди“ (упошатхи), въ храмъ; она гораздо древнѣе всего того, что мы находимъ въ ней, какъ надписей, такъ и чайтьи; послѣдняя, по всей вѣроятности, занесена сюда очень недавно.

Въ Ражагрихѣ есть много примѣчательнаго; такъ у горы Випулѣ есть нѣсколько другихъ теплыхъ источниковъ. Изъ нихъ одинъ считается святымъ и Индусами, и мусульманами. У горы Удаягиръ показываютъ платформу или тронъ Бхимасена. На вершинахъ во всѣхъ почти храмахъ можно найдти что-либо древнее. Не всѣ эти древности имѣютъ одинаковую научную цѣнность; но многое давно слѣдовало-бы сдѣлать общедоступнымъ въ фотографіяхъ. Самыя отчетливыя описанія здѣшнихъ древностей далеко не достаточны; если же къ описаніямъ, какъ это часто случается присоединяется еще желаніе отождествить описываемое мѣсто съ какимъ либо монастыремъ или храмомъ, упоминаемымъ въ запискахъ китайскихъ путешественникъ, тогда авторы къ сожалѣнію невольно начинаютъ впадать въ натяжки и описаніе оказывается не вполнѣ правдивымъ.

2.

5-го марта я оставилъ старый городъ Ражагриху и по пути въ Гаю намѣревался осмотрѣть два мѣста—Гирьекъ и Павапури.

Гирьекъ лежитъ на востокѣ отъ Ражагрихи, въ нѣсколькихъ миляхъ. Часовъ въ восемь утра я уже былъ тамъ, и желая попасть въ тотъ же день въ Павапури, тотчасъ же принялся за осмотръ древностей. Здѣсь двѣ археологическія достопримѣчательности: первая—Jarasandhaka baithak, и вторая—пещера Gidha-dvar. Прямо къ трону Жарасанды и принесли мой паланкинъ, но я хотѣлъ осмотрѣть сначала пещеру

и долго проискалъ ее; найдти ее впрочемъ очень легко,—не нужно только расспрашивать носильщиковъ, которые хоть и знаютъ пещеру, но никакъ не могутъ понять, какъ такая пустая вещь можетъ кого-либо, тѣмъ болѣе *са'аба*, интересовать, и на этомъ основаніи отказываются незнаніемъ, полагая, что са'абъ ищетъ, что-либо болѣе путное. Деревенька Гирьекъ расположена на берегу рѣки Панчана; на западномъ, противоположномъ берегу круто поднимаются два пика, которыми замыкаются два параллельные кряжа горъ, тянущихся отъ Гаи въ сѣверо-западномъ направленіи, на протяженіи 36 миль. Пики соединены искуственною террасой, и на томъ и другомъ есть развалины. Повернувъ отсюда на юго-западъ и пройдя около мили, достигаешь узенькой долины, въ которой шумливо извивается р. Бангангa; здѣсь на южномъ склонѣ сѣвернаго кряжа, на высотѣ 250 ф., бросается въ глаза совершенно круглое отверзтіе; снизу оно кажется небольшою трещиною въ скалѣ, но когда поднимаешься на высоту, то найдешь, что въ пещеру открывается пространный входъ, 10 ф. въ ширину и 17 въ вышину. Самая пещера довольно длинна. Кеннингэмъ насчитываетъ 98 ф. въ длину; высота ея уменьшается къ концу, и сводъ постепенно склоняется къ полу. Высокая температура, отвратительный запахъ, темнота и тысячи летучихъ мышей дѣлаютъ невозможнымъ продолжительное пребываніе въ пещерѣ. Видъ съ верху очень оригиналенъ и какъ-то дико грандіозенъ; кругомъ поднимаются голыя гранитныя скалы, внизу растительность то же скудная; тишина нарушается только крикомъ коршуновъ, — ихъ здѣсь многое множество, и уже самое названіе пещеры указываетъ на это (Gidha-dvar, то-есть: врата коршуна). Спустившись назадъ въ долину, усыпанную обломками скалъ, я отправился назадъ къ трону Жарасанды. Въ этомъ мѣстѣ, какъ я уже сказалъ, находятся два пика: на вершину западнаго вела когда-

то лѣстница; кое-гдѣ еще и теперь можно замѣтить ступени; здѣсь, по всей вѣроятности, стоялъ монастырь или храмъ: до сихъ поръ видны остатки стѣны и кое-гдѣ гранитные столбы, и вся продолговатая терраса вымощена. Широкая дорога, родъ террасы, соединяющей оба пика, ведетъ на восточный пикъ, гдѣ находится ступа въ формѣ цилиндра, народомъ называемая „тронъ Жарасанды“. Цилиндръ возвышается на квадратномъ пьедесталѣ, 14 ф. въ вышину; въ діаметрѣ цилиндра ступа имѣетъ 28 ф., а въ вышину — 21 футъ. Эти развалины неизвѣстнаго мнѣ монастыря слѣдовало бы болѣе тщательно осмотрѣть; но недостатокъ времени заставилъ меня скоро спуститься внизъ. Монастырь, который стоялъ здѣсь, и вышеупомянутая пещера во время оно были, вѣроятно, въ связи; здѣсь на этихъ пикахъ стоялъ храмъ и кельи: тутъ жили монахи, совершавшіе обычное буддійское богослуженіе и обряды; туда же въ пещеру, въ тихое уединеніе, отправлялись тѣ изъ нихъ, которые посвящали себя созерцанію или позднѣе, въ пору развитія тантръ, вызыванію духовъ, боговъ, бодисатвъ. О томъ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ разыгрывалась фантазія у отшельниковъ, поселявшихся въ глуши въ пещерахъ, подобныхъ Гирьекской, мы знаемъ изъ массы завѣщанныхъ намъ буддійскихъ легендъ; эти легенды и вся система тантрійскаго волхвованія могли развиваться и гнѣздиться именно въ такихъ трущобахъ, унылыхъ и дикихъ, вдали отъ всякаго житейскаго шума.

Павапури, мѣсто древнее по преданію, лежитъ на сѣверо-западъ отъ Гирьека; кромѣ нѣсколькихъ новыхъ жайнскихъ храмовъ, здѣсь нѣтъ ничего примѣчательнаго или древняго. Изъ храмовъ самый любопытный по своему богатству—тотъ, который выстроенъ на островѣ, среди большаго озера, переполненнаго рыбами; узенькій мостъ (150 ф. длины) перекинутъ чрезъ озеро къ храму; доступъ въ храмъ всѣмъ Евро-

пейцамъ воспрещенъ; но священнодѣйствующій въ храмѣ (pujâri)—не жайнской религіи, а Индусъ и принадлежитъ къ брахманской кастѣ. Всѣ храмы отличаются богатствомъ, роскошью внутри, но не красотой. У входа въ одинъ изъ храмовъ я замѣтилъ два громадные lingam, краснаго цвѣта. Эти сиваитскія божества стояли тутъ какъ знакъ компромисса, существующаго здѣсь между Жайнами и Индусами. Храмы въ Павапури усердно посѣщаются какъ тѣми, такъ и другими. Помѣщеніе для богомольцевъ, выстроенное около одного изъ храмовъ, видимо разчитано на громадное ихъ число. Осмотромъ Павапури и закончимъ этотъ день (5-го марта). Переночевавъ въ Навадѣ у г. Б., на другой день раннимъ утромъ я отправился въ Гаю.

3.

Городъ Гая лежитъ на западномъ берегу рѣки Фалгу, у подошвы горы называемой Брахмаіони. Уже по дорогѣ убѣждаешься, что туда стекаются Индійцы отовсюду: такая масса разнообразнаго люда идетъ въ Гаю и изъ Гаи; пѣшеходы, путешественники на *еккахъ* *), верблюдахъ, слонахъ, крытые паланкины съ женщинами, широкія открытыя носилки съ земиндарами и т. д., весь этотъ богомольствующій людъ попадается на встрѣчу или слѣдуетъ за вами во все продолженіе дороги. Ѣдутъ въ Гаю свершать *поминальную жертву* а на всѣхъ лицахъ столько радости, точно впереди ожидаетъ не грустный обрядъ, а праздникъ и веселье. Большинство тѣхъ, кто ѣдетъ въ Гаю „поминать родителей", — люди съ хорошими матеріальными средствами, ибо свершить въ Гаѣ сраддху стоитъ изрядныхъ денегъ: при этомъ нужно задать

*) Екка—мѣстная двуколеска, въ одну лошадь очень неудобная. Туземцы охотно путешествуютъ въ ней.

хорошее угощеніе брахманамъ, а въ Гаѣ столько голодныхъ брахмановъ, что въ концѣ концовъ итогъ расходовъ по поминкамъ можетъ дорости до очень значительной цифры. Въ Калькуттѣ я зналъ одного богатаго Индійца, писателя и археолога; онъ не принадлежалъ къ кастѣ брахмановъ и былъ скорѣе деистомъ, нежели Индусомъ, — тѣмъ не менѣе ради поддержанія своего общественнаго положенія и вліянія онъ считалъ долгомъ соблюдать всѣ индусскіе обряды и въ томъ числѣ, само собою разумѣется—сраддху. Онъ мнѣ говорилъ, что не ѣдетъ въ Гаю, не смотря на сильное желаніе побывать тамъ для полнаго выясненія нѣкоторыхъ соображеній по археологическимъ вопросамъ,—не ѣдетъ, избѣгая тратъ; онъ не свершалъ еще сраддхи по смерти отца, а помянуть родителя въ Гаѣ ему, по его положенію, обошлось бы около четырехъ тысячъ рупи или четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. Махаража Кашмирскій истратилъ здѣсь полторы тысячи фунтовъ на поминки. А дѣдушка Нана-Сахиба говорятъ истратилъ въ Гаѣ по таковому-же случаю до десяти тысячъ фунтовъ. Не легко опредѣлить сколько истрачиваетъ на поминки въ Гаѣ бѣднякъ или человѣкъ безъ большихъ средствъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія удовольствіе побывать у всѣхъ святынь въ Гаѣ бѣдняку обходилось до четырехъ фунтовъ. Въ тѣ времена въ Гаю съ разныхъ сторонъ сходилось въ годъ свыше ста тысячъ богомольцевъ; англичане получивъ въ свое владѣніе Бихаръ долгое время не уничтожали здѣсь особаго рода налога, извѣстнаго подъ именемъ Pilgrim-tax; всякій, отправлявшійся въ Гаю, по дорогѣ туда платилъ за пропускъ казнѣ. Налогъ этотъ сбирали коллекторы Остъ-Индской компаніи. Въ настоящее время Pilgrim-tax уничтоженъ, но число богомольцевъ едва-ли увеличилось; за то посѣщеніе всѣхъ святыхъ Гая и угощеніе брахманъ несомнѣнно вздорожало.

Въ Гаѣ есть мѣстные брахманы, разбогатѣвшіе насчетъ

наивныхъ богомольцевъ; они извѣстны подъ именемъ Гаявaловъ; Гаяваловъ до 300 семей, и нѣкоторыя семьи имѣютъ ежегодно доходу до 5000 ф. ст. Богачи Гаявалы имѣютъ по всей Индіи агентовъ, которые должны зазывать вѣрующихъ въ Гаю, на богомолье. Гаявалы невѣжественны и ведутъ жизнь праздную и невоздержную. Ихъ старѣйшина Махантъ долженъ по обычаю соблюдать обѣтъ цѣломудрія; но многочисленные потомки различныхъ махантовъ могутъ служить свидѣтельствомъ, что обѣтъ этотъ не всегда строго соблюдается. Гаявалы и масса другихъ брахмановъ живутъ и богатѣютъ на счетъ богомольцевъ. Изъ всего этого можно заключить, сколько денегъ въ Гаѣ истрачивается на угощеніе брахмановъ, а гдѣ угощеніе, тамъ, конечно, есть и своего рода веселіе; а потому когда смотришь по дорогѣ на странниковъ, то невольно думается, что всѣ они спѣшатъ на какое-то веселое торжество.

Гая видна издали, мили за три. Когда, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, мы достигли восточнаго берега рѣки Фалгу, передъ нами развернулся городъ, окруженный съ западной стороны святыми горами. Не входя въ городъ, на песчаномъ берегу, среди кое-гдѣ виднѣвшихся пальмиръ такая же, какъ и встрѣчавшаяся по дорогѣ пестрая, разнородная толпа, съ своими верблюдами, слонами, екками, паланкинами сдѣлала привалъ; кто отдыхалъ, кто ужиналъ, а кто и молился. Пріѣхавшій помянуть родителей и дѣдовъ долженъ начать обрядъ, не вступая въ городъ, при достиженіи рѣки. Отсюда далѣе онъ долженъ идти пѣшкомъ, долженъ разуться и сдѣлать священной рѣкѣ осьмичленное поклоненніе—поклонится ногами, руками, колѣнами, главою, грудью, умомъ, рѣчью, взоромъ; омыть руки и ноги, сдѣлать рѣкѣ посильное приношеніе и сказать извѣстную, краткую молитву. Вступать въ городъ предписывается послѣ омовенія

въ рѣкѣ и облекшись въ чистыя одѣянія. Этимъ омовеніемъ начинается свершеніе сраддхи въ Гаѣ; ему предшествуютъ предварительные обряды, свершаемые дома, до выступленія въ путь и въ день начала путешествія; въ Гаѣ обрядъ свершается въ продолженіи не менѣе семи дней, но по желанію можетъ быть продолжаемъ и большее число дней. Слово сраддха значитъ собственно „вѣра"; приношеніе предкамъ пищи, сдѣланное съ вѣрою, съ молитвою называется производнымъ отсюда „срâддха"; обрядъ этотъ состоитъ не только изъ угощенія брахмановъ въ память умершихъ дѣдовъ, но и изъ дѣйствительнаго приношенія пищи предкамъ, воды или клёцки, изготовленной изъ муки, рису, молока, мяса и т. д. Приношеніе дѣлается въ сопровожденіи молитвъ, сила которыхъ такова, что пища немедленно претворяется: если умершіе дѣдъ или отецъ за свои добрыя дѣла сталъ богомъ, брошенная на воздухъ клецка претворяется въ amrita или амврозію, а если онъ сталъ скотомъ, то клецка претворяется въ траву, и т. д. Свершеніе сраддхи обязательно для правовѣрнаго Индуса всюду, но почему-то считается, что поминальная жертва, принесенная въ Гаѣ, особенно пріятна предкамъ, и самъ свершившій ее получаетъ большую награду. Вообще обрядъ очень не сложенъ, хотя при свершеніи его читается множество различныхъ молитвъ, и въ санскритской литературѣ существуетъ множество ученыхъ трактатовъ о жертвахъ предкамъ, объемистыхъ и краткихъ компендіумовъ въ руководство тѣмъ изъ брахмановъ, которые профессіонально являются на всякое такое пиршество—почитаютъ за плату молитвы, да еще наѣдятся при этомъ.

Видъ города съ восточнаго берега очень красивъ; конусообразныя верхушки храмовъ, высокіе каменные дома, изъ которыхъ многіе гнѣздятся на вершинахъ скалъ; многочисленные спуски (ghat) къ рѣкѣ, текущей среди песчаныхъ бере-

говъ, все это представляетъ очень эффектную картину. Перейдя въ бродъ черезъ рѣку, мы миновали туземный городъ и прямо вступили въ англійское предмѣстье съ его широкими тѣнистыми аллеями, садами и одноэтажными бѣлыми домами, окруженными просторными верандами. Въ Гаѣ, какъ и во многихъ большихъ городахъ Индіи, европейскій кварталъ отлично обрисовываетъ англійское умѣнье всюду устраиваться съ комфортомъ; но въ то же время это повсемѣстное въ Индіи стремленіе Англичанъ удалиться отъ туземца, выселиться куда-нибудь подальше отъ шума туземной жизни, занять отдѣльную колонію—всего лучше свидѣтельствуетъ, что между туземцемъ и Англичаниномъ такая пропасть, чрезъ которую никому теперь не перекинуть моста. Англичане и туземцы живутъ бокъ-о-бокъ, но каждый своею, чуждою и совершенно непонятною другому, жизнью; соціально Англичане и туземцы совершенно разобщены. И что можетъ быть общаго между зауряднымъ Англичаниномъ и таковымъ же туземцемъ? Одинъ явился въ Индію, чтобы было чѣмъ жить и, при возможности нажиться; по скольку необходимо для обыденныхъ исполненій обязанностей, онъ станетъ изучать Индію и Индійцевъ, большаго отъ него нельзя и требовать; воспитанный въ преданіяхъ совершенно иной исторической жизни, Англичанинъ является въ Индію съ понятіями и привычками, привитыми ему западною цивилизаціей и прямо противоположными тѣмъ, которыя имѣетъ или которыхъ держится Индіецъ у себя на родинѣ; онъ выросъ съ понятіями: отчизна, Британское государство, а большинство Индійцевъ отъ иноземцевъ же Англичанъ научились называть свою родину общимъ именемъ „Индустанъ, Индія“, и до сихъ поръ въ ихъ языкахъ слово „Хинду“ (неправильно передаваемое по русски „Индусъ“) не значитъ: Индіецъ, человѣкъ имѣющій своимъ отечествомъ Индію, а выражаетъ понятіе аналогичное съ тѣмъ, что не-

редается нашими словами „православный", „католикъ", то-есть, этимъ словомъ обозначается лицо, принадлежащее извѣстной кастѣ и исповѣдующее извѣстную религію. Большинство Индійцевъ выростаетъ, не усвоивъ себѣ иного, болѣе общаго понятія, чѣмъ каста; Индіецъ заучиваетъ свои религіозныя обязанности, ему съ дѣтства толкуютъ объ обязанностяхъ въ отношеніи къ лицамъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ кастѣ; но его священныя книги молчатъ объ обязанностяхъ гражданина въ отношеніи своего отечества; патріотизмъ—слово не переводимое по санкритски или на мѣстные индійскіе языки. Въ этомъ фактѣ выражается главнѣйшая противоположность между Англичаниномъ и туземцемъ. Разобщеніе идетъ дальше, выражается въ тысячѣ болѣе мелкихъ фактовъ, и вслѣдствіе всего этого для Англичанъ и Индійцевъ возможна только совмѣстная, но не общая жизнь. Солгать, по понятіямъ большинства Англичанъ, есть самоуниженіе; конечно, бываютъ случаи, что и Англичане лгутъ, лгутъ успѣшно и остаются безнаказанными; но вообще лжецъ уличенный осуждается всѣми и покрывается позоромъ. Въ теоріи и Индійцы высоко цѣнятъ правду и строго караютъ всякое уклоненіе отъ нея; но въ практикѣ жизни установились другія отношенія къ неправдѣ: ложь, подкупъ на судѣ. лжесвидѣтельство, обманъ, осуждаемыя въ теоріи, караемые закономъ, находятъ въ средѣ мѣстнаго общества полное снисхожденіе; лжецъ уличенный и не раскаявшійся, — все-таки членъ своей касты и никто отъ него не отворачивается. Англичанинъ въ Индіи хорошій семьянинъ, хорошій мужъ и отецъ по нашимъ европейскимъ понятіямъ; онъ человѣкъ общительный, принимаетъ у себя пріятелей и любитъ задавать dinning parties. Индіецъ, если имѣетъ средства, возьметъ себѣ не одну, а двѣ и три жены, и не стыдится держать наложницъ. Онъ считаетъ оскверненіемъ, религіознымъ пре-

ступленіемъ пообѣдать съ человѣкомъ низшей касты и позоветъ пріятелей вечеромъ, устроитъ для нихъ нас (балетъ), т. е. зоветъ въ свой домъ туда же, гдѣ его жены, дочери, сыновья, подъ тотъ же кровъ—плясуней, женщинъ завѣдомо вольнаго поведенія, и всю ночь на пролетъ проглядитъ на ихъ сладострастную пляску, прослушаетъ ихъ вольныя пѣсни. Англичанинъ и Индіецъ сходятся въ одномъ, но и это разобщаетъ ихъ еще больше; Англичанинъ въ душѣ считаетъ свою націю „солью земли"; Британскій народъ призванъ быть міродержавнымъ народомъ; все не британское хуже, ниже по достоинству британскаго. О такихъ политическихъ задачахъ для своего народа Индіецъ не думаетъ; во всю продолжительную свою историческую жизнь Индійцы, какъ завоеватели, ни разу не выходили за предѣлы своего отечества; но и для нихъ издревле весь міръ подѣленъ былъ на „четыре касты", высшую расу, и на иностранцевъ, „mleccha", низшія расы. На родинѣ теперь Индіецъ знаетъ „kal-admi" „чернаго человѣка", и „sa'ab lok", „господъ" (то-есть, Европейцевъ). Хотя kal-admi есть переводъ презрительнаго black skin, но „быль молодцу не укоръ", черный человѣкъ хотя и черенъ, а всетаки выше бѣлаго; быть чернымъ въ умѣ Индійца не можетъ считаться укорительнымъ или не красивымъ. Кришна, индійскій богъ любви, красавецъ изъ красавцевъ, и тотъ черенъ, даже чернѣе всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Въ пѣснѣ поется: „Нигдѣ не видалъ я такого чернаго лица какъ твое". И это говорится объ идеалѣ красоты, о богѣ любви. Эта твердая увѣренность Индійца въ своемъ превосходствѣ надъ бѣлымъ человѣкомъ выражается во многихъ религіозныхъ установленіяхъ и иногда наивно и забавно сказывается, помимо его воли, въ разговорѣ съ Европейцемъ.

Итакъ, разобщенные нравственно, презирая взаимно другъ друга, Англичане и Индійцы живутъ хотя и въ одномъ го-

родѣ, но далеко другъ отъ друга; ихъ дома также далеки другъ отъ друга, какъ ихъ жизненные интересы. Индійскіе вопросы интересуютъ Англичанина только по стольку, по скольку они касаются его личной жизни, — весьма часто интересъ къ нимъ опредѣляется количествомъ барыша, и весь складъ старой индійской жизни въ общемъ остается неизмѣннымъ, такимъ же, какимъ онъ былъ цѣлый вѣкъ тому назадъ; образованіе, заводимое Англичанами, не раскачало ни одного изъ вѣковыхъ индійскихъ предразсудковъ: касты, политеизмъ также сильны, какъ и прежде, до англійскаго владычества; европейское образованіе привилось къ отдѣльнымъ лицамъ въ меньшинствѣ и не коснулось массъ, не проникло въ индійскую жизнь. А потому нигдѣ, какъ только въ Индіи, не встрѣчается такой двойной жизни: въ одномъ предмѣстьѣ живутъ люди среди всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ европейскою цивилизаціей: постройка домовъ, ихъ украшенія, весь складъ жизни европейскій; пройдите нѣсколько миль — двѣ или три, и предъ вами иной міръ, иная древняя цивилизація, люди съ иными вѣрованіями. И многое изъ этого стараго было уже такимъ въ то отдаленное время, когда новаго, европейскаго еще не было и въ зародышѣ. Именно таковою является Гая индусская рядомъ съ англійскимъ предмѣстьемъ.

Въ Гаѣ я жилъ въ домѣ одного добродушнаго и любезнаго Англичанина; всѣ дни я проводилъ въ индусскомъ городѣ и являлся въ домъ радушнаго хозяина только обѣдать и спать. Это было почти что въ началѣ моего пребыванія въ Индустанѣ, и ни откуда я не вынесъ такого сильнаго и полнаго впечатлѣнія о противоположности индусскаго и англійскаго, какъ изъ Гаи. Гая — новый городъ, выстроенный на старомъ мѣстѣ; онъ существовалъ здѣсь уже во времена Будды, то-есть, въ VI вѣкѣ до Р. Х. Теперь всѣ храмы и постройки здѣсь новые; но въ этихъ новыхъ зданіяхъ на каждомъ шагу

попадаются осколки древности; брахманическій культъ здѣсь гнѣздился изстари; какъ встарь, такъ и нынѣ, здѣсь множество храмовъ, часовень, священныхъ прудовъ, вѣчныхъ деревъ и т. д. Въ архитектурномъ отношеніи нѣтъ ни одного замѣчательнаго храма. Двѣ главныя святыни: храмы Vishnu pad и Солнца расположены въ близкомъ растояніи другъ отъ друга. Побывъ нѣкоторое время въ одномъ изъ нихъ, получишь весьма опредѣленное понятіе о томъ, что такое религія массъ въ Индіи, символическій или изобразительный культъ (symbolical or representative worship), какъ нѣкоторые бенгальскіе бабу *) называютъ свое идолопоклонство. Чтится камень какъ такое-то божество, камень, ничѣмъ не напоминающій то условное представленіе, которое издревлѣ составлено объ этомъ божествѣ. На каждомъ шагу видишь слѣпое невѣжество и наивную вѣру съ одной стороны, со стороны богомольцевъ, и грубый, наглый обманъ—съ другой, со стороны священнодѣйствующихъ (pujâri) и различныхъ факировъ. Самый храмъ Vishnu pad не лишенъ нѣкоторой оригинальной красоты, но онъ такъ невыгодно помѣщенъ и такъ застроенъ кругомъ различными часовнями, что весь эффектъ его внѣшности теряется среди безобразныхъ маленькихъ построекъ. Здѣсь показываютъ слѣдъ Вишну, то-есть, трещину въ скалѣ, надъ которою выстроена святая святыхъ храма, осьмигранная башня, тридцати-восьми футовъ въ діаметрѣ; высота башни равняется ста футамъ; надъ нею высится пирамидальный куполъ въ 80 футовъ въ вышину. Къ башнѣ подходишь черезъ открытый павильонъ (mandara) со-

---

*) *Бабу*,—то же, что mr. sir. esq. Всего чаще употребляется въ Бенгаліи. Бенгальскій *бабу* есть особенный типъ новой Индіи и очень любопытный. Онъ учился въ англійской школѣ, полуобразованъ, говоритъ по англійски, не всегда правильно, но непремѣнно съ изысканными выраженіями. Онъ отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ.

стоящій изъ восьми рядовъ колоннъ и имѣющій 58 футовъ въ квадратѣ. Храмъ выстроенъ изъ сѣраго гранита, и говорятъ, что Махратская царица Ахалья Баи затратила на него девяносто тысячъ рупи, изъ которыхъ семьдесятъ тысячъ пошло на угощеніе брахманъ. Храмъ этотъ далеко не великъ: по измѣренію Кеннингэма, длина его не превышаетъ 82 футовъ и 2 вершковъ, а ширина — 54 футовъ и 4 вершковъ. На дворѣ, окружающемъ храмъ, настроенно множество часовень, храмовъ, павильоновъ для богомольцевъ; изъ послѣднихъ особенно замѣчателенъ по своей величинѣ Solabedi; тутъ же рядомъ Akshaya-bat, вѣчное древо, буквально: не гибнущее древо. Богомольцевъ и въ храмѣ, и на дворѣ всегда многое множество; одни сидятъ въ павильонахъ, другіе закупаютъ тутъ же на дворѣ продающіеся, жертвенные цвѣты, нѣкоторые обходятъ святыни подъ руководствомъ брахмана, читающаго молитвы на санскритскомъ языкѣ. Суетня на дворѣ страшная, и она мѣшаетъ спокойному разсматриванію собранныхъ здѣсь древностей, то-есть, буддійскихъ идоловъ, барельефовъ, маленькихъ ступъ; послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ настоящее время исправляютъ должность lingam; измазаны масломъ и охрою. Храмъ Солнца выстроенъ у пруда Surya kund, обнесеннаго каменною стѣной; обходя эту стѣну поражаешься, какъ много здѣсь старинныхъ камней съ рѣзьбою, съ такими узорами и фигурами, смысла которыхъ теперь брахманы не знаютъ, хотя иной изъ нихъ и не задумается растолковать любое изображеніе. Стѣны эти окружаютъ пространство длиною въ 292 фута и шириною въ 156: кругомъ рядъ ступеней выходитъ внизъ къ водѣ. Храмъ Солнца стоитъ тутъ же рядомъ. Въ самое святилище, тамъ, гдѣ стоитъ изображеніе солнца, напомнившее Кеннигэму Аполлона, входъ Европейцамъ возбраненъ: но изображеніе можно хорошо разсмотрѣть изъ открытыхъ дверей. Я засталъ въ храмѣ хоръ

пѣвицъ; онѣ сидѣли на полу, и крикливо взвизгивая, тянули какой-то гимнъ. Въ сѣняхъ, снявъ башмаки, можно свободно разхаживать; но кромѣ одной любопытной надписи, тутъ нѣтъ ничего примѣчательнаго; сѣни украшаются четырьмя рядами столбовъ, по пяти столбовъ въ каждомъ ряду.

Другія святыни находятся въ нѣкоторомъ отдаленіи отсюда *). Внѣ города есть нѣсколько священныхъ холмовъ: Brahma yoni (450 фут), Preta sila (541 фут.), Râm-sila. Между послѣдними двумя холмами выстроена прекрасная дорога. Подъемъ на холмъ Brahma yoni очень крутъ; но Гвальорскій ража воздвигъ для богомольцевъ широкую каменную лѣстницу; она начинается у самой подошвы, не вдалекѣ отъ пруда Savitri-kund, и восходитъ до самой вершины. Вершина вымощена и обнесена оградою. Въ небольшомъ, полуразрушенномъ храмѣ стоитъ изображеніе Ханумана, бога-обезьяны, въ другомъ храмѣ, побольше,—изображенія Sakti, Çiva и Parvatî.

4.

Въ пяти миляхъ къ югу отъ Гаи, на западномъ берегу р. Фалгу, лежитъ Будда-Гая: мѣсто древнее и примѣчательное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Всѣ буддисты знаютъ и чтутъ это мѣсто; любой монахъ на Цейлонѣ разскажетъ, что здѣсь стоитъ державное древо Бо (ficus religiosa), что здѣсь пупъ земли, здѣсь Будда прозрѣлъ святыя истины и сюда онъ опять долженъ явиться. „Чрезъ двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ", говорилъ мнѣ одинъ монахъ въ Коломбо—„всѣ мощи Будды соберутся у древа Бо, въ Магадѣ; соберутся тамъ и пріймутъ образъ вѣщаго учителя. Богамъ и людямъ станетъ учитель проповѣдывать!" Что будетъ затѣмъ—монахъ

*) Какъ напримѣръ, Akshaya Bat, съ храмомъ Махадевы. Древо, на видъ, судя по его величинѣ и толщинѣ, не можетъ быть очень старымъ.

или не зналъ, или не хотѣмъ объявить. По понятіямъ буддистовъ, особенно тѣхъ, которые не бывали въ Бихарѣ, Будда-Гая—какой-то рай земной; тутъ и рѣки текутъ чистыя какъ кристаллъ, и зелень и цвѣты необыкновенные; здѣсь вѣчный праздникъ природы, и престолъ Будды нонынѣ существуетъ. Но, увы! на самомъ дѣлѣ, около „древа знанія" запустѣніе, и оно доживаетъ послѣдніе дни своей долгой жизни. Въ мѣстѣ буддійскомъ по преимуществу все буддійское въ упадкѣ и загонѣ; здѣсь свилъ гнѣздо иной культъ; иные боги здѣсь прославляются, и развѣ только на время зашедшій буддистъ съ юга или сѣвера помнитъ о томъ, какіе трагическіе моменты, по сказанію легенды, переживалъ подъ этимъ деревомъ великій учитель. Здѣсь онъ побѣдилъ демона, начало вожделѣнія и мученія, и точно надломленный этою внутреннею борьбою, впалъ въ сомнѣніе и говорилъ себѣ: „Не время возвѣщать законъ, съ трудомъ постигнутый. Люди, грѣха и страсти исполненные, скажутъ: Этотъ законъ не разуменъ. Исполненные страсти и тьмою объятые люди не узрятъ закона"…. И явился ему Брахма, богъ боговъ, и говорилъ:… „Воззри, безскорбный, на людей, въ скорбь погруженныхъ, рожденію и старости подчиненныхъ! Встань, герой, побѣду одержавшій! Гряди въ міръ, вождь каравана…"

Легенда говоритъ; что здѣсь въ VI вѣкѣ до Р. Х. созрѣла мысль о міровой проповѣди во спасеніе страждующаго человѣчества. Отправляясь отсюда, по дорогѣ въ Гаю, новый учитель говорилъ о себѣ: „Я все оставилъ и свободенъ; изчезло во мнѣ вожделѣніе. Я самъ уразумѣлъ, кому же во слѣдъ мнѣ идти? Нѣтъ у меня учителя; нѣтъ мнѣ подобнаго; ни въ мірѣ людей, ни между богами нѣтъ мнѣ подобнаго!… Иду я въ градъ Касійскій (то-есть, въ Бенаресъ) вращать колесо закона, ударю въ барабанъ, возвѣщающій спасеніе міру, тьмою ослѣпленному!"

Двѣ тысячи и нѣсколько столѣтій существуетъ Будда-Гая этотъ „отрадный уголокъ земли“, какъ его величаютъ буддисты, и за такое долгое время намъ извѣстно очень мало фактовъ изъ его исторіи; нѣтъ сомнѣнія, она во многомъ прояснится, когда всѣ существующія на мѣстѣ древности будутъ собраны, описаны и въ вѣрныхъ фотографическихъ снимкахъ обнародованы; тогда сличая надписи, разсматривая украшенія на колоннахъ, пилястрахъ, барельефахъ явится возможность, хотя и далеко не вполнѣ, возстановить внутреннюю исторію мѣстности и дополнить по монументальнымъ памятникамъ отрывочныя извѣстія письменныхъ источниковъ. Уже теперь можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что святое мѣсто стало считаться таковымъ и начало обстраиваться очень рано, то-есть, около III или II вѣка до Р. Х. Буддійскія исторіи утверждаютъ, что царь Асока былъ первымъ. начавшимъ украшать и обстраивать эту мѣстность; случайная находка двухъ столбовъ изъ песчаника, около древа Бо. убѣждаетъ, что въ данномъ случаѣ мѣстная исторія не вдалась въ преувеличенія древности. На столбахъ, найденныхъ у святаго дерева, сохранились коротенькія надписи: на одномъ, какая-то „достопочтенная Kaudiniya“ начертала свое имя, на другомъ таковомъ же — какой-то Цейлонецъ; оба столба были принесены ими въ даръ. Трудно рѣшить, входили ли эти столбы въ колоннаду вокругъ какой-нибудь нынѣ болѣе не существующей ступы, или же они были воздвигнуты около самаго древа; то и другое одинаково вѣроятно; ступъ было нѣсколько въ этомъ мѣстѣ, а изъ Таранаты извѣстно. что столбы и монолиты окружали когда-то древо. Несомнѣнно однако же, что столбы эти были изсѣчены и водружены около какой-нибудь святыни въ то время, когда еще въ Индіи читали древнѣйшую азбуку и умѣли ею писать, то-есть, въ III или II вѣкѣ до Р. Х. Но отъ этого древняго періода, боль-

шинство, если не всѣ, памятники изчезли. Здѣсь, въ Будда-Гаѣ нѣтъ ни той лѣсной тѣнистой мѣстности, о которой говоритъ Фасянь, и само собою разумѣется, невозможно ожидать, что увидишь здѣсь тѣ роскошныя многочисленныя зданія или тѣ сады, которые живописалъ Сюанъ-цзань. Враги, еретики и даже дикіе слоны не разъ разрушали какъ самое древо, такъ и окружавшіе его монастыри и храмы. Но Будда-Гая возрождалась всякій разъ послѣ того, и извѣстно, что послѣднее возобновленіе храма относится къ XIV вѣку.

Съ какой бы стороны ни подойдти къ Будда-Гаѣ, она не видна издали: знаменитый храмъ Гандхола бросается въ глаза только тогда, когда находишься отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Гандхола—высокая башня (160 ф.), выстроенная въ видѣ четырехгранной пирамиды изъ голубовато-краснаго кирпича; она стояла среди обширнаго двора и имѣла нѣсколько крытыхъ пристроекъ съ восточной стороны, отъ которыхъ теперь сохранились только столбы. Около храма набралось столько мусора, что порогъ его входа гораздо ниже уровня окружающей мѣстности. Войдя черезъ восточныя врата на бывшій дворъ храма, прямо передъ входомъ находишь изображеніе „слѣда Будды". Этотъ камень съ изображеніемъ помѣщенъ подъ крытымъ павильономъ; гранитные столбы гораздо древнѣе самой постройки, и такъ какъ они не одинаковы по рисунку, то были, вѣроятно, набраны изъ разныхъ мѣстъ. Налѣво отъ воротъ есть три часовни: одна называется храмомъ пяти Пандавовъ: пять идоловъ буддійскихъ изображаютъ здѣсь пять братьевъ-героевъ Пандавовъ; двѣ другія часовни посвящены Махадевѣ, но не лишены также буддійскихъ украшеній; таковой же храмъ Махадевы находится направо отъ воротъ. Гандхола хотя и находится теперь въ вѣдѣніи брахмана, но осматривать ее можно свободно, и всюду можно проникать. Внутренность храма не обширна и имѣетъ въ длину

15*

20 ф. 4 в., а въ ширину 13 ф. На западномъ концѣ стоитъ широкій пьедесталъ изъ чернаго базальта; онъ занимаетъ всю западную стѣну и имѣетъ въ ширину 5 ф. 9 в. а въ высоту 4 ф. Здѣсь стоялъ, вѣроятно, тотъ знаменитый кумиръ Махабодхи, о которомъ такъ много разсказываетъ Таранатa; вмѣсто него теперь среди нѣсколькихъ изображеній Будды стоитъ lingam и статуя бога Вишну. Полъ вымощенъ гранитомъ и покрытъ весьма грубою рѣзьбою; изображены богомольцы съ приношеніями. Потолокъ разбитъ на множество небольшихъ панелей, содержащихъ въ себѣ кое-гдѣ вылѣпленныя изображенія Будды. Съ внѣшней стороны въ стѣнахъ храма были подѣланы ниши; теперь онѣ пусты, но въ нѣкоторыхъ еще остались сложенныя крестъ на крестъ ноги статуй; по всей вѣроятности, это остатки тѣхъ золоченыхъ статуй Будды, которыми украшался и славился храмъ встарь. Въ верхній этажъ я не умѣлъ проникнуть. Нижній имѣетъ въ высоту 22 ф. 1 в

Къ дереву Бо, непосредственно стоящему къ западу отъ храма, поднимаешься по лѣстницѣ; съ обѣихъ сторонъ входа во храмъ есть по лѣсенькѣ, и къ древу можно подняться, не входя въ храмъ. Терраса, на которой растетъ Бо, находится на одномъ уровнѣ съ верхнимъ этажемъ храма, то-есть, на высотѣ 25½ ф., считая отъ пола нижняго этажа, или на высотѣ 18 ф., считая отъ уровня накопившагося вокругъ храма мусора. Обходя снизу террасу, можно ясно различить до шести этажей; терраса воздвигалась мало по малу; по мѣрѣ того какъ засыхали нижнія вѣтви дерева, являлась необходимость поддерживать одну изъ главныхъ верхнихъ, и вслѣдствіе того воздвигался одинъ этажъ надъ другимъ. Платформа, на которой растетъ теперь древо, имѣетъ въ ширину 29 ф.; кругомъ дерева сложена уступами круглая пирамида; по этимъ уступамъ можно обходить вокругъ дерева, то-есть, молиться

ему, что и совершается одинаково буддистами и брахманами. Брахманы при этомъ читаютъ между прочимъ слѣдующее: „Царь деревъ: Нâрâяна пребываетъ на тебѣ превѣчно! Оттого между деревъ ты превѣчно чистъ! Ты богатъ, и дурные сны прогоняешь!“ Настоящее дерево въ очень жалкомъ видѣ: полузасохшая, чахлая вѣтвь растетъ какъ-то въ бокъ, а не вверхъ.

Другія, меньшія святыни, видѣнныя мною, я прохожу молчаніемъ и не стану также описывать всѣхъ древностей, разсѣянныхъ здѣсь всюду — во дворѣ, въ стѣнахъ домовъ, въ храмахъ здѣшнихъ новыхъ госаинскихъ монастырей, на ихъ кладбищахъ. Описаніе всего этого, не снабженное рисунками, было бы совершенно безполезно; прибавлю только, что множество предметовъ, имѣющихъ высокій научный интересъ, важныхъ для исторіи религіи, индійской архитектуры, искусства и даже для бытовой исторіи, разсѣяны безъ всякаго призора и гибнутъ, не щадимые ни временемъ, ни людьми.

Странное впечатлѣніе выносишь, осматривая бихарскія древности: онѣ не поражаютъ васъ величіемъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ отличаются изяществомъ, хотя въ Будда-Гаѣ найдется не одно мастерское скульптурное изображеніе различныхъ звѣрей, слоновъ и обезьянъ, деревъ и даже человѣческихъ фигуръ; эти остатки прошлаго не восходятъ въ такую глубокую древность, какъ египетскія пирамиды или постройки Ахеменидовъ; они не разсѣяны, какъ на Цейлонѣ, среди грандіозной природы, подъ сѣнью роскошнѣйшей тропической растительности; и не смотря на то, помимо спеціальнаго интереса, который они должны имѣть для желающаго прослѣдить развитіе одной изъ древнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ религій, бихарскія древности любопытны именно среди своей теперешней обстановки, въ новыхъ храмахъ и монастыряхъ. Глядишь на эти статуи, обожаемыя до сихъ поръ,

но подъ другимъ именемъ, на теперешній культъ, такой же какъ и тотъ, что былъ за тысячу лѣтъ тому назадъ и ранѣе, на толпы богомольцевъ, сходящихся отовсюду чтить старые кумиры подъ новыми именами, и спрашиваешь себя: въ чемъ же состоялъ прогрессъ въ Индіи?

Въ Гаѣ я собственно окончилъ свое странствіе по Бихару. Отсюда я отправился въ Патну. Въ Патнѣ или древнемъ городѣ Паталипутра, нынѣ считается 158,900 жителей, и немного больше одной пятой изъ этого числа масульманъ. Ни древняго или чего-либо примѣчательнаго въ городѣ нѣтъ. Около города показываютъ *Гола* или высокую куполообразную житницу, выстроенную въ концѣ прошлаго столѣтія англичанами. Самый городъ грязенъ и не красивъ.

Самое любопытное въ Патнѣ, нѣкоторая, но далеко не значительная, часть населенія. Я разумѣю Вахабитовъ, съ которыми, впрочемъ, я не сходился и не видѣлся. Вахабиты, какъ извѣстно, явные враги англичанъ. Они живутъ, твердо уповая, что пророкъ ихъ Сеидъ Ахмедъ вернется и уничтожитъ всѣхъ невѣрныхъ; пока же, готовясь къ жихаду, они собираютъ особый фондъ на священную войну. Всякій богачъ вноситъ извѣстный процентъ съ своихъ доходовъ въ этотъ фондъ. Земледѣлецъ жертвуетъ туда же два съ половиною процента съ каждой жатвы. Таковымъ же налогомъ обложены мясники, ремесленники и даже нищіе; послѣдніе жертвуютъ по одной пригоршни отъ своей скудной пищи.

Изъ Патны я отправился въ Непалъ.

II.

Непалъ.

1.

Большая Непальская долина, гдѣ было нѣсколько европейскихъ путешественниковъ, и на изученіе которой Б. Ходжсонъ посвятилъ многіе годы своего долгаго пребыванія въ Катманду, извѣстна намъ сравнительно болѣе, нежели части Непала, лежащія къ западу, сѣверу и востоку отсюда.

Непалъ, находится къ югу отъ Тибета, между р. Кали на западѣ, и р. Тистой на востокѣ, или между британскимъ Камаономъ на западѣ и Сиккимомъ на востокѣ и весьма удобно можетъ быть раздѣленъ по системамъ орошающихъ его рѣкъ на три части: западный, центральный и восточный.

Въ западномъ Непалѣ система р. Карнали состоитъ изъ слѣдующихъ рѣкъ: Кали (или Сарда) Свети-ганга, Карнали, Бхеи, Саржу и Рапути. Источники этихъ рѣкъ лежатъ между Нандадеви (25,693 ф.) и Давалагирскимъ пикомъ (27,600 ф.). Въ этой части главнаго Гималайскаго кряжа извѣстенъ одинъ проходъ изъ Непала въ Тибетъ; проходъ этотъ ведетъ въ тибетскую провинцію Ари, ущельемъ р. Карнали, чрезъ Таклакхаръ. Рѣки Кали и Карнали вытекаютъ изъ центральнаго гималайскаго кряжа и пробиваются черезъ южный Гималайскій кряжъ. Верхняя часть бассейна занята областью Жамла или Юмилла; ниже находится бывшая Страна двадцати-двухъ ца-

рей (Байси-ража). Рѣки, сливаясь въ индустанскихъ равнинахъ, образуютъ р. Гхагру (или Гогру).

Центральный Непалъ орошается рѣчною системою семи Гандаковъ (Саптъ Гандаки): рр. Нараяни Сети Гандакъ, Марсьянгхи, Баріа Гандакъ, Трисуль-Гандакъ и еще двумя менѣе значительными рѣками. Источники этихъ рѣкъ находятся между Давалагирскимъ пикомъ (27,600 ф.) и Даябангомъ (23,762 ф.): слившись въ горахъ не далеко отъ Лорагхата, онѣ текутъ далѣе въ Гангъ подъ названіемъ р. Гандакъ. Четыре изъ этихъ рѣкъ, именно: Кали Гандакъ, Карнали Гандакъ, Баріа Гандакъ и Трисуль-Гандакъ, вытекаютъ изъ центральнаго кряжа, остальные изъ южнаго Гималайскаго. По ущельямъ рѣкъ извѣстны три прохода черезъ центральный кряжъ въ Тибетъ: проходъ Муктинатхъ по рѣкѣ Нараяни въ Мантанъ (Мустанъ?), проходъ Но-ла, по рѣкѣ Баріа-Гандакъ и проходъ Трисуль-Гандакъ. Страна, орошаемая этою рѣчною системою, въ прежнее время извѣстна была подъ именемъ Страны двадцатичетырехъ царей (Чаубиси-Ража).

Въ восточномъ Непалѣ находится рѣчная система Коси, состоящая также изъ семи главныхъ рѣкъ: Миламчи, Бхотіа Коси, Тамба Коси, Ликху, Дудъ-Коси, Арунъ и Тамбуръ или Таморъ. Источники этихъ рѣкъ находятся между Даябангомъ (23,762 ф.) и Камчаномъ (28,158 ф.); гора же Еверестъ находится на лѣвомъ берегу р. Арунъ. Рѣки этой системы, по орошеніи страны Кирантіевъ въ восточномъ Непалѣ, и областей Кхатанъ, Чаянпуръ, образуютъ въ горахъ одну рѣку, текущую черезъ Герраи. Рѣки Бхотіа Коси и Арунъ берутъ начало въ центральномъ кряжѣ; р. Арунъ долгое время течетъ по Тибету, а затѣмъ, прорвавшись черезъ южный Гималайскій кряжъ, слѣдуетъ на югъ, въ Гангъ. Въ восточномъ Непалѣ находятся четыре прохода въ Тибетъ: первый проходъ ведетъ по р. Бхотіа Коси, черезъ Ниламъ и Кути, второй по

р. Арунъ, черезъ Хатіа, третій по долинѣ р. Тамбуръ, мимо Валланчунъ, черезъ Типта-ла, четвертый по ущелью Янг-ма, горнаго притока р. Тамбуръ и чрезъ Кан-ла-чанъ.

Между рр. Гандакъ и Коси находится большая Непальская долина, орошаемая р. Багмати.

Альпійскій бассейнъ Карнали простирается отъ пика Нандадеви до пика Дхавалагири, или между 79° 50′ до 83°; альпійскій бассейнъ Гандака—отъ пика Дхавалагири до пика Госаинъ-тханъ, или между 83° и 86°; альпійскій бассейнъ Коси—отъ пика Госаинъ-тханъ до Канчанъ, между 86° и 88° 10′. Страна, орошаемая этими тремя рѣчными системами (Карнали, Гандакъ, Коси), простирается на 800 миль и есть центральная и самая характерная часть Гималаевъ.

Рѣчные бассейны раздѣляются между собою вертикальными хребтами, обыкновенно отдѣляющимися отъ высокихъ пиковъ. Такъ отъ пика Канъ-чанъ тянется кряжъ Сангилела, раздѣляющій воды Коси и Тиш্ты; подобный же кряжъ Даябханъ, направляющійся на югъ отъ пика Гасаинъ-тханъ, раздѣляетъ воды Коси и Гандака, кряжъ отъ пика Дхавалагири раздѣляетъ воды Гандака и Карнали, кряжъ отъ пика Нандадеви разграничиваетъ воды Ганга и Карнали.

Наиболѣе удалены другъ отъ друга бассейны Коси и Гандака. Промежуточное пространство между ними орошается р. Багмати и особенно богато долинами. Кромѣ большой долины Непала, здѣсь же находятся долины Читлонга, Банепа и Панаути.

Климатъ здѣсь тропическій, и соотвѣтственно съ сѣверо-восточными и юго-западными муссонами, погода отъ октября до марта холодная и сухая, отъ апрѣля до сентября жаръ и сырость. Климатъ весною и осенью, отъ половины марта до половины мая, и отъ половины сентября до половины декабря особенно пріятенъ. Самая непріятная часть года продолжается

съ половины декабря до половины февраля. Въ это время бываетъ тучно, дождливо и идетъ снѣгъ, и сырая погода при холодѣ очень непріятна. Но вообще климатъ можетъ считаться здоровымъ. Вѣтры умѣренны, за исключеніемъ марта, когда дуетъ Пхагва изъ сѣверо-западныхъ равнинъ. Количество электричества вообще умѣрено, и грозы бываютъ обыкновенно въ началѣ и въ концѣ дождливаго сезона. Эпидеміи очень рѣдки, и трудно назвать какую-либо чисто гималайскую болѣзнь.

Поверхность главнымъ образомъ характеризуется непрерывною послѣдовательностью кряжей съ узкими ущельями между ними. Долины, въ собственномъ смыслѣ этого слова, рѣдки. Отъ Гильгита до Брахмакунда есть только двѣ большія долины: Кашмирская и Непальская. Также точно рѣдки озера: нѣсколько ихъ (три или четыре) находятся въ Камаонѣ, да одно въ западномъ Непалѣ (Покра).

Въ этнографическомъ отношеніи Непалъ представляетъ необыкновенное богатство разнородныхъ племенъ: въ сѣверной части, какъ и на всемъ протяженіи южнаго кряжа Гималаевъ, по ту и по сю стороны, живутъ Бхотійскія племена, извѣстныя подъ различными именами (Палусенъ, Ронгбо, Серпа, Сіена; Катх-бхотіа и т. д.) и родственныя имъ Тхакора, Пакіа. Въ срединной полосѣ—Лимбу или Яктхумба, Якха, Кхомбо или Киранти, Мурми или Тамары, Пахи или Падхи, Невары, Сунвары, Чепаны, Кусунда, Ваю или Хаю, Гуруны, Магары, Кхасы. Въ южной полосѣ—Кичаки, Палла, Тхару, Денвары, Кумха, Бхраму, Дахи или Дари, Кусвары, Тхами, Ботіа.

Каждый изъ этихъ народцевъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто нахожденія или мѣсто рожденія (жанма-бх*у*ми); только Кхасы, Гуруны и Магары въ настоящее время разсѣяны по всему Непалу; но первоначально, и они заселяли опредѣленныя и болѣе ограниченныя пространства: они жили на западъ

отъ большой Непальской долины; въ самой же долинѣ и по сосѣдству живутъ Мурми и Неварцы; области на востокъ отъ долины до Сиккима заселены народцами Киранти и Лимбу. На западъ отъ большой долины и къ сѣверу отъ Гуруновъ и Магаровъ находятся Сунвары въ сосѣдствѣ съ Бхотійцами.

Географическое распредѣленіе этихъ народовъ въ общихъ чертахъ можетъ быть представлено такимъ образомъ: въ бассейнѣ Карнали живутъ Бхотійцы, въ бассейнѣ Гандака—Сунвары, Гуруны, Магары, въ бассейнѣ Коси—Киранти и Лимбу. Между бассейнами рр. Гандакъ и Коси живутъ Неварцы и Мурми.

Гористый характеръ мѣстности, затрудняя сообщеніе между этими племенами, способствовалъ развитію діалектовъ. Роскошныя пастьбища, дѣйствуя дурно на стада, заставили эти народы заниматься преимущественно земледѣліемъ; жаръ и влажность ослабили ихъ мускулы и затемнили цвѣтъ ихъ лица. Эти народы сѣютъ злаки и питаются ими же главнымъ образомъ. Народы по сю сторону Гималаевъ, въ сравненіи съ Тибетцами, меньше ростомъ, не такъ мускулисты, и цвѣтъ ихъ кожи гораздо темнѣе. Ходжсонъ описываетъ физическій типъ Гималайцевъ такимъ образомъ: Голова и лицо очень широки; обыкновенно наибольшая ширина замѣчается между скулами. Лобъ широкъ, но часто къ верху съуживается; подбородокъ небольшой; ротъ великъ и выдается; глаза широко отставлены другъ отъ друга; носъ длинный и высокій, но сдавленный у переносицы и съ широкими ноздрями. На головѣ волосы прямые и въ обиліи; на лицѣ и на тѣлѣ волосъ мало. Ростъ не великъ, но сложеніе крѣпкое и мускулистое. Ихъ нравственный характеръ таковъ: они флегматики, мыслятъ и чувствуютъ медленно; добродушны, веселы и сообщительны; къ продолжительному труду неспособны. Поліандрія еще существуетъ между ними, но обычай этотъ начинаетъ

вымирать. Женское цѣломудріе до брака цѣнится низко; пьянство и неопрятность развиты въ горахъ болѣе, нежели въ индійскихъ равнинахъ. Преступленія рѣдки, горцы любятъ правду, и характеръ ихъ вообще пріятенъ. Они индиферентны въ дѣлахъ религіи. Родовой бытъ сильно развитъ у нихъ: кастъ, въ строгомъ смыслѣ слова, они не знаютъ. Народы эти большею частью кочевые земледѣльцы; нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Неварцы, давно стали осѣдлыми, другіе, Гуруны — главнымъ образомъ до сихъ поръ занимаются пастушествомъ.

Народы Чепанъ и Кусунда, живущіе на западѣ отъ большой Непальской долины, стоятъ на самой низшей степени развитія. По физическому типу они отличаются также отъ другихъ народовъ: имѣютъ большіе животы и очень тонкія ноги. Цвѣтъ ихъ кожи очень теменъ. Въ Непалѣ, по увѣренію Ходжсона, ихъ считаютъ автохтонами.

Тамъ, гдѣ съ марта до ноября свирѣпствуетъ маларія, откуда бѣгутъ всѣ другіе народы, тамъ селятся народы: Денвары, Дари, Бхраму, Кумха и Манжхи, Ботіа. Они живутъ или деревнями или въ отдѣльныхъ хижинахъ, выстроенныхъ изъ нетесаннаго камня. Народы эти суть земледѣльцы, горшечники, рыбаки и паромщики. Нѣкоторые изъ народовъ Непала очень малочисленны; такъ, напримѣръ, отъ народа Ваю или Хаю, по словамъ Ходжсона, осталось не болѣе какъ нѣсколько тысячъ, но у того же народа сохранилось преданіе о томъ, что нѣкогда онъ былъ силенъ и многочисленъ.

Ни одинъ изъ этихъ народцевъ, населяющихъ Непалъ, за исключеніемъ осѣдлыхъ въ большой долинѣ Неварцевъ и Горкинцевъ, не имѣетъ своей исторіи; весьма вѣроятно, что со временемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ отыщутся какія-нибудь устныя преданія о прошломъ; въ настоящее время извѣстны только генеалогіи царей, владѣвшихъ въ большой Непальской долинѣ. Генеалогіи эти первоначально были составлены не-

варскими авторами на неварскомъ языкѣ; затѣмъ во время политическаго преобладанія Горкинцевъ, онѣ были переведены на горкинскій языкъ. На этомъ языкѣ и извѣстны намъ въ настоящее время генеалогіи непальскихъ царей. Ихъ, какъ кажется, существуетъ нѣсколько редакцій; въ бытность мою въ Катманду мнѣ удалось тамъ достать два списка: одинъ,— написанный буддистомъ, другой индусомъ; первый списокъ гораздо полнѣе втораго. Но въ Катманду меня увѣряли, что въ Лалитапатанѣ существуютъ оригиналы этихъ исторій на неварскомъ языкѣ.

О судьбахъ страны и народа узнается очень мало изъ Вансавали или царскихъ генеалогій; Непалъ, наравнѣ съ Кашмиромъ и Бенаресомъ, считается индусами и буддистами страною святою, и частью вслѣдствіе того, частью также и потому, что исторія писалась лицами духовными, въ этихъ генеалогіяхъ, кромѣ длиннаго списка царскихъ именъ, главнымъ образомъ сообщается масса легендъ и свѣдѣній о сооруженіи царями храмовъ и идоловъ. Нѣкоторыя изъ легендъ любопытны однакоже потому, что страннымъ образомъ напоминаютъ библейскія сказанія, хотя и въ искаженномъ видѣ. О времени ихъ перваго появленія ничего не извѣстно, а потому весьма трудно объяснить ихъ происхожденіе, хотя и несомнѣнно, что христіанская пропаганда проникала въ Непалъ. Въ одной изъ легендъ сообщается слѣдующее о происхожденіи р. Багмати: Въ глубокой древности въ Непалъ пришелъ буддха Кракучханда; онъ поселился въ горахъ, окружающихъ долину, и сталъ поучать и проповѣдывать народу; многіе изъ народа пожелали сдѣлаться монахами и просили посвятить ихъ. Для совершенія обряда необходима была вода... „Видя, что на той горѣ нѣтъ воды, онъ, славя имена Буддхы самосущаго, лучезарнаго, а также богини Гухьесвари, произнесъ таковыя слова: „Да изойдетъ вода изъ этой горы!“ И просвер-

лилъ ту гору большимъ пальцемъ". Богиня Гангадеви, пріявъ видимый образъ, съ раковиною въ рукѣ явилась изъ того отверстія. Выйдя оттуда, она сдѣлала приношенія буддхѣ. И потекла она, превратившись въ воду, прославленную подъ именемъ Багмати".

Нельзя не видѣть въ этой легендѣ отдаленнаго сходства съ библейскимъ сказаніемъ объ одномъ изъ подвиговъ Моисея. Въ другой легендѣ какъ будто сохранилось смутное воспоминаніе о чудѣ Іисуса Навина; легенда имѣетъ мѣстную, буддійскую окраску; извѣстно, что буддійскіе монахи могутъ ѣсть только до полудни, и вотъ что разсказывается объ одномъ святомъ, по имени Вирупакша: „Послѣ этого увидѣлъ онъ, что настало время, когда солнце склоняется къ западу. Для того, чтобъ имѣть возможность поѣсть и попить, онъ обратился къ солнцу со словами: „Я не могъ есть и пить, ибо созерцалъ Господа и свершалъ ему служеніе. Свѣти и не заходи!" Остановивъ одною рукою солнце и продолжая созерцаніе, онъ умеръ около Пасупати и сдѣлался чудотворцемъ.

Неварцы по физическому типу и по характеру языка должны быть причислены къ великой тибетской расѣ. Яснаго воспоминанія о своемъ сѣверномъ происхожденіи у нихъ не сохранилось: но они разсказываютъ нѣсколько легендъ, въ которыхъ можно отыскать безсознательную, смутную память о древнихъ связяхъ и отношеніяхъ къ сѣвернымъ народамъ. по ту сторону Гималаевъ.

На западъ отъ Катманду, въ разстояніи около полуторы мили, возвышается на 250 ф. надъ уровнемъ долины священный холмъ Самбхунатхъ или Сваямбхунатхъ. Около четырехъ сотъ ступень ведутъ на вершину холма, застроенную большою ступой и множествомъ храмовъ, часовень. Здѣсь показываютъ важру—скипетръ Индры, и въ одномъ храмѣ неугасимый свѣтъ лампады.

Холмъ этотъ есть главное мѣсто культа самосущаго, перваго буддхы (ади-буддха), называемаго также лучезарнымъ, ибо здѣсь послѣ того какъ долина изъ озера стала сушью и обитаемою для людей, на этомъ холмѣ проявился ади-буддха въ образѣ луча: и съ тѣхъ поръ свѣтъ не угасалъ на холмѣ.

Ади-буддха, по представленію теперешнихъ непальскихъ буддистовъ, есть богъ творецъ. Его описываютъ такъ: Въ началѣ, въ великой пустотѣ, когда еще не возникали пять элементовъ, возникъ лучезарный Ади-буддха не запятненный. Возсталъ тотъ, въ комъ три качества, великій образъ и образъ всеобщій, тотъ, кто самосущъ, великій буддха, первый вождь, великій владыка. Онъ — причина возникновенія міра и причина мірской благости; и самъ владыка міра погрузился въ созерцаніе міръ-творящее (*Гуна каранда-вјуха*). Погрузившись въ созерцаніе, именуемое „возникновеніемъ міра“ (*тамже*), Ади-буддха сотворилъ міръ. Отъ его очей возникли луна и солнце, Махесваръ ото лба, отъ плечъ Брахма четвероликій, отъ рукъ Нараяна, отъ зубовъ Сарасвати (богиня краснорѣчія), Вају (вѣтеръ) отъ рта, отъ ногъ земля, отъ живота Варуна (океанъ), огонь отъ пупа, отъ лѣвой колѣни Лакшмі (богиня счастья), отъ правой Срида (тоже). Всѣ эти боги и другіе подчинены Ади-буддхѣ; отъ него каждый изъ нихъ получилъ спеціальное назначеніе и область непосредственнаго вѣдѣнія.

Ученіе о первомъ буддхѣ, о буддхѣ творцѣ міра, по словамъ непальскихъ буддистовъ, было принесено въ долину изъ страны Махачина, находящейся къ сѣверу отъ Непала, святымъ Манжусри, жившимъ на горѣ Панчасирша или пятиглавой. Самый фактъ они относятъ въ періодъ глубокой древности и не опредѣляютъ, когда именно и откуда явилось въ Непалѣ это ученіе. Ученіе о буддхѣ творцѣ существовало здѣсь, по всей вѣроятности, уже до VII в. (до Р. Х.), ибо

въ китайской исторіи Тханской династіи сохранилось такое извѣстіе о непальской религіи: „молятся духу неба“ (см. Іоакинѳа, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи, ч. III, 207). Духъ же неба, о которомъ говорится здѣсь, есть несомнѣнно то же, что лучезарный самосущій первый Буддха. Трудно опредѣлить, какую именно страну понимали буддисты подъ именемъ Махачина. Не слѣдуетъ непремѣнно отожествлять ее съ Китаемъ; мы знаемъ объ этой странѣ, что она лежала къ сѣверу Индіи, за Гималаями, гдѣ по не опроверженнымъ свидѣтельствамъ китайскихъ путешественниковъ, было много странъ, въ которыхъ уже въ V в. (по Р. Х.), и по всей вѣроятности, ранѣе господствовалъ буддизмъ и распространена была индійская культура; и изъ любой изъ этихъ странъ могло явиться въ Гималаѣ преобразованное буддійское ученіе; китайцы, упоминая о распространеніи буддизма въ странахъ внѣ индійскихъ, въ средней Азіи и въ восточномъ Туркестанѣ, сообщаютъ въ то же время, что во многихъ странахъ, рядомъ съ буддизмомъ, существовала религія духа неба; ее-то въ Непалъ и принесъ съ сѣвера, изъ-за горъ какой-то благочестивый странникъ, названный именемъ Манжусри, именемъ бодхисатвы, которому молились и молятся въ Китаѣ, въ Тибетѣ и даже на островѣ Явѣ.

Если въ этой легендѣ намъ сохранилась смутная память о до историческихъ связяхъ Непала съ странами по ту сторону Гималаевъ, за то въ другой легендѣ мы имѣемъ полусознательный намекъ на племенное родство неварцевъ съ тибетцами. Вансавали, разсказывая о другой буддійской святынѣ Бодх-натхѣ, сообщаетъ: „По мнѣнію бхотійцевъ, бхотійскіе ламы по смерти переродились непальскими царями; эти цари выстроили буддійскій храмъ, а потому Бхотійцы много почитаютъ этотъ храмъ“.

Бодх-натхъ находится въ трехъ съ половиною миляхъ отъ

Катманду: въ настоящее время это небольшая деревенька выстроенная кругомъ ступы. Самая ступа окружена оградою, входъ въ которую европейцамъ не дозволенъ.

Другихъ болѣе ясныхъ извѣстій объ эмиграціи племенъ съ сѣвера въ Непалъ Вансавали не сообщаетъ. На первыхъ же страницахъ исторіи Непала (т. е. большой Непальской долины) говорится объ арійскихъ колоніяхъ и арійскихъ царяхъ изъ страны Гаура (т. е. Бенгаліи) и Пенжаба. Послѣдніе, т. е. цари изъ Пенжаба, принесли съ собою и распространили въ долинѣ культы бога Сивы и брахманическое уваженіе къ коровѣ. О нихъ сообщается, что они уважали коровъ и молились богу Пасупати, проявившемуся въ образѣ огня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ стоитъ храмъ Пасупати. Храмъ этотъ находится на сѣверо-востокѣ отъ Катманду, въ разстояніи трехъ миль; онъ со всѣми своими окружными постройками расположенъ на западномъ берегу рѣки Багмати. Европейцамъ позволено любоваться на него издали, съ противоположнаго берега. Сюда, на берегъ рѣки, приносятъ умирающихъ, здѣсь же сжигаютъ мертвыя тѣла, и иногда сжигаются вѣрующія и благочестивыя вдовы. Тысячи богомольцевъ изъ равнины Индіи сходятся сюда въ февралѣ для совершенія омовеній въ священныхъ волнахъ Багмати.

Послѣ сейчасъ упомянутыхъ царей, въ началѣ Калиjуги (т. е. за 3102 до Р. Х.) Непальскою долиною владѣли Кираты; хроника приводитъ послѣдовательно двадцать девять Киратскихъ царей. Потомки этого народа подъ именами Кирата, Киранти, Кхвэмбо, Кхомбо и Кирова до сихъ поръ живутъ на востокъ отъ большой долины. Они дробятся на множество родовъ и имѣютъ нѣсколько различныхъ нарѣчій; теперь ихъ не болѣе четверти милліона, но въ древности ихъ было гораздо больше. Своихъ царей они называли ханами или хосаками, а старшинъ — пасунами. Въ настоящее время они

подчинены Горкинцамъ и не имѣютъ собственныхъ царей, но до сихъ поръ старшина пользуется большимъ авторитетомъ у своего народа: онъ собираетъ подати и разбираетъ споры. Кираты народъ земледѣльческій: между ними много свободныхъ землевладѣльцевъ, платящихъ опредѣленныя поземельныя горкинскому правительству. Они не пашутъ плугомъ; не имѣютъ своихъ собственныхъ ремесленниковъ и не охотно идутъ въ военную службу. Ихъ жены прядутъ и ткутъ бумажныя ткани для домашняго обихода. Они производятъ для себя нѣсколько опьяняющихъ напитковъ и любятъ напиваться.

Религіозныя представленія Кiратовъ не ясны, слово манъ выражаетъ у нихъ понятіе божества, — кхиммо или кхьиммавъ обозначаетъ пената. Наслѣдственнаго духовенства не имѣютъ; всякій по вдохновенію можетъ свершать служенія домашнему пенату или несложныя брачные и погребальные обряды; такого священнодѣйствующаго они называютъ Накчхонъ. Разъ въ годъ Накчхонъ свершаетъ жертвоприношеніе предкамъ и всѣмъ умершимъ. Въ году они имѣютъ два праздника: одинъ — посвященный домашнему пенату, другой — душамъ умершихъ. Имѣютъ своихъ колдуновъ и врачей.

Женъ Кираты покупаютъ, часто платя не деньгами, а орудіями необходимыми для домашняго обихода. Несостоятельные заработываютъ за жену у ея отца. Разводъ очень легко получается по желанію той или другой стороны; но если развода ищетъ жена, ея родные должны отдать все, что за нее заплачено; дѣти остаются съ отцомъ во всякомъ случаѣ.

Мертвыхъ хоронятъ на вершинахъ горъ, и надъ могилами воздвигаютъ памятники, складывая камни въ кучу. Хоронятъ въ день смерти. Оставшееся послѣ покойника достояніе дѣлится поровну между сыновьями; дочери, замужнія, и не замужнія не получаютъ никакой доли. Многоженство допускается

обычаемъ и хотя не часто, но встрѣчается между Киратами, поліандрія же совершенно неизвѣстна у нихъ.

Сосѣди считаютъ Киратовъ гордыми и скорыми на ссору и драку, особенно въ нетрезвомъ видѣ.

Таковы, слѣдуя Ходжсону, Кираты въ настоящее время. Они-то, по сказанію непальской Вансавали, владѣли Непаломъ въ продолженіи тысячи восьми сотъ десяти лѣтъ. За ними называются двѣ династіи: сперва царствовала династія Лунная (Сомаванса), затѣмъ Солнечная (Сурјаванса); цари той и другой династіи были западнаго происхожденія; о нихъ сообщается, что въ ихъ время въ Непалѣ поселились четыре индійскія касты. И хотя въ то отдаленное время буддизмъ еще не появлялся, но цари эти молились Пасупати, обстраивали его храмъ, въ то же время строили буддійскіе монастыри и издавали уложенія для монаховъ. Несомнѣнно, что въ этомъ мѣстѣ исторіи, также во многихъ другихъ, мы имѣетъ перенесеніе въ отдаленную древность фактовъ позднѣйшихъ временъ. О послѣднемъ царѣ Лунной династіи Бхаскаравармѣ разсказывается, что онъ въ своихъ походахъ доходилъ до Рамесвара въ южной Индіи и съ великою добычею вернулся, домой въ Непалъ.

Цари обѣихъ династій носили санскритскія имена, и господство второй Солнечной династіи продолжалось (слѣдуя Вансавали) до начала II в. по Р. Х. Слѣдующая династія называется династіей Вайсьевъ. При царяхъ этой династіи были выстроены города Лалитапуръ и Кантипуръ или Катманду. О первомъ царѣ этой послѣдней династіи упоминаетъ Сюанъ-цзанъ: „Въ эти послѣднія времена“, говоритъ китайскій путешественникъ, (то-есть, не задолго до VII ст. по Р. Х.?),— „здѣсь былъ царь по имени Ансуварма. Онъ отличался большими познаніями и остроуміемъ. Онъ самъ сочинялъ грамматическіе трактаты; уважалъ науку и почиталъ добродѣтель.

Слава его была распространена во всѣхъ странахъ". При одномъ изъ его преемниковъ, при царѣ Вирадевѣ, въ концѣ V в. по Р. Х. былъ выстроенъ городъ Лалитапуръ, при другомъ при царѣ Гунакамадевѣ, въ началѣ VIII в. по Р. Х., — городъ Кантипуръ или Катманду. Въ томъ же столѣтіи непальскою долиною овладѣли пришельцы изъ Нувакотской горной страны. Вансавали называетъ пять царей этой династіи; владѣли они страною въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Вâмадева, потомокъ Ансувармы, прогналъ послѣдняго царя этой династіи и воцарился самъ въ большой долинѣ. При внукѣ его Садасива-девѣ былъ выстроенъ Кирти-пуръ. Тотъ же царь сталъ бить монету. Вансавали говоритъ о немъ: Онъ сдѣлалъ то, чего прежде не бывало въ Непалѣ: смѣшавъ мѣдь съ желѣзомъ и выбивъ изображеніе льва, пустилъ въ обращеніе монету сукхи. Послѣдній царь этой династіи Ананда Малла выстроилъ городъ Бхактапуръ или Бхатгаонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была незначительная деревушка.

При этомъ царѣ произошла новая перемѣна династіи: въ 889 г. по Р. Х. Непаломъ овладѣлъ Нанјадева, пришлецъ изъ Карнатаки. По словамъ Вансавали, онъ пришелъ въ Непалъ съ большимъ войскомъ; между его солдатами были Невары изъ деканской страны Нâјаваръ; то была особая каста ачарьевъ (то-есть, учителей), происшедшая отъ брâхмановъ и кшатріянокъ. Весьма вѣроятно, что эти Невары, пришедшіе въ Непалъ въ IX столѣтіи съ юга, суть остатки тѣхъ Непальцевъ, которыхъ водилъ съ собою на югъ до Рамесвара царь Бхаскара Варма. Нанјадева, овладѣвъ Непаломъ, изгналъ царей послѣдней династіи въ Тирхутъ. Вансавали называетъ пять царей этой династіи; при пятомъ царѣ, по имени Рâмасинха, Непалъ подвергся новому нападенію: изъ города Палпы и Ватола пришелъ царь Мукунда Сена съ полчищами Кхасовъ и Магаровъ. Нападеніе было страшное, но кратко-

временное. Между войскомъ показались болѣзни, солдаты умирали, и одинъ только царь пробрался въ свою страну, переодѣтый факиромъ. Послѣ этого погрома Непальская долина долгое время не оправлялась: ею овладѣлъ Вайсjи изъ Нувакота; по словамъ хроники, въ каждомъ городскомъ кварталѣ было по два царя. И такой порядокъ дѣлъ подъ владычествомъ Вайсjевъ продолжался двѣсти двадцать-пять лѣтъ. Въ XIV ст. Непаломъ овладѣлъ Хари Синха Дева, происходившій изъ царскаго рода Рамачандры и бѣжавшій изъ Ауда отъ мусульманъ. Въ его царствованіе Непалъ подвергся нападенію Бхотійцевъ. Династія эта владѣла Непаломъ недолго. Вансавали называетъ только четырехъ царей этой династіи. Ее смѣнила династія Малловъ; въ Непалѣ воцарились потомки царей, прогнанныхъ Нанjадевою въ Тирхутъ. Династія Малловъ господствовала надъ Непаломъ до завоеванія страны Горкинцами. При осьмомъ царѣ Якша Маллѣ царство большой Непальской долины раздѣлилось на три независимыя царства: въ Лалитапурѣ, Катманду, Бхактапурѣ царствовали независимые другъ отъ друга цари. Такое положеніе дѣлъ въ Непальской долинѣ застали Горкинцы.

Нынѣ царствующая въ Непалѣ Горкинская династія производитъ себя отъ владѣтелей Читаургарха въ Ражапутанѣ. Одинъ изъ этихъ царей, по имени Бхупалъ Рана-жи, въ царствованіе Акбара (1494 г.), бѣжалъ отъ преслѣдованія мусульманъ въ горы и поселился въ Кхилумѣ (въ области Бхиркотъ). Здѣсь онъ занимался земледѣліемъ и воздѣлалъ обширное пространство. У него родились два сына: Кханча и Мича. Старшій Кханча отправился въ Дхоръ, покорилъ Мангратъ и вообще владѣлъ Гархономъ, Сатхуномъ, Бхиркотомъ и Дхоромъ. Младшій же, Мича, владѣлъ Нувакотомъ. Владѣнія нувакотской отрасли этой фамиліи мало по малу расширялись; они овладѣли областями Каски, Ламжунъ и въ

XVI в. (1559 г.)—областью Горкха, Драбjа-Сахъ завоевалъ Горкху при помощи Магаровъ и всѣхъ тѣхъ, на комъ былъ жертвенный снурокъ, то-есть, людей, исповѣдывавшихъ брахманизмъ; до него здѣсь владѣли Кхасы. Въ слѣдующемъ столѣтіи Притхиви Нараянъ-Сахъ овладѣлъ Непальскою долиной; его преемники распространили свое владычество на востокъ и на западъ отъ большой долины. До 1815 г. или до войны съ Англичанами, они владѣли не только Непаломъ въ теперешнихъ его границахъ, но и Камаономъ и Гарваломъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія цари Бхатгаона, Лалитапатаны и Кантипура враждовали между собою; ихъ разладомъ воспользовались Горкинцы: Нарбхупалъ Сахъ, царившій въ Горкхѣ, перешелъ черезъ Трисулъ-Гангъ, но въ Нувакотѣ онъ былъ остановленъ правившими тамъ независимыми царями Вайсьями. Горкинцы, потерпѣвъ пораженія, должны были удалиться; но отступая, Нарбхупалъ приказалъ сжечь мостъ на рѣкѣ Трисулъ-Гангѣ.

Хотя горкинцы были прогнаны у самаго входа въ большую долину; но въ народѣ, по словамъ Вансавали, было убѣжденіе, что скоро они овладѣютъ долиной. Одному землевладѣльцу было пророческое видѣніе: Однажды онъ отправился на свое поле, и поработавъ тамъ легъ спать; въ то время, когда онъ собирался заснуть, ему представилось, что на полѣ возсіялъ свѣтильникъ. Пришелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и постлалъ возлѣ свѣтильника коверъ. Затѣмъ пришелъ второй неизвѣстный и сѣлъ на коверъ.

„Ступай, позови!“ говоритъ первый неизвѣстный второму.

Все это слышалъ засыпавшій землевладѣлецъ. Скрылся одинъ изъ сидѣвшихъ, но, вскорѣ вернувшись, сказалъ:

„Сегодня не прійдетъ, а сказалъ, что завтра!“

На другую ночь хозяинъ явился снова на свое поле. Опять

тамъ же появились коверъ и свѣтильникъ; пришли двое и сѣли на коверъ.

„Позови!“ отдалъ приказаніе одинъ изъ сидѣвшихъ другому.

Пришелъ богъ Маччхендранатхъ и сѣлъ на коверъ. Затѣмъ пришелъ богъ Бхайрава.

„Дай мнѣ поѣсть!“ просилъ Бхайрава.

„Отсюда на западъ въ горномъ царствѣ есть городъ Горкха, гдѣ живетъ Горкхапатхъ. Ступай туда и царствуй!“ отвѣтилъ ему Маччхендрапатхъ.

„Пойду, коль отдашь мнѣ Непальское царство!“ говорилъ Бхайрава.

„И Непальское царство отдамъ!“ отвѣчалъ Маччхендрапатхъ.

Поговоривъ такъ, боги скрылись. Послушавъ ихъ рѣчи, хозяинъ поля узналъ, что Непальское царство будетъ принадлежать Горкинцамъ.

Видѣніе это было извѣстно народу большой долины. Между тѣмъ Горкинцы продолжали усиливаться и вѣсти о ихъ силѣ доходили до царей большой долины черезъ факировъ.

У царя Нарбхупала, сдѣлавшаго неудачную попытку овладѣть большою долиною, были двѣ жены: младшая видѣла разъ во снѣ, что она проглотила солнце. Проснулась царица и разсказала о своемъ снѣ царю. Царь, выслушавъ сонъ, ударилъ царицу. Огорченная царица не заснула во всю ночь; когда разсвѣло, царь разъяснилъ царицѣ причину своего поступка;

„О, царица, ты видѣла прекрасный сонъ; будетъ преуспѣяніе нашего царства. Я ударилъ тебя для того, чтобы ты опять не заснула!“

Отъ этой царицы родился Притхиви-Нараjана, завоевавшій Непальскую долину. До вступленія на престолъ, онъ

жилъ долгое время гостемъ въ Бхактапурѣ и на самомъ мѣстѣ развѣдалъ положеніе дѣлъ.

Притхиви-Нараjана не съ разу овладѣлъ большою Непальскою долиною: сначала онъ напалъ на Нувакотъ и былъ прогнанъ оттуда, затѣмъ онъ доходилъ до Киртипура уже въ самой долинѣ, но потерпѣвъ неудачу тутъ, долженъ былъ удалиться. И такимъ образомъ въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ Горкинцы тревожили жителей большой долины; много кровавыхъ битвъ было дано съ той и другой стороны. Наконецъ Притхиви-Нараjану удалось овладѣть Бхатгаономъ; онъ взялъ городъ при помощи измѣны: незаконнорожденные сыновья Ранжитъ Малла передались на его сторону и впустили его войско въ городъ; измѣною же онъ овладѣлъ передъ тѣмъ двумя главными городами—Лалитапатаномъ и Кантипуромъ. Со взятіемъ Бхатгаона завоеваніе большой долины завершилось: династія Малловъ перестала владѣть Непаломъ; случилось это въ началѣ 1769.

Бхатгаонскій царь былъ отпущенъ побѣдителемъ въ Бенаресъ; но царя Лалитапатана онъ считалъ опаснымъ и содержалъ его въ темницѣ до самой смерти. Бывшій царь Катманду пользовался свободой и умеръ у храма Пасупати. Вансавали передаетъ весьма характерное объясненіе, происходившее между Горкинскимъ завоевателемъ и царемъ.

По взятіи города Бхатгаона, Притхиви-Нараjана спросилъ царя о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Царь просилъ отпустить его къ храму Пасупати, и это желаніе падшаго царя было исполнено завоевателемъ.

Отпустивъ царя, Притхиви-Нараjана послалъ спросить его опять, не желаетъ ли онъ еще чего, какого-либо имущества для раздачи милостыни. Царь попросилъ зонтика и пару башмаковъ. Это умѣренное желаніе встревожило завоевателя: услышавъ его, онъ долго молчалъ, къ великому удивленію

своей свиты. Наконецъ онъ объяснилъ своимъ приближеннымъ, что зонтикъ обозначаетъ царскую корону, а башмаки—землю, что царь, прося то и другое, выражаетъ желаніе родиться сыномъ Притхиви-Нараjаны и снова царствовать!

Но такъ какъ обѣщанное должно было исполниться, то Притхиви-Нараjана даровалъ царю то, что онъ требовалъ, и при этомъ сказалъ: „Дарую тебѣ то, чего ты желаешь, но пользоваться этимъ ты будешь не при моей жизни, а при моемъ внукѣ“.

Царь, впрочемъ, скоро послѣ того умеръ.

Въ то время, какъ Притхиви-Нараjана завоевывалъ Непальскую долину, сюда пробрался одинъ италіанскій іезуитъ, по имени Джіузеппе. Его правдивое описаніе состоянія, въ которомъ онъ нашелъ страну, какъ нельзя лучше дополняетъ сухое перечисленіе фактовъ туземныхъ хроникъ. Онъ нашелъ раздоръ и разладъ между царями великой долины и между ихъ знатными, а потому полное безсиліе, не смотря на храбрость народа, противостоять наплыву жестокаго врага, который обложилъ всю долину, заперъ всѣ проходы и вѣшалъ всякаго, кто приносилъ въ долину какую-либо пищу. „Когда я пришелъ сюда“, говоритъ Джіузеппе,—„страшное зрѣлище представилось мнѣ, столько труповъ висѣло на деревахъ по дорогѣ“. Измѣна въ средѣ знатныхъ и приближенныхъ къ царямъ помогала Горкинцамъ овладѣвать однимъ городомъ за другимъ.

Овладѣвъ большою долиною, Притхиви-Нараjана распространилъ свое владычество на востокъ до Бижаяпура, на западъ — до Сапта-Гандаки, на югъ — до Макванпура и Терраевъ, на сѣверъ—до Кирона и Кути.

Его внукъ Ранъ Бахадуръ Сахъ овладѣлъ на западѣ Страною двадцати-четырехъ царей (Чаубиси-Ража), а на востокъ—всею страною Кирантіевъ: на югѣ его владѣнія про-

стирались до Ганга. Онъ же воевалъ съ Тибетомъ и Китайцами. И хотя война эта, по туземнымъ сказаніямъ, была удачна, но съ другой стороны извѣстно, что Непалъ до сихъ поръ признаетъ себя вассаломъ Китайскаго императора. При томъ же царѣ Непальцы овладѣли Камаономъ, Гарваломъ и частью Кангры. Но при его сынѣ Гирванъ Жуддха Викрам-Сахѣ возгорѣлась война съ Англичанами, вслѣдствіе которой Горкинцы потеряли свои послѣднія, сейчасъ упомянутыя завоеванія.

Послѣ этой войны Непальцы жили вообще въ ладу съ Англичанами, хотя и умѣли сохранить полную независимость; во время индійскаго возстанія Непальцы даже помогали Англичанамъ. На сколько эти мирныя отношенія измѣнятся теперь, по смерти Жанга Бахадура, покажетъ будущее.

Непалъ есть одна изъ немногихъ странъ въ Индіи, гдѣ сохранился буддизмъ, среди населенія смѣшаннаго, полуарійскаго, не смотря на наплывъ брахманическихъ и ражпутскихъ колоній; колоніи ражпутовъ и брахмановъ извѣстны не только въ большой долинѣ, но и къ западу отсюда въ бывшихъ владѣніяхъ двадцати-четырехъ царей (Чоубиси Ража) и двадцати-двухъ (Байси Ража). Здѣсь кое-гдѣ, особенно въ странахъ ближайшихъ къ тибетской границѣ, буддизмъ до сихъ поръ сохранился, хотя ближайшихъ подробностей о томъ, какой онъ тамъ принялъ характеръ, мы не имѣемъ. Наплывъ разнообразныхъ колоній, смѣна различныхъ династій, изъ которыхъ каждая приходила со своими богами и съ своими служителями, должны были повліять на религіозное сознаніе Непальскаго народа. Буддизмъ удержался здѣсь потому, что населеніе индиферентно, не фанатично по природѣ своей и въ то же время на столько суевѣрно, что всегда, по всякому поводу готово молиться и чтить всякаго бога. Образчикомъ народнаго суевѣрія можетъ служить слѣдующій фактъ, зане-

сенный въ мѣстную хронику: Въ началѣ XVII в. въ Непалъ случайно былъ занесенъ изъ равнинъ маисъ. „Никто не видалъ его прежде, и такъ какъ то была вещь, прежде не виданная, то показавъ маисъ умнымъ людямъ, народъ спрашивалъ ихъ: „Это что за вещь?“ „Эта вещь производитъ голодъ!“ рѣшили мудрые люди и приказали отослать туда, откуда онъ былъ принесенъ. Для предовращенія зла свершали служенія разнымъ богамъ, приносили жертвы и кормили брахмановъ!

Даже въ Индіи не всюду такой фактъ можетъ повториться нынѣ, а въ Непалѣ онъ возможенъ по сіе время.

Богатство и разнообразіе непальскаго пантеона поразительно, даже въ сравненіи съ бенарескимъ или другого какого-либо города, гдѣ понынѣ гнѣздится индуизмъ. Буддизмъ, удержавшись здѣсь, принялъ оригинальный характеръ. О Непальцахъ нашего времени можно съ большею справедливостью повторить слова Сюанъ-цзана: „Они не имѣютъ литературныхъ познаній; но ловки и способны къ искусствамъ... Между ними есть еретики и истинно вѣрующіе. Монастыри и храмы боговъ стоятъ рядомъ“.

То и другое до сихъ поръ существуетъ въ Непалѣ рядомъ; но въ монастыряхъ живутъ женатые монахи, и въ брахманическихъ храмахъ стоятъ буддхы и бодхисатвы, и на оборотъ, въ буддійскихъ храмахъ стоятъ брахманическіе боги. Буддійское духовенство здѣсь отлично отъ цейлонскаго: они посвящаются иначе, читаютъ (очень рѣдко) иныя книги, молятся не тому, чему поклоняются на югѣ. Ихъ храмы выстроены по другому плану и украшаются совершенно оригинально; ихъ ступы совершенно не похожи ни на цейлонскія, ни на древнія, извѣстныя нынѣ въ развалинахъ. Здѣсь и другіе праздники, и другія процессіи въ честь мѣстныхъ божествъ.

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности прослѣдить исторію развитія религіознаго сознанія въ Непалѣ: изъ Вансавали мы не узнаемъ даже, когда введенъ былъ сюда буддизмъ, но за то въ этой мѣстной исторіи имѣется множество извѣстій о томъ, какъ разростался непальскій пантеонъ: если о какомъ-либо царѣ что-либо говорится, то сказанное. за немногими исключеніями, относится или къ сооруженію имъ новаго храма, или къ привеленію въ Непалъ новаго божества. Откуда бы ни пришло это божество, кѣмъ бы оно ни было приведено, божество становилось желаннымъ и многочтимымъ гостемъ страны.

Боги привозимы были и съ сѣвера, отъ озера Манасаровара въ Тибетѣ (богиня Жајабагесвари), и съ юга, изъ Декана (богиня Туржа), изъ Бенареса (Аннапурна) и т. д., отовсюду, откуда являлись въ Непалъ въ различное время разные завоеватели и сподвижники ихъ, брахманы. Культъ развивался и усложнялся вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ число боговъ разросталось въ Непалѣ. Вансавали упоминаетъ о множествѣ процессій, устроенныхъ разными царями въ честь различныхъ боговъ: во время этихъ процессій по улицамъ городовъ носили изображеніе бога, плясали или пѣли и даже бывали драматическія представленія: изображали, какъ Буддха состязался съ Марою (чертомъ). Выше было упомянуто, что одно время въ продолженіи двухсотъ двадцати-пяти лѣтъ въ большой Непальской долинѣ правило множество царей; при этихъ царяхъ въ Непалѣ былъ введенъ особенный культъ десяти безусловныхъ совершенствъ. Буддисты признаютъ, что буддха обладаетъ десятью безусловными совершенствами (пâрамитâ), и въ честь пâрамитъ устроено было празднество. Въ любомъ монастырѣ выбирали десять старцевъ; каждый изъ нихъ изображалъ собою какую-нибудь пâрамиту, и каждый чтился какъ божество, то-есть, приходилъ царь, собственноручно омы-

валъ имъ ноги и затѣмъ угощалъ старцевъ рисомъ вареным въ молокѣ.

По извѣстіямъ Таранаты, въ древности въ Непалѣ буддизмъ процвѣталъ: здѣсь являлись мужи глубокой учености, и сюда также приходили изъ равнинъ, изъ Магадхы многіе буддійскіе ученые. Мѣстная хроника разсказываетъ, что Санкарачарья положилъ конецъ процвѣтанію буддизма здѣсь: весьма вѣроятно, что эта религія вымирала и преобразовывалась въ продолженіи десятковъ поколѣній: не одинъ Санкарачарья, но были и другіе учители, нынѣ чтимые какъ боги, напримѣръ, Горакшанатхъ, Маччхендра-натхъ, и которые видоизмѣняли буддійское ученіе. Внѣшнія политическія обстоятельства и самый народный характеръ способствовали развитію той религіи, которая существуетъ теперь въ Непалѣ: странная смѣсь брâхманизма и буддизма, высокихъ идей и грубаго идолослуженія.

2.

Непалъ мало извѣстенъ въ Индіи, и еще менѣе интересуются имъ и знаютъ эту страну въ Европѣ. Въ Индіи о Непалѣ помышляютъ и часто говорятъ одни охотники. Терраи, т.-е. непальскія равнины, прилегающія къ британскимъ владѣніямъ — обѣтованная страна для завзятаго спортсмэна. Лихорадка свирѣпствуетъ здѣсь круглый годъ, особенно-же съ наступленіемъ жаркихъ мѣсяцевъ: но это неудобство вполнѣ вознаграждается обиліемъ лютыхъ звѣрей въ терраяхъ; доступъ сюда очень легокъ; въ терраяхъ иногда охотятся не испросивъ на то разрѣшенія непальскаго правительства.

Въ силу трактатовъ съ Англіею, непальское правительство вынуждено было открыть европейцамъ часть своихъ владѣній, т.-е. большую непальскую долину, около двадцати миль съ востока на западъ и пятнадцати съ сѣвера на югъ: и сюда

можно явиться по одному только пути, испросивъ предварительно разрѣшеніе правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Индіи задумали издать карту Непала, и былъ посланъ для этой цѣли въ Непалъ съемщикъ; онъ былъ индіецъ, кажется родомъ изъ Бенгаліи, а потому могъ бродить безвозбранно по странѣ, и такимъ образомъ высмотрѣть все, что ему нужно было; съемщикъ однакоже не успѣлъ высмотрѣть многаго: по пріѣздѣ въ Катманду онъ явился въ домъ англійскаго резидента и тѣмъ испортилъ все дѣло. Непальское правительство узнало, конечно, что новопріѣзжій индусъ былъ у резидента, заподозрило, что онъ не простой индусъ, явился не ради богомольства, а состоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ къ британскому правительству, стало за нимъ присматривать и въ скоромъ времени выпроводило его обратно въ Индію. Съемщикъ пріѣхалъ къ пославшему его, не исполнивъ своего порученія. Карту Непала англичане послѣ того все-таки издали, и даже не одну, а двѣ; сомнительно однакоже, чтобы то были вѣрныя карты. Присылался сюда и другой еще индусъ, поискать рѣдкихъ рукописей; и онъ уѣхалъ, не достигнувъ своей цѣли, а между тѣмъ непальское правительство не запрещаетъ индусамъ, англійскимъ подданнымъ, бродить по всей странѣ; даже сипаи, почетная стража резидента, имѣютъ право ходить на богомолье, за предѣлы большой долины. Непальское правительство подозрительно только къ европейцамъ, и въ Непалѣ сложился миѳъ о какомъ-то европейскомъ путешественникѣ. Разсказываютъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Тибета въ долину явился какой-то европеецъ, переодѣтый факиромъ. Непальцы, конечно, не дались въ обманъ, европеецъ былъ узнанъ и слѣдъ его исчезъ. И народъ, и правительство въ Непалѣ одинаково подозрительны; въ Калькуттѣ существуетъ убѣжденіе, что въ Непалѣ нельзя ничего увидать, ничего узнать и ничего рѣд-

каго вывезти оттуда. Къ сожалѣнію, это мнѣніе только отчасти преувеличиваетъ подозрительность непальскаго правительства и оказывается справедливымъ во многихъ отношеніяхъ. Получить разрѣшеніе на проѣздъ въ большую непальскую долину не представляетъ никакихъ затрудненій. Разрѣшеніе непальское правительство даетъ какъ-будто и охотно, но въ то же время постарается обставить его разными формальностями. Если европеецъ ѣдетъ туда самъ по себѣ, не гостемъ англійскаго резидента, — кромѣ разрѣшенія, ему нужно имѣть паспортъ. Пріѣхавъ такимъ образомъ въ Непалъ, не легко ему найти себѣ жилище въ долинѣ. Гдѣ жить? Нанять домъ или часть дома у туземца? Невозможно: непальское правительство не разрѣшитъ этого. И не одинъ туземецъ не пуститъ къ себѣ въ домъ нечистаго европейца. Остается привезти съ собою палатку и жить въ ней? Но и въ такомъ случаѣ могутъ встрѣтиться непредвидѣнныя затрудненія относительно выбора мѣста, гдѣ поставить палатку. Легко можетъ случиться, что правительство не позволитъ раскинуть палатку, а потому всѣ бывавшіе въ Непалѣ пріѣзжали гостями или резидента, или его помощника.

Хотя номинально въ Непалѣ царствуетъ Сурендра Викрама-сахъ; на самомъ же дѣлѣ неограниченная власть сосредоточена въ рукахъ перваго министра, извѣстнаго сэра Жанга-Бахадура *). Въ то время, когда я собирался въ Непалъ и хлопоталъ о дозволеніи проѣхать туда, непальскій баронетъ вмѣстѣ съ англійскимъ резидентомъ былъ на пути въ Европу. Въ половинѣ февраля я двинулся въ Непалъ. Между тѣмъ сэръ Жангъ, прогуливаясь по Бомбею, упалъ съ лошади и долженъ былъ отложить свою поѣздку въ Европу. Когда, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Бихарѣ, я доѣхалъ

*) Нынѣ уже умершаго.

до Дайнапура, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда въ Банкепурѣ временно пребывали непальскій первый министръ и англійскій резидентъ. Я счелъ не лишнимъ побывать у послѣдняго хотя имѣлъ и разрѣшеніе на проѣздъ, и ѣхалъ въ Непалъ гостемъ оффиціальнаго лица, временно исправлявшаго должность резидента. Въ настоящемъ резидентѣ я нашелъ очень любезнаго человѣка и, въ первое же свиданіе съ нимъ, узналъ много любопытныхъ подробностей о Непалѣ. Резидентъ не поскупился также дать мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и поспѣшилъ спросить, не намѣреваюсь ли я пробраться переряженнымъ въ Тибетъ.—Вы конечно дасте слово, что не будете пытаться проникнуть въ Тибетъ, или Даржайлинъ или куда бы то ни было, за предѣлы той части Непала, которая открыта европейцамъ?—спросилъ онъ меня. Успокоенный на этотъ счетъ, резидентъ сталъ описывать непальцевъ народомъ дикимъ, грубымъ, независимымъ. Мнѣ припомнилось при этомъ китайское описаніе Непала, такъ же мало похожее на правду, какъ и слова резидента. Всякаго рода столкновенія съ ними слѣдуетъ избѣгать, говорилъ онъ; и тутъ же прибавилъ впрочемъ, что эти совѣты совершенно безполезны для не-англичанина; онъ былъ какъ будто подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшествія, случившагося незадолго до нашей встрѣчи: какой-то храбрый англичанинъ, на границѣ одного независимаго царства въ Индіи, погрозилъ разбить голову начальнику пограничной стражи за то, что тотъ не могъ достать ему молока къ чаю.

Въ тотъ же вечеръ я двинулся къ сѣверу, въ Непалъ. Дорога въ Непалъ, отъ Дайнапура по британскимъ владѣніямъ и далѣе по непальскимъ равнинамъ, скучна и однообразна. Двигаешься медленно, потому что не ѣдешь, а странствуешь на плечахъ людей, т.-е. въ палапкинѣ; кругомъ стелется песчаная, въ февралѣ и мартѣ совершенно голая, рав-

нина, кое-гдѣ торчатъ худощавыя пальмы и даже Гангъ, черезъ который переправляешься у Дайнапура, не поражаетъ величіемъ; его мутныя, грязныя воды текутъ среди плоскихъ, совершенно лишенныхъ растительности береговъ. Постоялыхъ дворовъ нѣтъ по этой дорогѣ; британское правительство не выстроило ихъ, такъ какъ число путешествующихъ по этому направленію ничтожно. Странствуя отъ Дайнапура къ сѣверу, путешественникъ принужденъ искать убѣжища въ домахъ плантаторовъ; гостепріимство въ этихъ глухихъ мѣстахъ развито на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Не спрашивая его приказанія, носильщики несутъ путешественника въ домъ европейца, гдѣ онъ находитъ радушный пріемъ, кровъ, обѣдъ и всѣ удобства, неоцѣнимыя при путешествіи въ жаркой странѣ, среди пыльныхъ равнинъ. Миновавъ факторію Хардія, вступаешь черезъ полторы или двѣ мили въ границы Непала; характеръ мѣстности остается прежнимъ, передъ глазами все та же пыльная равнина и та же сухая и тщедушная растительность, и такъ съ малыми видоизмѣненіями вплоть до Бичакау. Отсюда до Хетаура считается двѣнадцать миль. Около половины дороги пролегаетъ по каменистому руслу рѣки, среди совершенно отвѣсныхъ скалъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. Эта часть пути очень затруднительна для носильщиковъ, даже въ сухое время, когда русло совершенно безводно. Черезъ миль шесть дорога покидаетъ русло рѣки и вступаетъ въ густой лѣсъ громадныхъ деревъ (sal). Лѣсъ тянется до рѣки Курру, черезъ которую перекинутъ прекрасный мостъ. На восточномъ берегу рѣки лежитъ деревенька Хетаура, гдѣ есть непальскій казенный постоялый дворъ. Это громадное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ и портиками кругомъ всего двора, было выстроено непальскимъ правительствомъ для путешественниковъ. Внутри дома полное отсутствіе всякой мебели, но въ каждой комнатѣ есть каминъ и окна, хотя безъ

стеколъ, плотно закрывающіяся ставнями; такъ какъ по ночамъ здѣсь бываетъ холодно, то иногда затопить каминъ необходимо даже въ мартѣ. Съ наступленіемъ жары, начиная съ апрѣля, деревенька совершенно пустѣетъ; жители убѣгаютъ въ горы отъ лихорадокъ, которыя начинаютъ свирѣпствовать здѣсь въ апрѣлѣ; говорятъ, въ это время провести даже часть ночи небезопасно въ Хетаурѣ. Въ февралѣ и мартѣ терраи относительно здоровое мѣсто; и я не схватилъ здѣсь лихорадки, хотя провелъ всю ночь въ Хетаурѣ, и только на другой день, рано утромъ, отправился въ Бимфеди. Паланкинъ оставляется у Хетаура; отсюда далѣе, до Бимфеди, можно или ѣхать верхомъ, если имѣешь свою лошадь, или же въ люлькѣ, на носильщикахъ. Къ двумъ огромнымъ, твердымъ палкамъ привѣшивается люлька, въ которую ложится путешественникъ, и четыре приземистыхъ неварца, два впереди и два сзади, вскинувъ палки на плечи, несутъ его; они двигаются мѣрно и съ постоянною скоростью, хотя и не такъ быстро, какъ носильщики паланкина: послѣдніе иногда въ часъ проходятъ до четырехъ миль. Лежать въ люлькѣ очень спокойно и путешествовать такимъ образомъ было бы даже пріятно, если бы вмѣсто носильщиковъ можно было запрягать воловъ или лошадей. Неварцы очень выносливы; увѣряютъ, что ноша одного человѣка нисколько не отяготительна для четырехъ неварцевъ; гораздо бо́льшій вѣсъ не превышаетъ ихъ силъ. Но ихъ вздохи, охи, безпрестанное перекидываніе палки съ одного плеча на другое, все это въ началѣ производитъ томительное впечатлѣніе и заставляетъ подозрѣвать, что протащить въ продолженіи нѣсколькихъ миль на своихъ плечахъ, хотя бы даже одного человѣка, не такъ-то легко. Отъ Хетаура до Бимфеди дорога вьется по долинѣ рѣки Рапути, среди горной, а по тому самому уже красивой мѣстности; дорога прекрасная и устроена въ послѣдніе годы теперешнимъ

непальскимъ первымъ министромъ. Черезъ Рапути, теченіе которой очень извилисто, перекинуто нѣсколько мостовъ; мы двигались по направленію къ сѣверо-западу, безпрестанно переходя съ одного берега на другой. Рапути съ шумомъ и быстро вьется среди горъ, покрытыхъ роскошною растительностью; особенно выдаются яркіе рододендроны, въ полномъ цвѣту; они покрываютъ всѣ склоны горы до самой подошвы. Когда на утро выступишь изъ Хетаура и, пройдя длинный мостъ на Рапути, взойдешь въ долину, переходъ отъ равнинъ къ горной странѣ такъ неожиданъ и такъ разительна перемѣна въ окружающей обстановкѣ: и люди, и природа совершенно не похожи на то, что еще видѣлъ вчера, по ту сторону непальской границы. Даже архитектура другая: на домахъ, часовняхъ крыши въ китайскомъ стилѣ; домы бо̀льшею частью двухъ-этажные; нижній этажъ состоитъ изъ портика, въ верхнемъ—жилье. Такъ какъ это единственный путь, открытый въ Непалъ, то по всей дорогѣ отъ Хетаура до Катманду сильное движеніе; болѣе всего видно неварцевъ, носильщиковъ; перевозъ товаровъ, весь ввозъ и вывозъ здѣсь производится бо̀льшею частью черезъ посредство человѣческой спины; рѣдко, и только въ послѣднее время стали употреблять въ большой долинѣ воловъ для этой цѣли. Неварецъ тащитъ въ гору бревно; онъ же переноситъ товары изъ Индіи въ Непалъ, приноситъ почту въ резиденцію и бѣлый хлѣбъ резиденту; ношу, и довольно значительную, онъ укрѣпляетъ на спинѣ, придерживая ее, кромѣ того, — веревкою, обвивающею лобъ. Этимъ промысломъ занимаются и мужчины и женщины. Плата носильщику ничтожная; въ Катманду она въ день не превышаетъ девяти копѣекъ. Кромѣ неварцевъ, часто встрѣчаются по дорогѣ факиры. Въ Непалѣ много святыхъ мѣстъ, привлекающихъ толпы тунеядцевъ изъ Тибета и всѣхъ мѣстъ Индіи, даже съ юга, изъ Мадраса. Го-

лые, безобразные, покрытые пепломъ, съ взъерошенными волосами, эти божьи люди быстро двигаются по дорогѣ, не озираясь по сторонамъ и шепча молитву: Хари! Рамъ! Хари! Рамъ! Изрѣдка проѣдетъ на слонѣ, окруженный толпою грязной прислуги, какой-нибудь непальскій магнатъ. Путешественниковъ, т. е. не-носильщиковъ и не-богомольцевъ очень немного на этомъ пути; всякій европеецъ здѣсь, конечно, какъ рѣдкая птица, возбуждаетъ сильное любопытство; и факиръ и носильщикъ глазѣютъ на него, какъ будто недоумѣвая о томъ, откуда онъ могъ явиться и зачѣмъ его принесло сюда? — Пятнадцать миль отъ Хетаура до Бимфеди, среди мѣняющихся картинъ природы и мелькающихъ разнообразныхъ типовъ непальцевъ, проходятся легко и почти-что не замѣтно. Въ Бимфеди есть также казенный постоялый дворъ, и отсюда нужно подниматься на Сисагхари; передъ началомъ путешествія въ гору носильщики обыкновенно требуютъ отдыха и завтрака. Неварцы, какъ и всѣ почти индійцы, не знаютъ и не понимаютъ прелести ѣды вмѣстѣ съ ближнимъ. Въ Непалѣ, какъ и въ Индіи, каждый туземецъ обѣдаетъ, завтракаетъ самъ по себѣ, гдѣ-нибудь въ углу, въ сторонѣ отъ людей. Въ Калькуттѣ мнѣ разсказывали про одного ученаго брахмана, что въ продолженіи сорока лѣтъ онъ ни разу не пообѣдалъ даже вмѣстѣ съ своею женою, и въ продолженіи всего этого времени, каждый день самъ готовилъ свой обѣдъ, конечно далеко не изысканный, хотя брахманъ этотъ человѣкъ очень состоятельный. Неварецъ-носильщикъ носитъ съ собою свой рисъ, привязывая мѣшечекъ къ поясу; у нѣкоторыхъ, кромѣ того, есть свои ложки, деревянныя или желѣзныя; но чаще всего они обходятся безъ ложекъ, забивая въ ротъ рисъ пригоршнями. Ѣдятъ они хотя въ одиночку и не разговаривая другъ съ другомъ, но очень долго, затѣмъ сядутъ къ ближайшему колодцу пить и мыть ротъ; при со-

вершеніи послѣдняго не замѣтно особенной тщательности. Сисагхари возвышается надъ уровнемъ долины на тысячу шестьсотъ футовъ, и дорога вьется въ гору на протяженіи двухъ миль: во все время идешь въ тѣни, среди густой растительности. Подъемъ очень труденъ, хотя далеко не продолжителенъ; мы взбирались не болѣе полутора часа. На вершинѣ горы крѣпость и таможня. Крѣпость очень незначительная и полуразрушенная; рядомъ съ таможнею стоитъ домъ для пріѣзжихъ, низенькое зданіе съ тремя просторными комнатами; изъ оконъ открывается широкій видъ на горы и долину; но снѣжныхъ горъ отсюда не видно. Отъ Сисагхари до Катманду одинъ день пути, и дорога отъ крѣпости вьется далѣе въ гору. Мы поднимались съ полчаса и затѣмъ стали спускаться къ долинѣ рѣки Панаути. Рѣка не видна съ вершины, но какъ только начинаешь спускаться, шумъ быстро текущей рѣчки явственно слышенъ. Спускъ очень крутъ и продолжается болѣе двухъ часовъ. Панаути протекаетъ у самой подошвы горы; рядъ набросанныхъ глыбъ, ничѣмъ не скрѣпленныхъ и легко размываемыхъ, образуетъ нѣчто подобное мостику, черезъ который слѣдуетъ переправиться на другой берегъ; теченіе этой рѣки, также какъ Рапути, очень извилисто и приходится переходить ее нѣсколько разъ; затѣмъ, переваливъ черезъ горы, въ долины рѣкъ Тамракхана, Марку, изъ долины Читлонгъ поднимаешься на гору Чандаргири. Подниматься на эту гору также затруднительно, какъ и спускаться; дорога изъ долины Читлонгъ вверхъ то же крута, какъ и внизъ, въ большую долину, которая отсюда съ вершины видна вполнѣ; въ ясный день отсюда видны также снѣжныя вершины Гималая. У подошвы Чандаргири, въ большой долинѣ расположенъ городокъ Танкотъ, отъ котораго вплоть до Бхатгаона (на ю.-в. долины) черезъ Катманду идетъ шоссейная дорога; другая шоссейная дорога проходитъ также

черезъ непальскую столицу и, начинаясь у города Лалита-Патана, оканчивается у загороднаго дворца, Бхалажи. Обѣ дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усажены деревьями и на рѣкахъ воздвигнуты прочные мосты. Въ долинѣ двѣ главныя рѣки: Вишнумати и Багмати; обѣ вытекаютъ въ сѣверной части долины, у горы Шеопури; первая вытекаетъ съ юга горы и течетъ на югъ, вторая съ сѣвера, и течетъ сперва на югъ, затѣмъ на ю.-з. При сліяніи двухъ рѣкъ стоитъ столица Непала, Катманду или Кантипуръ (27°42′ с. ш. и 85°36′ в. д.). Туземцы увѣряютъ, что въ ихъ столицѣ пять-десятъ тысячъ жителей; эта цифра, конечно, только приблизительно точная, хотя нѣтъ основанія предполагать, что число жителей преувеличено. Напротивъ, при первомъ въѣздѣ долина поражаетъ своимъ многолюдствомъ и разнообразіемъ встрѣчающихся типовъ. Кромѣ Катманду, здѣсь есть и другіе болѣе или менѣе значительные города; такъ, по дорогѣ изъ Танкота въ Катманду проходишь мимо города Киртипура; въ трехъ миляхъ къ ю.-в. отъ столицы стоитъ древній неварскій городъ Лалитапатанъ; нѣсколько далѣе къ востоку, въ десяти миляхъ, Батгаонъ; другіе города, поменьше, деревни, деревеньки, одиночные постоялые дворы разсыпаны во множествѣ и въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, по всей долинѣ; словомъ, вся долина кажется однимъ большимъ городомъ, пересѣченнымъ во многихъ мѣстахъ въ неодинаковой степени значительными огородами и пустырями. Множество построекъ воздвигается въ мѣстахъ пустынныхъ, и кругомъ по горамъ количество обработываемой почвы растетъ съ каждымъ годомъ; на большей части окружныхъ горъ виднѣются обработанныя поля, расположенныя по склону горъ, террассами. Климатъ здѣсь необыкновенно пріятный и здоровый, и рядомъ съ тропическою растительностью, видишь произведенія умѣреннаго климата. Кое-гдѣ въ сторонѣ отъ дороги попа-

даются полуразвалившіеся и оставленные домы; но число ихъ ничтожно въ сравненіи съ ново-строющимися домами, храмами и другими зданіями. По дорогамъ и тропинкамъ сильное движеніе: оно замѣчается и невольно останавливаетъ вниманіе при первомъ вступленіи въ долину, даже послѣ оживленной дороги отъ Хетаура до Танкота. Число и разнообразіе встрѣчающихся здѣсь типовъ по истинѣ поразительно: неварецъ, исконный владѣтель Непала, пришельцы бхотія, тибетецъ, индусъ, завоеватель горкинецъ и другіе народцы Непала отличаются другъ отъ друга типомъ лица, покроемъ костюмовъ и украшеніями. На тибетцахъ и тѣхъ изъ неварцевъ, которые побывали въ Тибетѣ, совершенно русскія поярковыя шапки; на тибетскихъ ламахъ верхнее платье сильно напоминаетъ русскій зипунъ. Неварецъ одѣтъ, по большей части, въ нѣчто подобное бѣлой рубахѣ, съ косымъ воротомъ и разрѣзомъ у ляжекъ; панталонъ неварецъ не носитъ и ходитъ босикомъ; и даже утромъ, когда бываетъ иногда очень холодно (35° по Ф.) неварецъ кутаетъ голову, оставляя ноги обнаженными. Типъ неварца монгольскій и некрасивый, хотя у большей части очень добродушное выраженіе лица и всѣ они кажутся какъ будто неумытыми. А между тѣмъ воды здѣсь вдоволь; кромѣ двухъ главныхъ рѣкъ, въ долинѣ есть нѣсколько меньшихъ рѣчекъ. Въ Катманду и окрестностяхъ насчитываютъ 2733 храма и часовень, и почти у каждаго храма и каждой часовни есть или прудъ, или источникъ, или колодезь. Словомъ была бы только охота, а умыться есть гдѣ; а между тѣмъ нечистота—самая характерная черта непальцевъ и непальскихъ городовъ. Бѣдный классъ рѣдко моется у себя, въ домѣ; по утрамъ и мужчины и женщины идутъ къ часовнямъ или храмамъ,—совершать туалетъ. Тибетцы еще грязнѣе неварцевъ: и въ жаръ и холодъ тибетецъ не снимаетъ теплыхъ сапогъ и теплаго зипуна; моется рѣдко: непальцы

увѣряютъ, что тибетецъ мытъ разъ въ жизни, при рожденіи. По поводу тибетской нечистоты между неварцами, ихъ единовѣрцами и родственными имъ по языку и происхожденію, сложилась легенда: они разсказываютъ, что во дни оны въ Индіи явился великій противникъ буддистовъ, Санкара; разбивъ индійскихъ буддистовъ во всѣхъ спорахъ, онъ явился въ Непалъ и здѣсь его встрѣтилъ тотъ же успѣхъ: буддисты частью перешли на его сторону, частью уступили и присмирѣли. Воодушевленный такою удачею, Санкара перебрался черезъ горы, въ Тибетъ; здѣсь однакоже злой врагъ буддизма неожиданно потерпѣлъ сильное пораженіе. Ламы, съ которыми онъ вступилъ въ состязаніе, были такъ грязны и такъ сильно заражали своими испареніями воздухъ кругомъ, что опрятный индусъ вынужденъ былъ отказаться отъ спора. „Почему вы не моетесь?“ спросилъ онъ своихъ оппонентовъ. Святые отцы отвѣчали: „мы чисты внутри, и не заботимся о наружности: ты же грязенъ въ сердцѣ, хотя наружно и чистъ!“ На это Санкара не нашелся что отвѣчать и ушелъ изъ Тибета. Два-три тибетца въ комнатѣ окончательно невыносимы; воздухъ остается зараженнымъ нѣкоторое время послѣ ихъ ухода. Они являются во множествѣ въ Непалъ, частью по торговымъ дѣламъ или ради богомолья. Тибетцы охотники лечиться, не чуждаются европейскаго медика и великіе охотники также прививать себѣ оспу; есть между ними любители, готовые подвергаться этой операціи ежедневно, или по крайней мѣрѣ черезъ день. На грязное тѣло и грязный нарядъ тибетецъ, посостоятельнѣе, любитъ вывѣшивать ожерелья, четки изъ драгоцѣнныхъ камней. Особенно много видно на нихъ бирюзы. Горкинецъ, аріецъ по языку и происхожденію, часто имѣетъ монгольскій типъ лица; онъ завоеватель здѣсь, и главнымъ образомъ солдатъ; въ рукахъ горкинцевъ все управленіе страны: ими занимаются высшіе посты; между солдатами нѣтъ не-

варцевъ, хотя и есть другіе народы, напр., гуруны и магьяры. Чистокровный горкинецъ красивъ, мужественъ на видъ; онъ имѣетъ свѣтлый, почти европейскій цвѣтъ лица, невысокъ ростомъ, но строенъ и ловокъ. Всѣ они брахманисты, но не особенно религіозны и не особенно учены, по-своему. Неварцы, владѣвшіе Непаломъ до послѣдняго горкинскаго завоеванія, въ настоящее время не у дѣлъ; неварецъ не бываетъ ни солдатомъ, ни чиновникомъ; горкинцы презираютъ ихъ частью какъ слабѣйшую расу, частью потому, что большинство неварцевъ буддисты, хотя буддизмъ здѣсь какъ выше было сказано совершенно отличенъ отъ буддизма другихъ странъ и очень многое заимствовалъ отъ брахманизма. Въ Непалѣ нѣтъ безбрачнаго духовенства, нѣтъ монастырей и нищенствующихъ монаховъ; есть наслѣдственное званіе банра; этимъ именемъ обозначается буддійское духовенство; банра хотя и лицо духовное, но въ то же время занимается какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ; банра бываетъ плотникомъ, столяромъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; рѣдко между ними встрѣчаются люди свѣдующіе, и горкинцы увѣряютъ, что всѣ банра великіе мошенники.

Катманду виднѣется издали; какъ минуешь Киртипуръ, такъ въ глаза бросится громадная бѣлая колонна. Этотъ столбъ (250 ф.) былъ воздвигнутъ однимъ изъ прежнихъ первыхъ министровъ Непала, Бхимсеномъ. Бхимсенъ воздвигъ его самъ себѣ, желая увѣковѣчить память о себѣ. Столбъ стоитъ на площади, гдѣ ежедневно бываетъ разводъ и ученье непальскихъ войскъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ столба стоитъ довольно просторный павильонъ, съ плоскою крышею; у павильона, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стояла мѣдная статуя теперешняго перваго министра Жанга-Бахадура. Побывавъ въ Европѣ и насмотрѣвшись тамъ на монументы великимъ монархамъ и полководцамъ, Жангъ-Бахадуръ вздумалъ оказать

себѣ такой-же почетъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ статую убрали съ виднаго мѣста; говорятъ, Жангъ-Бахадуръ приказалъ убрать свое слабое подобіе, опасаясь, что, по его смерти, будущій правитель Непала обойдется непочтительно со статуей. Чѣмъ ближе подвигаешься къ городу, тѣмъ болѣе и болѣе выступаетъ золотыхъ макушекъ храмовъ. Ихъ въ городѣ множество: буддійскихъ, брахманическихъ и смѣшаннаго характера, одинаково священныхъ для буддиста и брахманиста, куда и тотъ, и другой ходятъ молиться и совершать приношенія. Передъ каждымъ храмомъ или бассейнъ, или колодезь. Большихъ домовъ въ городѣ немного, и всѣ таковые новой постройки, неоригинальны и некрасивы. Вообще, Катманду болѣе оригинальный, нежели красивый городъ. Улицы узки, плохо вымощены кирпичами и грязны. Домы въ два и три этажа, но не велики; нѣкоторые, болѣе старой постройки, очень красивы. Китайская крыша и обиліе рѣзьбы по дереву на окнахъ, нижнихъ столбахъ портика и верхнихъ столбикахъ, поддерживающихъ крышу, придаютъ непальскимъ постройкамъ очень оригинальный характеръ. Въ окнахъ стеколъ нѣтъ; ихъ видишь только въ немногихъ домахъ мѣстныхъ тузовъ; въ бо́льшей же части домовъ стекла замѣняютъ ставнями съ сквозной рѣзьбой. Эта рѣзьба, также какъ украшенія на столбахъ, очень красива. Фигуры звѣрей, птицъ, людей вырѣзаны необыкновенно отчетливо; въ нѣкоторыхъ домахъ въ каждомъ окнѣ стоитъ рѣзной павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ. Не всегда однакоже сюжетъ изображеній отличается достаточною скромностію: часто видишь такія группы, выставлять которыя на столбахъ или окнахъ, во всякомъ другомъ городѣ, считалось-бы оскорбленіемъ общественной нравственности; но здѣсь артистъ свободно и безнаказанно вырѣзываетъ такого рода изображенія и лѣпитъ ихъ кругомъ домовъ и храмовъ. Наружныя стѣны домовъ покрываются, кромѣ

того, картинами, изображеніями боговъ, текстами изъ священныхъ книгъ, или разными символическими знаками; между последними есть одинъ знакъ (viçvavajra) совершенно подобный византійскому кресту; этотъ-же знакъ вырѣзывается на извѣстныхъ молитвенныхъ машинкахъ, употребляемыхъ буддистами въ Тибетѣ. Храмы выстроены также въ томъ же стилѣ китайской архитектуры; нѣкоторые, изъ болѣе старыхъ, совершенно подобны индусскимъ; передъ болѣе значительными храмами находятся базарныя площади. Базарная площадь— самая любопытная часть города; ихъ нѣсколько въ Катманду, наиболѣе значительныя находятся передъ царскимъ дворцомъ и передъ храмомъ Матсьендранатха. Во всякое время дня на этихъ площадяхъ фланируетъ, торгуется густая разноплеменная толпа. Но особенно любопытны площади утромъ. Городская жизнь начинается здѣсь рано; въ пять часовъ городъ проснулся; кучки мужчинъ и женщинъ видны у бассейновъ, колодцевъ, на площадяхъ; кто моется, переговариваясь съ сосѣдомъ или сосѣдкой, кто наскоро ополоснувъ руки, идетъ въ храмъ молиться. Площадь въ этотъ часъ переполнена корзинами цвѣтовъ; всякій богомолецъ передъ тѣмъ, какъ идти въ храмъ, покупаетъ себѣ букетъ. Масса разнородныхъ цвѣтовъ придаетъ площади очень красивый видъ и благоуханіе отъ нихъ бываетъ такъ сильно, что запахъ тутъ-же продающагося лука совершенно заглушается. До лука всѣ непальцы большіе охотники. Рѣдко гдѣ можно видѣть такъ много луку въ продажѣ, и врядъ-ли гдѣ еще такъ часто попадаются прохожіе, лакомящіеся сырымъ лукомъ. Тутъ-же, на площади, выставляется сырое мясо. Конечно, говядина здѣсь не продается, въ Непалѣ ея нельзя достать ни за какія деньги: коровъ, какъ священныхъ существъ, непальцы не бьютъ. Убить корову считается здѣсь важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Коровъ здѣсь множество; обыкновенно, въ тотъ годъ, когда

ихъ наплодится слишкомъ много, даже для такой благочестивой страны, какъ Непалъ, Жангъ-Бахадуръ приказываетъ выгнать часть коровъ за предѣлы Непала, въ британскія владѣнія, гдѣ, ихъ конечно, англичане перебьютъ и поѣдятъ: Жангъ-Бахадуръ прекрасно знаетъ это, но для него важно уже то, что скандалъ произошелъ, хотя по его винѣ, да не въ Непалѣ. Туземцы, даже буддисты, бьютъ и ѣдятъ буйволовъ, свиней, овецъ, козъ, куръ. Мясо разрубается съ кожею и шерстью, и въ такомъ видѣ продается. Постоянныхъ лавокъ немного на площади, гораздо болѣе подвижныхъ; обыкновенно, купецъ приноситъ свой товаръ на площадь и не стѣсняется выборомъ мѣста. Часто видишь мясную лавочку у входа часовни или храма.

Тутъ-же, рядомъ съ торгашемъ, какой-нибудь благочестивый человѣкъ, расположившись на землѣ, совершаетъ утреннія моленія. Богомолецъ является къ храму, омывъ руки у ближайшаго колодца, съ приношеніями, молитвенникомъ и другими снарядами. На немъ четки, оканчивающіяся четырьмя бусами, расположенными крестообразно. Обойдя трижды вокругъ храма, онъ садится на землю и прикладываетъ пять пальцевъ правой руки ко лбу, груди, лѣвому и правому плечу; затѣмъ, позвонивъ въ колоколъ, какъ-бы призывая вниманіе божества, онъ разставляетъ вокругъ себя приношенія, назначаемыя божеству: цвѣты, яйца, какія-то печенья, чашечку съ водою, и начинаетъ читать какой-нибудь гимнъ. Такихъ гимновъ множество въ обращеніи между буддистами. Всѣ они на санскритскомъ языкѣ, и хотя усердно читаются, но рѣдко понимаются народомъ. Обыкновенно богомолецъ бормочетъ гимнъ, слѣпо вѣря въ какую-то таинственную силу произносимыхъ словъ. Вотъ начало одного изъ гимновъ къ покровителю страны, богу Авалокитесвара. Гимнъ этотъ особенно любимъ богомольцами и всего чаще читается ими:

1. И небо и люди у ногъ твоихъ. О ты, не рождающійся, не старѣющійся и не умирающій. Владыка міра, меня, беззащитнаго, охрани. Ты, любвеобильный, будь ко мнѣ сострадателенъ.

2. Поддержи меня, въ житейское море потонувшаго, океаномъ скорби разбитаго.

Спаси меня, плачущаго, ты, многострадающій. Молюсь тебѣ, о Господи!

3. Ослѣпли мои глаза отъ тьмы желаній и трясется тѣло отъ великаго страха смерти.

4. Жену ближняго я соблазнялъ и въ невѣдѣніи вредилъ тысячѣ существъ.

Нынѣ, о Господи, убей во мнѣ тѣлесный грѣхъ.

5. Владыка міра, уничтожь во мнѣ ту ложь, мірскую, невѣчную, что́ говорилась ради жизни и почета.

Долго терзался я муками ада!

6. Я плачу, о Господи! вырви изъ моего ума грѣховные помыслы, мнѣ-ли пріятные, другому-ли полезные, но ближнему вредные.

7. Не ты-ли мнѣ вѣщалъ: все сущее, вѣчно мучащееся, и въ небѣ, и человѣка, и звѣря, и адъ, я охраняю!

8. Взгляни-же на мое дряхлое тѣло и будь ко мнѣ сострадателенъ.

Внемли, о Господи! къ тебѣ взываю: да не буду я въ аду.

9. За малость ты творишь добро. Спаси-же меня, Господи! Не видимо-ли ты рождалъ безгрѣшность, въ твоей сострадательности, постоянно ожидая чистоту.

10. Однимъ памятованіемъ ты бываешь доволенъ, и отвергалъ-ли ты видимо грѣшнаго?

О Господи, податель благъ, не отвергни меня, и нынѣ охрани меня и т. д.

Около читающаго молитвы или совершающаго приношенія

обыкновенно собирается кучка праздныхъ зрителей. Они не молятся, а только смотрятъ, громко разговаривая другъ съ другомъ о предметахъ житейскихъ.

Катманду, увѣряютъ, существуетъ болѣе тысячи лѣтъ; другіе города долины, напр., Лалитапатана, Бхатгаонъ, почти также древни по преданію. Но ни древнихъ зданій, ни древнихъ храмовъ, ни древнихъ надписей я не видалъ въ долинѣ. Надписей здѣсь много, у храмовъ, по дорогамъ, у постоялыхъ дворовъ; надписи бываютъ на разныхъ языкахъ: по-санскритски, на неварскомъ и даже на тибетскомъ языкѣ,—такъ какъ многія святыя мѣста усердно, почти исключительно, посѣщаются тибетцами. Города долины наружно похожи одинъ на другой; кто видѣлъ Катманду, видѣлъ и другіе: тотъ-же китайскій стиль архитектуры, тѣ же узенькія, грязныя улицы, широкія площади передъ двумя-тремя храмами. Бхатгаонъ какъ будто древнѣе прочихъ городовъ долины; въ немъ такіе же домы, съ китайскими крышами, какъ и въ прочихъ городахъ, но они на видъ кажутся болѣе древними и рѣзныхъ украшеній кругомъ оконъ и по столбамъ какъ-будто больше здѣсь. Въ каждомъ городѣ есть, кромѣ того, своя мѣстная святыня, храмъ или часовня, привлекающая паломниковъ изъ разныхъ странъ.

Въ половинѣ марта, въ Катманду, какъ и во всей Индіи, празднуется новый годъ; здѣсь празднество продолжается нѣсколько дней. Всѣ классы населенія принимаютъ участіе въ однородныхъ потѣхахъ. По-утрамъ, прохожіе бросаютъ другъ на друга какой-то красный порошокъ. Въ продолженіи недѣли послѣ праздника, на улицахъ встрѣчаются люди въ бѣлыхъ костюмахъ съ красными пятнами: то слѣды прошлой праздничной забавы. По вечерамъ, люди состоятельные устроиваютъ въ своихъ домахъ тамаши, т.-е. національные балеты и драматическія представленія. Балетъ въ Непалѣ не процвѣ-

таетъ; мѣстныя танцовщицы неискусны и некрасивы; привозныя изъ Кашмира обходятся слишкомъ дорого. Самая плохая кашмирская плясунья требуетъ за недѣлю представленія около тысячи рупи, или семьсотъ рублей на наши деньги. Правда, трудовъ ей предстоитъ много въ недѣлю. Балетъ начинается рано и продолжается до поздней ночи; и все это время плясать, пѣть—и такъ ежедневно, въ продолженіи недѣли,—не легко. Драматическія представленія обыкновенно отличаются самымъ грубымъ цинизмомъ, и чѣмъ циничнѣе актеръ въ своихъ выходкахъ, тѣмъ вѣроятнѣе и полнѣе бываетъ его успѣхъ. Во дворцѣ, обыкновенно, въ одинъ изъ дней праздника, счастливый по опредѣленію дворцоваго астролога, устроивается большой выходъ или дарбаръ. О дарбарѣ даютъ знать англійскому резиденту за нѣсколько дней, и въ назначенный день въ резиденцію присылается дворцовая коляска съ однимъ изъ военныхъ чиновъ, какимъ-нибудь генераломъ или полковникомъ. Резиденція (т.-е. домъ резидента, домъ врача, лечебница и нѣсколько другихъ построекъ) находится внѣ города, къ сѣверу, въ разстояніи одной мили, и дорога во дворецъ пролегаетъ черезъ весь почти городъ. На всѣхъ улицахъ въ такой торжественный день массы зрителей; народъ и солдаты переполняютъ улицы; изъ всѣхъ оконъ торчитъ по нѣскольку головъ, и на всѣхъ стѣнахъ, портикахъ, крышахъ есть зрители. На дворцовомъ дворѣ выстроиваются шпалерами солдаты. Какъ только коляска въѣдетъ во дворъ, тотчасъ раздаются оглушительные звуки плохого европейскаго оркестра вмѣстѣ съ безобразнымъ національнымъ пѣніемъ. У подъѣзда резидента встрѣчаютъ высшіе чины: главнокомандующій со свитою. По узенькой, темной, крутой лѣстницѣ чины ведутъ резиндента и его свиту въ залу дарбара. Зала дарбара—длинная, просторная комната, убранная поевропейски; въ противоположномъ отъ выхода концѣ стоитъ тронъ, отъ

котораго идутъ два ряда креселъ, занимаемыхъ исключительно военными; непальцы, несостоящіе на военной службѣ, не допускаются въ дарбаръ. Его непальское величество Сурендра Викрамасахъ встрѣтилъ резидента стоя. Сдѣлавъ селамъ, его величество пожалъ руку резиденту и свитѣ послѣдняго. Несчастный непальскій монархъ имѣетъ совершенно европейскій типъ лица; его продолговатое блѣдное лицо было-бы даже красиво, еслибъ не имѣло такого полоумнаго выраженія; въ день дарбара царь былъ въ сильномъ волненіи; онъ говорилъ быстро, заикаясь, припрыгивалъ на тронѣ. Его величество жаловался, что его не пустили въ Калькутту, хоть онъ и желалъ побывать тамъ. „G.-сахибъ (т.-е. г-нъ G.) уѣхалъ съ махаражей (т.-е. первымъ министромъ), не простившись со мною!" говорилъ немощное величіе. Аудіенція продолжалась очень недолго, къ великой, вѣроятно, радости окружавшихъ его величество, ибо неизвѣстно до чего могъ договориться непальскій царь, находясь въ такомъ волненіи и почти-что въ состояніи невмѣняемости. При прощаніи его величество, покропивъ какихъ-то духовъ въ платки резидента и его свиты, одѣлилъ всѣхъ бетелемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дарбара, громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ намъ пріѣздъ въ Катманду настоящаго владыки, махаражи, сэра Жанга-Бахадура. Вскорѣ по пріѣздѣ, сэръ Жангъ назначилъ дарбаръ у себя, во дворцѣ Таппаталѣ. Первый министръ Непала и полномочный владыка страны, лицо замѣчательно умное и въ то же время историческое. Ему теперь около шестидесяти лѣтъ; политическая карьера министра началась въ сороковыхъ годахъ. Сынъ незначительнаго офицера онъ началъ военную службу подъ покровительствомъ дяди Мартабана-Синха, бывшаго въ то время первымъ министромъ; но весьма скоро дядя сталъ завидовать и побаиваться ловкаго племянника. Умный, ловкій, любимецъ

солдатъ, Жангъ могъ дѣйствительно внушать опасенія непопулярному дядѣ. Племянникъ, свѣдущій въ военномъ дѣлѣ и еще болѣе искусный въ придворныхъ интригахъ, легко могъ попытаться свергнуть дядю и занять мѣсто благодѣтеля. Къ тому же одна изъ царицъ, наиболѣе умная и вліятельная при дворѣ, благоволила къ Жангъ-Бахадуру; не любя Мартабана и въ тайнѣ питая властолюбивые замыслы, царица задумала отдѣлаться отъ перваго министра. Нелюбимый при дворѣ, непопулярный между народомъ, Мартабанъ-Синхъ ясно сознавалъ невыгоды своего положенія и, имѣя смутныя извѣстія о какихъ-то ковахъ, видѣлъ, что всѣ шансы ча сторонѣ его молодого противника; остается неизвѣстнымъ, подозрѣвалъ ли онъ, что развязка потаенной борьбы наступитъ скоро. 18 мая, въ 1845 году, Мартабанъ-Синхъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Приглашеніе было на аудіенцію къ царю, и Мартабанъ явился во дворецъ; едва онъ переступилъ за порогъ залы совѣта, какъ откуда-то сверху, съ хоръ, раздался выстрѣлъ, и несчастный палъ замертво. Его враги были милостивы къ нему по смерти; мертвое тѣло было брошено въ священную рѣку Багмати, протекающую не вдали отъ теперешняго дворца Жанга-Бахадура. Нѣкоторое время и британское правительство и народъ подозрѣвали царя въ совершеніи гнуснаго убійства; но вскорѣ обнаружилось, кто именно повиненъ въ этомъ дѣлѣ. Молва указывала на Жангъ-Бахадура и на царицу. Начиная съ этихъ поръ, Жангъ принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи, хотя двери государственнаго совѣта были для него еще закрыты и званіе перваго министра получилъ не онъ, а другъ царицы Гаганъ-Синхъ. Положеніе дѣлъ было переходное, и такимъ оно сознавалось всѣми заинтересованными. Царица, царь, первый министръ подозрѣвали Жангъ-Бахадура въ новыхъ интригахъ и дальнѣйшихъ замыслахъ, но съ своей стороны ничего не предпринимали; а

онъ, какъ человѣкъ рѣшительный и твердый, между тѣмъ дѣйствовалъ и готовилъ себѣ путь если и не къ престолу, то къ фактическому полновластію. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ катастрофы, однажды ночью, въ домъ англійскаго резидента явился самъ непальскій царь; въ страхѣ, онъ объявилъ изумленному резиденту, что не ручается ни за спокойствіе страны, ни за свою жизнь; готовится переворотъ. Резидентъ принялъ это къ свѣдѣнію; связанный трактатами и не имѣя въ своемъ распоряженіи военной силы, онъ не могъ ничѣмъ помочь царю, совершенно упавшему духомъ. Опасенія царя оправдались очень скоро. Черезъ нѣсколько дней произошелъ coup d'état, или, говоря проще, въ залу совѣта явился съ вооруженною силою Жангъ-Бахадуръ, убилъ перваго министра и перерѣзалъ до тридцати членовъ совѣта. Ставъ фактически послѣ того полновластнымъ господиномъ Непала, онъ безпощадно уничтожалъ все ненавистное и подозрительное ему. Рѣзня продолжала производиться съ изумительнымъ и варварскимъ хладнокровіемъ. Царь, царица бѣжали въ Бенаресъ. Ихъ малолѣтній сынъ (нынѣ царствующій) былъ объявленъ царемъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того продолжались попытки свергнуть или отравить Жангъ-Бахадура; но онъ оставался цѣлъ и невредимъ и, конечно, не былъ мягкосердеченъ къ своимъ врагамъ. Жангъ-Бахадуръ, милостью ея британскаго величества возведенный въ баронеты, никогда не задумывался совершить убійство. Болѣе счастливые изъ его враговъ спаслись бѣгствомъ. Говорятъ, нынѣ бродитъ по святымъ мѣстамъ Индіи царскій братъ. Онъ пытался когда-то отравить Жангъ-Бахадура; попытка не удалась—царскій братъ бѣжалъ изъ Непала и сдѣлался факиромъ. Шопотомъ передаютъ другъ другу непальцы, побывавшіе у святыхъ мѣстъ въ Индіи, о томъ, что видѣли принца-факира тамъ-то или тамъ-то. И онъ долженъ былъ смириться передъ силою непальскаго прави-

теля: нагъ и нищъ, питаясь подаяніями, онъ бродитъ отъ одного святаго мѣста къ другому, проводя ночи на голомъ каменномъ полу какого-нибудь храма. Неопасныхъ членовъ противной партіи Жангъ-Бахадуръ оставилъ въ покоѣ; многіе изъ нихъ живутъ въ самой столицѣ; они присмирѣли и противъ правителя никто не смѣетъ поднять голоса. Конечно, по смерти Жанга остатки противной ему партіи не упустятъ случая попытать снова свое счастье; но въ настоящее время все управленіе страны въ рукахъ многочисленныхъ членовъ его семьи: его братьевъ, сыновей, племянниковъ. Они самые богатые люди здѣсь; лучшіе дома, лошади, экипажи принадлежатъ имъ. Англичане увѣряютъ, что непальцы довольны своимъ правителемъ. Но англичане въ настоящее время оставили въ Индіи политику присоединенія и о Непалѣ не думаютъ. Народъ въ Непалѣ поетъ, пьетъ водку, богомольствуетъ и дѣйствительно кажется довольнымъ. Жангъ построилъ мосты, провелъ кое-гдѣ дороги, не отягощая народъ налогами, усилилъ армію, ладитъ съ англичанами, а потому, можетъ быть, непальцы и довольны своимъ настоящимъ положеніемъ. Къ тому же невардцы такой добродушный и невѣжественный народъ.

Дворецъ правителя находится къ ю.-в. отъ города, на берегу рѣки Багмати, напротивъ храма Пасупати; онъ окруженъ садомъ и занимаетъ громадное пространство; кромѣ главнаго зданія, въ оградѣ много другихъ домовъ поменьше. Здѣсь живетъ Жангъ-Бахадуръ и нѣкоторые изъ его сыновей. Живетъ онъ по-азіатски; запросто сидитъ на коврѣ, поджавъ ноги; изъ комнаты въ комнату переносится на спинѣ слуги и никто не знаетъ, въ какой комнатѣ онъ спитъ, гдѣ и чтó ѣстъ. Когда, въ день дарбара, коляска съ резидентомъ и его свитой подъѣхала при звукахъ оркестра ко дворцу, Жангъ-Бахадуръ, окруженный многочисленными сыновьями и родственниками, стоялъ на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ съ восточ-

ною роскошью; все блестѣло и сіяло на немъ: глазетовый кафтанъ, головной уборъ, усыпанный различными драгоцѣнными камнями. Его свита, т.-е. братья и сыновья, были въ европейскихъ костюмахъ; кругомъ него были и моряки и гусары, и многіе другіе полки виднѣлись на заднемъ планѣ. Флота нѣтъ въ Непалѣ, и нѣтъ также гусаровъ; но сыновья Жангъ-Бахадура очень любятъ военные наряды; шьютъ и покупаютъ мундиры всевозможныхъ полковъ, благо носить ихъ не воспрещается въ Непалѣ; такъ, въ день большого выхода начальникъ артиллеріи щеголялъ въ гусарскомъ мундирѣ. На видъ Жангу-Бахадуру, при его крашеныхъ волосахъ, нельзя дать и пятидесяти лѣтъ. Онъ очень бодръ, хотя недавно былъ серьёзно боленъ, послѣ паденія съ лошади; типъ лица его монгольскій; ничего звѣрскаго не замѣтно ни въ глазахъ, ни въ выраженіи лица; онъ кажется добродушнымъ человѣкомъ, говоритъ тихо и мягко, очень любезенъ. Смотря на его вкрадчивое обращеніе съ европейцами, никому и въ голову не придетъ, что у этого старика такое кровавое прошедшее. Для своихъ многочисленныхъ сыновей сэръ Жангъ-Бахадуръ нанимаетъ гувернера, англичанина. Многіе изъ нихъ говорятъ по-англійски, и очень любятъ щеголять знаніемъ англійскаго языка; всѣ они безъ всякаго образованія, хотя и не безъ нѣкотораго европейскаго лоска. У каждаго изъ сыновей есть свое довольно значительное состояніе; но отецъ держитъ ихъ въ ежовыхъ рукахъ и не даетъ воли тратить; такъ-какъ каждый изъ нихъ занимаетъ высокій постъ въ арміи, то, кромѣ того, сынки получаютъ значительное содержаніе изъ казны. Мальчики лѣтъ пятнадцати, сыновья Жанга-Бахадура или его племянники, часто имѣютъ чинъ полковника. Одинъ изъ его сыновей, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, уже генералъ и начальникъ артиллеріи. Молодой генералъ очень добродушный человѣкъ, хотя и съ нѣкоторою придурью; говоритъ по-англій-

ски, бывалъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ и считаетъ себя европейски образованнымъ. Калькутта для jeunesse dorée Непала то же, что Парижъ для разгульной молодежи у насъ, въ Европѣ. Въ Калькуттѣ они вырываются на полную свободу; не страшась бдительнаго надзора отцовъ, здѣсь они упиваются шампанскимъ, вкушаютъ бифштексъ; въ Калькуттѣ, вдали отъ женъ, отъ отцовъ, не опасаясь потерять касту, они безъ разбора и безъ мѣры предаются тѣмъ удовольствіямъ, коими изобилуютъ всѣ большіе города вообще, и восточные въ особенности. Женятся въ Непалѣ очень рано; въ шестнадцать лѣтъ юноша бываетъ главою семьи и отцомъ. Рѣдкій состоятельный человѣкъ удовлетворяется двумя-тремя женами; число женъ, рабынь и случайныхъ наложницъ иногда, какъ напр. у сэра Жанга-Бахадура, достигаетъ чудовищной цифры. А сэру Бахадуру около шестидесяти лѣтъ. Женъ и дочерей непальцы не прячутъ; на дарбарѣ онѣ не бываютъ, но часто показываются на улицахъ. Самъ Жангъ-Бахадуръ выѣзжаетъ иногда въ публичныя мѣста съ двумя-тремя женами. Конечно, непальскія дамы далеко не пользуются тою свободою, какую имѣютъ европейскія. Эту свободу непальцы, побывавшіе въ британской Индіи и видѣвшіе тамъ англійскихъ дамъ, совершенно не понимаютъ. Объ европейскихъ женщинахъ, публично танцующихъ на балахъ, разговаривающихъ съ посторонними имъ мужчинами, непальскіе принцы вывезли самыя безобразныя представленія. Поумнѣе изъ нихъ подозрѣваютъ какую-то разницу между европейской дамой, танцующей на балѣ, и кашмирской плясуньей, нанимаемой въ праздничные дни для мѣстнаго балета. Но разсказываютъ, что даже Жангъ-Бахадуръ въ первую бытность въ Парижѣ, при всемъ его умѣ, сдѣлалъ разъ грубѣйшій, совершенно непозволительный и неизвинительный промахъ. Восточный властелинъ воображалъ, что его золото всемогуще.

Зала дарбара во дворцѣ перваго министра очень красива и гораздо лучше и великолѣпнѣе убрана, нежели большая зала въ царскомъ дворцѣ; но лѣстница также темна, узка и крута, какъ и тамъ. Дарбаръ продолжался довольно долго. Жангъ-Бахадуръ былъ разговорчивъ и любезенъ; въ заключеніе дарбара онъ показалъ присутствующимъ отрядъ стрѣлковъ. Солдаты въ Непалѣ носятъ мундиры, подобные англійскимъ, и всѣ слова команды англійскія. Говорятъ, армія Непала немногочисленна, не болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, но во всякое время дня по улицамъ встрѣчается очень много войска, а потому весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ непальская армія гораздо многочисленнѣе. На видъ солдаты не воинственны: они малы ростомъ, грязноваты и врядъ ли хорошо дисциплинированы. Конечно, въ случаѣ нападенія изъ равнинъ, въ горахъ и эта разнокалиберная армія трудно побѣдима. Бахадуръ сильно заботится о вооруженіи своей арміи. Англичане, живущіе у непальскихъ границъ, увѣряютъ, что подъ видомъ разныхъ машинъ цѣлые транспорты усовершенствованныхъ ружей провозятся въ Непалъ.

Непалъ какъ государство независимое и въ то же время полузакрытое для европейцевъ, очень мало подвергся вліянію западной цивилизаціи. Путешественниковъ здѣсь бывало очень мало; англійская колонія въ Катманду и теперь, и прежде съ начала настоящаго столѣтія всегда бывала малочисленна, никогда здѣсь не бывало болѣе трехъ европейцевъ, постоянныхъ жителей: резидентъ, его помощникъ и врачъ, и эти три человѣка живутъ внѣ города, не имѣютъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами и даже гулять выходятъ подъ прикрытіемъ непальскаго полицейскаго. Къ резиденту приставленъ непалецъ адъютантъ, черезъ посредство котораго происходятъ всѣ сношенія съ правительствомъ и туземцами; каждый туземецъ, желающій видѣть резидента или кого бы то ни было въ резиденціи, дол-

женъ предварительно испросить у правительства разрѣшеніе на то. Каждый шагъ европейца, находящагося подъ постояннымъ присмотромъ полиціи, замѣчается; каждый вопросъ европейца возбуждаетъ какъ-будто подозрительность, и почти на каждый вопросъ онъ получаетъ одинъ отвѣтъ: „не знаю". Въ Катманду есть даже живая иллюстрація правительственной подозрительности. Главный конюхъ правителя безъ рукъ; лѣтъ двадцать тому назадъ его заподозрили, какъ англійскаго шпіона, и, не разобравъ хорошенько дѣла, бѣдняку отрубили руки; впослѣдствіи подозрѣніе оказалось вполнѣ неосновательнымъ; Жангъ-Бахадуръ взялъ его къ себѣ въ наѣздники и положилъ ему хорошее жалованье. Однажды мнѣ представилась необходимость побывать у одного мѣстнаго ученаго; Бахадура не было въ городѣ, и его братъ, исправлявшій должность правителя на то время, не разрѣшилъ мнѣ посѣтить моего знакомаго; онъ прислалъ мнѣ сказать черезъ адъютанта резидента, что мой знакомый будетъ бывать у меня каждый день, а потому мнѣ незачѣмъ безпокоиться и ходить къ нему. Но справедливость заставляетъ меня тутъ же прибавить, что если я вывезъ кое-что любопытное отсюда, то это благодаря содѣйствію непальскихъ властей; англичане при всемъ желаніи не могутъ оказать здѣсь существенной помощи. Едва ли есть еще другая страна, гдѣ ихъ такъ мало любятъ и такъ сильно боятся. А между тѣмъ немного странъ въ Индіи, представляющихъ такое богатое поле для этнографическихъ изслѣдованій, начиная съ языковъ различныхъ народовъ Непала и кончая народными суевѣріями, сохранившимися здѣсь въ первоначальной неприкосновенности; въ этой горной странѣ, между арійскою Индіею и тибетскими племенами, къ сѣверу, все оригинально и любопытно. Здѣсь и вдовы еще имѣютъ полное право сожигаться, хотя Бахадуръ и не поощряетъ таковое самоотверженіе. Въ Катманду и бо-

гатый, и бѣдный вѣрятъ, что если искупаешься въ такомъ-то мѣстѣ, у такого то храма, то получишь то-то, а купанье въ другомъ мѣстѣ, у другого храма, доставляетъ другое житейское благо. Здѣсь еще гвозди въ стѣнахъ и столбахъ извѣстныхъ храмовъ изцѣляютъ отъ зубной боли, и старый и малый ходятъ тереть больные зубы объ эти гвозди; въ Катманду и духи, обитающіе на перекресткахъ, до сихъ поръ врачуютъ. Заболѣетъ ли кто въ домѣ, на перекрестокъ выносится тарелочка съ рисомъ, цвѣтами, зажженною свѣчкою и бумажными флагами. И съ этого начинается врачеваніе и въ домѣ столяра и въ семьѣ генерала, съ того разницею однако же, что генералъ въ случаѣ, если эта попытка вылечиться не удалась, на другой день посылаетъ за англійскимъ врачемъ, въ резиденцію.

Непальцы народъ добродушный и веселый; они подозрительны по внушенію свыше, охотники повеселиться и всѣ, за малымъ исключеніемъ, непрочь выпить; высшіе классы, сынки генераловъ особенно падки на шампанское и коньякъ. Случается, что гувернеръ непальскаго баронета занимается не столько обученіемъ своихъ питомцевъ, сколько доставленіемъ имъ запретнаго плода, т.-е. коньяку. Въ Катманду называютъ одного изъ бывшихъ гувернеровъ, который обогатился корчемствомъ. На улицахъ Катманду и въ праздникъ, и въ будни попадаются пьяные и люди на-веселѣ. Всякое паломничество къ святымъ мѣстамъ оканчивается обыкновенно шумною пирушкою тутъ же, у святыни. На одной изъ такихъ пирушекъ мнѣ пришлось присутствовать, наканунѣ отъѣзда изъ Катманду. Къ западу отъ города, въ разстояніи двухъ миль, возвышается холмъ Самбхунатхъ (250 ф. надъ уровнемъ долины). На вершинѣ стоитъ знаменитый и древнѣйшій храмъ долины. Около четырехъ-сотъ ступеней, по крутому склону холма, ведутъ къ нему; по сторонамъ, во всю

дорогу виднѣются часовни, храмы, ступы. Не доходя до вершины, на половинѣ дороги у одной изъ часовень, на довольно просторномъ уступѣ холма, я нашелъ десятка два мужчинъ и столько же женщинъ; расположившись на травкѣ рядомъ, и мужчины, и женщины попивали мѣстную водку; всѣ они были въ праздничныхъ одѣяніяхъ, съ цвѣтами на головахъ, и необыкновенно чисты для непальцевъ. Пикникъ былъ въ полномъ разгарѣ; они смѣялись, кричали и всѣ были видимо сильно на-веселѣ. Какой-то старикъ, почтенный на видъ и не совсѣмъ твердый на ногахъ, съ бутылкою въ рукахъ, угощая, обходилъ пирующихъ. Вдругъ они запѣли всѣ разомъ, крикливо и несогласно, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ и мѣстныхъ тарелочекъ. Они пѣли пѣсню, не совсѣмъ приличную для мѣста, гдѣ находились; пѣли нехорошо, кто въ лѣсъ, кто по-дрова; но слова пѣсни не лишены были смысла и поэтической прелести. Они пѣли:

1. Не кичись, красавица! Вѣдь люди знаютъ, какъ мы жили съ тобою. Безъ меня тебѣ не наслаждаться.

2. Молодость—свѣжій ростокъ; молодость—мгновеніе для наслажденія! Теперь ли намъ съ тобою разставаться?

3. Дни уходятъ, дни исчезаютъ. И затѣмъ, на что же молодость?

4. То слово было сказано въ минуту гнѣва. Забудь мою страсть!

5. Станемъ жить, станемъ вмѣстѣ наслаждаться. Безъ тебя не дышать мнѣ.

Непальцы очень пѣвучій народъ, хотя пѣніе ихъ и не мелодично и множество пѣсенъ занесено сюда изъ Индіи, факирами. Попадаются, впрочемъ, оригинальныя, съ мѣстнымъ оттѣнкомъ, и даже переводныя съ тибетскаго.

Во время моего пребыванія въ Катманду я получилъ отъ одного буддиста небольшое собраніе народныхъ пѣсенъ, изъ

котораго извлекаю какъ образчики неварскаго творчества слѣдующія четыре пѣсни.

Пѣсни факира.

1.

1) Не видишь твоего образа, и сердце не трепещетъ. Бродилъ я и смотрѣлъ въ Ядесѣ [1]) и Кхопадесѣ [2]). Нигдѣ тебѣ подобнаго перла существа я не видѣлъ.

2) Въ Матхурѣ [3]), въ Бриндаванѣ, въ Гокулѣ я смотрѣлъ. Нигдѣ не видѣлъ такого чернаго лица, какъ твое.

3) Днемъ ночью я творю молитвы и тебя созерцаю! Гдѣ увижу тебя, о Кришна? Гдѣ мы встрѣтимся?

4) На берегу Ямуны на свирѣли играетъ Кришна! Толпою пастушекъ окруженный онъ поплясываетъ!

5) Сыны, дочери, домочадцы суть сѣти обмана. Нѣтъ мочи быть въ сѣтяхъ: я странствующій подвижникъ!

6) Моимъ рѣчамъ не внимали, и нѣтъ мочи говорить! Я старался и не было мнѣ удачи.

7) Этой моей скорби не сострадали! Мечь схватилъ ребенокъ, что у груди!

8) Какъ сталось, что въ сердцѣ твоемъ нѣтъ нѣжности, нѣтъ состраданія. Для чего нибудь ты дышишь?!

9) О дыханіе, заключенное въ злыхъ людскихъ узахъ, ты старайся, старайся!

10) Были предостереженія,—и не предостережены; были увѣщанія—и не послушались ихъ. Ребенокъ въ объятьяхъ стонетъ, стонетъ!

---

[1]) Т. е. Лалитапатанъ—городъ въ Непальской долинѣ.

[2]) Т. е. Бхатгаонъ—городъ тамъ-же.

[3]) Объ этихъ мѣстахъ см. главу VI.

11) Смотрѣлъ, смотрѣлъ и не видѣлъ: не въ мочь мнѣ смотрѣть. Смотрѣлъ и не могъ узрѣть Господа.

12) Днемъ и ночью нѣжно сердце мое къ тебѣ.

2.

1) О духъ живой, кому я скорбь эту повѣдаю? Виденъ въ мірѣ огонь, что на вершинѣ горы горитъ, но кто увидитъ пламень, въ сердцѣ возженный?

2) Полетитъ-ли лѣсная птица и увидятъ ее въ мірѣ. Но кто узритъ пареніе сердца человѣческаго?

3) Желѣзнымъ посохомъ коня и слона укрощай, но стыдомъ и совѣстью сердце человѣческое обуздывай!

4. Ночью прошлою мнѣ коробочку дали, раскрыла я коробочку на другой день и увидѣла исписанную бумажку!

5) Не лежитъ мое сердце къ странѣ, отцемъ-матерью дарованной, а какъ уйду отсюда, то врага найду!

6) И коль увидишь меня пришедшую, ты сдѣлай такъ: у твоихъ ногъ ты даруй мнѣ жить, и мою ты рѣчь скорбную выслушай!

3.

1) О Хари, о Сива! уже-ли мнѣ быть безбрачнымъ? Въ четырехъ странахъ свѣтъ я смотрѣлъ и не видѣлъ я жены для себя. О Хари, о Сива, кто обережетъ теперь меня?

2) Жены въ чьемъ домѣ нѣтъ, словно лѣсъ тотъ домъ! О Хари, о Сива! безплодно мое рожденіе исчезнетъ!

3) Мой удѣлъ—факира! Да сердце не вынесетъ самоотреченія! О Хари, о Сива! Божья имени не могу я призывать!

4) Чисто то слово лишь у ногъ учителя! О Хари, о Сива! Даруй мнѣ жить у ногъ твоихъ!

Покинутая жена.

4.

1) Въ Тибетъ ушелъ супругъ, не трепещетъ мое сердце! Изъ Тибета пришло письмо, прыгнуло сердце на цѣлый локоть! Развернула письмо прочла и обрадовалась.

2) На утро выйду на порогъ: зиму вижу; и какъ увижу я зиму, не трепещетъ мое сердце.

3) Стану-ли ѣсть: съ другими дѣтьми отцы говорятъ, посмотрю на свое дитя, и не трепещетъ мое сердце.

4) Ночью пойду въ опочивальню и взгляну на ложе; и какъ увижу я ложе, не трепещетъ сердце и кровь приливаетъ!

5) Не цвѣтетъ древо безъ листьевъ, сохнетъ тѣло мое какъ то древо!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

НА ЦЕЙЛОНѢ.

ОЧЕРКИ ИНДІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.